Предисловие

Эту книгу я написал для создания игры, чтобы когда я запишу свои мысли в виде полноценного повествования, смог черпать из записей нужные элементы для создания полноценной игры. Это не самый обычный сюжет, если учитывать, что он про глобальный конфликт между Россией и блоком НАТО. Первоначально я придумал его в раннем возрасте когда играл в игры по типу «Call of Duty». Мне совсем не понравилось, что в последних частях серии, в которые играл были не про Вторую мировую и Великую Отечественную, а про современность. Всё бы ничего, но в основной массе там враги – русские. Мне захотелось создать свой сюжет про войну России и Америки от лица российских спецназовцев. В этом мне помогали моды для серии игр. Я и сам стал делать моды для игры, но мне всегда этого было мало. Поначалу врагом была представлена только американская армия, это было очень смешным для меня. Поэтому я вписал в сюжет блок НАТО для большей реалистичности. Всё это смотрелось всё равно очень упрощенным с мотивациями главного антагониста, который считает Россию угрозой Западу, поэтому я добавил в сюжет много моральных дилемм и сюжетных поворотов в конце концов сделав не простую «стрелялку» по типу «бей врагов, вот и вся наука», а именно разные точки зрения на вышеупомянутый конфликт, но при этом акцентировал большое внимание на веру в истинные ценности, которые представляет Родина в условиях информационной войны. У врагов есть те люди, которые как проявляют агрессию к бойцам, так и желают помочь, симпатизируя РФ, потому что в реальной жизни не так всё однозначно, как в играх с упрощением понятий. Именно эти темы я и постарался поднять в своём сюжете, но сделать это не совсем стандартным способом. Должен предупредить, диалоги прописаны как субтитры к репликам персонажей из игр. Это было сделано для того, чтобы читатель мог сразу видеть, кто говорит. Приятного чтения!

Глава 1: Вторжение

Апрель 2028 года, Аура казармы, ещё хранившая прохладу предрассветного часа, была плотной и умиротворяющей. Где-то за окном, за бетонными белыми стенами, начиналось утро – то самое, раннее и безмятежное, какое бывает лишь в глубине России, когда сонный свет только-только касается вершин сосен. Военная база почти у границы РФ казалась неприступной крепостью. Капитан Виктор Кузнецов спал крепко, словно камень, на своей койке, его дыхание было размеренным и глубоким. Тренировки, стрельбища, бесконечные пробежки – тело требовало этого покоя, и разум послушно отключался, погружаясь в черноту, где не было ни приказов, ни врагов, ни сложных решений.

Этот покой был разорван в клочья.

Сначала – глухой, низкий гул, который заставил волоски на руках встать дыбом, ещё до того, как его сознание проснулось. Затем – пронзительный, нарастающий вой сирены. Резкий, неестественный, он пронзил тишину и казалось, вонзился прямо в душу. Все вскочили одновременно. Сердца забились бешеными барабанами, отдаваясь в висках. Первой мыслью, обманчивой и привычной было: «Учения. Опять. В такую рань?». Сквозь полусонную пелену кто-то уже ругался, кто-то поспешно натягивал штаны, а кто-то самый опытный и потому самый недоверчивый, уже тянулся к окну. Виктор был среди них, а рядом с ним, уже почти у окна, стоял старший лейтенант Токарев, заместитель командира, мужчина средних лет, его лицо было жёстким и сосредоточенным.

Яркие, слепящие лучи восходящего солнца резали глаза, но сквозь эту золотую завесу они увидели их. Стальная стая. Десятки, быть может, сотни транспортных самолётов, гигантских хищных птиц, летевших на низкой высоте. Их силуэты были огромны, а гул – теперь уже не просто фон, а оглушительный рокот, сотрясавший воздух. Виктор прищурился, и сквозь блики увидел знакомую, но совершенно неуместную маркировку – западного образца. Холодная дрожь пробежала по спине.

Дверь казармы распахнулась с грохотом.

В проём ворвался сержант, его глаза были вытаращены от ужаса, голос сорван на визг: На базу напали! Это не учения!

Слова бойца повисли в воздухе, словно молот, обрушившийся на головы.

Тишина. Мгновенные оцепенения, когда привычные алгоритмы «учения-тревога» рухнули, сметённые ледяным душем осознания. Затем – взрыв активности. Яростный, целеустремлённый. Никто не нуждался в инструкциях. Все оживились, как единый организм, и рванули в сторону оружейной. Звон ботинок, лязг замков, короткие отрывистые команды.

Виктор бежал впереди, чувствуя, как адреналин вскипел в жилах. Рядом с ним мчался Токарев, его взгляд был уже полностью сфокусирован. Лейтенант Летягин, молодой, но толковый офицер, уже обгонял их, его ноги несли его к оружейке. А позади них, на ходу застёгивая разгрузку, бежал рядовой Соболь, самый молодой в отряде, окончил подготовку в спецназе; у него ещё нет боевого опыта, но тренировки сделали его готовым ко всему происходящему.

Оружейная комната встретила их привычной суетой. Выглядела она снаружи как параллелепипед. Хватай, проверяй, заряжай. Автоматы Калашникова образца двенадцатого года легли в руки как родные, их вес успокаивал. РПГ, ящики с гранатами, магазины с патронами – всё разбиралось мгновенно. Бронежилеты «Панцирь 3.1», каски «Спартанец 5.45», костюмы «Горка 4» с камуфляжем «EMR (Лето)». Для выполнения самых опасных заданий нужна была соответствующая экипировка, которой располагали элитные подразделения, как ССО, в котором состояли эти бойцы.

Токарев: Летягин, возьми Соболя и ещё двух бойцов, займите западный фланг! Прикрывайте от склада! Капитан, я с вами, к главному въезду!

Гул усиливался. Земля под ногами задрожала. Взглянув в следующее окно, Виктор увидел, как из нижних люков транспортников опустились трапы. Из их пастей уже сыпались парашютисты, а следом за ними, на платформах, спускалась лёгкая бронетехника – бронетранспортёры, бронеавтомобили. Это не шутки. Это была полномасштабная атака.

Кузнецов: На позиции! По периметру! Не дайте им закрепиться!

Когда он скомандовал, взгляд Токарева упал на командира – 34-летнего всегда гладко выбритого мужчину, с тёмно-русыми волосами и аккуратной короткой стрижкой в немецком стиле. Тот схватил РПГ. Бойцы его отряда, часть общего гарнизона, быстро рассредоточились, занимая оборонительные рубежи у центрального въезда. По всему периметру базы уже слышались взрывы и стрельба, другие подразделения также вступали в бой.

База была полем боя. Враги, стремительно десантировавшиеся и приземлившиеся в нескольких точках, уже начали прорыв. Взрывы гранат сотрясали воздух, свист пуль стал непрерывным фоном. Отряд Виктора, занимавший позицию у одного из въездов на базу, оказался под плотным огнём.

Кузнецов: Сержант! Расчёт РПГ – по бронетехнике! Не дайте им пройти к штабу!

Один из БТРов «Страйкер» противника, нагло прорывающийся сквозь проваленные ворота, был слишком близко. Виктор выстрелил из РПГ. Снаряд точно попал в борт, разорвавшись огненным шаром. Стальной зверь замер, из него повалил дым. Мгновенная передышка, пока другие вражеские машины маневрировали, избегая обстрела.

Рядом с Виктором старлей методично косил вражескую пехоту из своего пулемёта.

Токарев крича, и указывая на группу вражеских солдат, пытающихся обойти их позицию: Лезут как тараканы! Виктор, с фланга заходят!

Виктор быстро переключился на автомат.

Тем временем с западного фланга доносились короткие, но яростные перестрелки.

Боец: Держимся, Капитан! Летягин тут в эфир лезет – отбиваемся! Соболь предложил их закидать гранатами, тренировки не прошли зря!

Виктор почувствовал гордость за своих ребят, даже в этот момент ада. Он видел, как падали враги, как их отряд, хоть и небольшой, держался с невероятным упорством. По всей базе разгорались очаги ожесточённого сопротивления, но враг превосходил числом, и его натиск был неумолим. Бой был тяжёлым. Не было времени на сомнения или страх, только на действия. Огонь был повсюду. Короткие очереди, одиночные выстрелы, крики раненых, лязг отстрелянных гильз. Земля была усеяна ими. Бойцы Виктора сражались отчаянно, но численное превосходство противника было подавляющим. Вражеские штурмовые группы, обученные и безжалостные, прорывались всё ближе к ключевым объектам базы. Враги попрятались по укрытиям, окопавшись в них. К позициям отряда с позывным «Альфа» подбирались десятки бойцов и бронетехники. Среди машин оказались и танки M1A2 «Абрамс», стремительно надвигавшиеся на бойцов.

Радист: Вызываем эвакуацию! Несём потери! Повторяю – нужна эвакуация!

Голос радиста был прерывистым и паническим. Виктор понимал, что долго они не продержатся. Каждый метр территории стоил крови. Они уже вызвали помощь, но когда она придёт? Он видел, как Токарев получил ранение в плечо, но продолжал стрелять, сцепив зубы. Летягин докладывал, что их позицию почти обошли. Соболь, несмотря на страх в глазах, перезаряжал автомат, готовясь к следующей атаке.

Кузнецов: Всем держать позиции! Соболь, Летягин, отвлеките пехоту, я разберусь с бронетехникой!

Бойцы ответили хором: Есть!

Они направились к указанной точке, чтобы увести врага в неправильное направление.

Кузнецов: Токарев!

Токарев: Слушаю, командир!

Кузнецов: Бойцы отвлекут пехоту, в этот момент я займусь бронетехникой, но снарядов у нас мало, каждый на счету. Если в ближайшее время подкрепление не придёт, наша война закончится здесь, даже не начавшись. Установи свой пулемёт на сошки и веди огонь так, чтобы они головы не смогли высунуть!

Токарев: Так точно!

Бойцы вели огонь по пехоте, Борис вёл огонь из пулемёта. Кузнецов подбежал к укрытию, зайдя с фланга, он закинул на плечо РПГ. Прицелившись и выстрелив, ракета попала в гусеницу «Абрамсу».

Когда натиск стал совсем невыносимым, когда казалось, что у них больше нет шансов, раздался новый, знакомый гул. В этот раз – спасительный. Над горизонтом появились четыре силуэта, несущиеся с невероятной скоростью: два Ми-24, чьи установки уже начали вести огонь, обрушивая его на наступающие ряды противника, и за ними два Ми-17.

Из динамиков одного Ми-17 раздался знакомый, холодный голос: Капитан Кузнецов, это полковник Нестеров. Держите позицию. Мы вас прикроем. Готовьтесь к посадке.

Боевые вертолёты разносили в щепки бронетехнику и расчищали пространство для эвакуации. Виктор кивнул – Нестеров прилетел, и это было единственным спасением. Отряд, вместе с выжившими бойцами гарнизона, начал стягиваться к вертолётам, попутно отстреливаясь и заполняя транспортные отсеки Ми-24 и Ми-17, чтобы вывезти всех, кто

смог до них добраться. Когда все выжившие бойцы вошли в вертолёты, Нестеров и его люди закидали врага дымовыми шашками, повезло, что у тех не было тепловизоров. Вертолёты взлетели, и командир эвакуационной группы доложил по рации бомбардировщикам, что бойцы спасены и можно сравнять противника с землёй. Борт качнулся – вертолёт сдвинулся с места и полетел над лесом. В иллюминаторах в этот момент пролетели бомбардиры, некоторые из отряда капитана посмотрели вниз, чтобы увидеть поверженного врага. База «Тайга» оказалась вся в огне, и в нём горели НАТОвские силы. Отряд капитана радовался, на их лицах была радость за то, что они выбрались оттуда. Виктор был тоже счастлив, но он не показывал этого, он понимал, что это лишь начало, что если сейчас им это сражение так сложно далось, столько потерь и сил, то дальше будет только хуже. Токарев, его давний друг смотрел на него молча, с серьёзным взглядом и всё понимал, каково это.

Глава 2: В глуши

Нестеров: Глубинка, это «Тень», мы входим в ваше воздушное пространство, не стреляйте!

Вертолёты с гулом сели на разрыхлённую полевую площадку, разбитую наспех вдали от основных дорог в лесу. Отряд был над местом назначения – полевой лагерь «Глубинка». Выйдя из салона, обстановку можно было разглядеть: джипы с полевыми антеннами, палатки, генераторы, часовые с напряжёнными лицами. Это был временный командный пункт, созданный в условиях незапланированной ситуации, уже потрёпанный войной, которая только набирала обороты. Воздух был тяжёлым от запаха дизеля, сырости и смутного предчувствия беды.

Отряд Кузнецова, уставший и встревоженный, быстро вывалился на землю. Двигались быстро, привычно, без лишних слов. Кузнецов оглядел лица своих бойцов – их глаза были прищурены, движения резкие, словно все они ждали

очередного удара. Он видел усталость, но и ту решимость, которая отличала его людей.

Нестеров, не теряя ни минуты, жестом подозвал их к главной палатке – тенту-командиру, где уже собрались несколько связистов и офицеров в потрёпанной форме. Внутри было душно и шумно от работы раций. На столе лежала большая тактическая карта Европейской части России. Множество красных стрел, указывающих на глубину вторжения, наводили ужас.

Голос Нестерова был безэмоциональным, но в нём чувствовалась лёгкая тревога: Быстро, Капитан, времени нет.

Нестеров: Ситуация критическая. Присаживайтесь.

Виктор и его бойцы заняли места на ящиках и складных стульях. Кузнецов заметил, как Токарев поправил повязку на своей руке, Соболь нервно оглядывался, пытаясь осознать масштаб происходящего, Летягин сосредоточенно смотрел на карту.

Нестеров, подойдя к спутниковому терминалу, включил новостную ленту. Голос диктора пронёсся по слабому динамику, заглушая треск раций.

Диктор новостей: Сегодня в 6:00 утра западные войска вторглись на территорию России. Совет ООН объясняет это тем, что неделю назад по крупным городам западной Украины были нанесены ракетные удары в ответ на атаку БПЛА. Власти НАТО оправдывают вторжение миротворчеством и защитой западного мира и оставшихся украинцев, настроенных против русских.

В палатке нависла гнетущая тишина.

Один из бойцов Кузнецова, Черненко, сдавлено фыркнул: Так я сам видел, как беспилотники летели на Москву. Западные власти – любители переврать всё!

Несколько других солдат закивали, кто-то выругался себе под нос, сжимая приклад автомата. Молодой Соболь

непонимающе смотрел то на экран, то на командира, пытаясь сложить картину.

Капитан поднял взгляд, его лицо было жёстким, как камень, не выражая ни удивления, ни негодования. Он уже всё понимал.

Кузнецов: НАТО всегда было нашим врагом, уже давно пора привыкнуть к их бесконечной лжи в адрес нашей Родины. Наш давний враг первый нанёс удар! Политика – это для тех, кто сидит подальше от линии огня. Лично для меня они – паразиты, заражающие своей идеологией культуру, историю и идентичность нейтральных по отношению к ним народов, стирая память о подвигах настоящих героев. А мы на передовой. Наш дом в опасности, лично я не собираюсь его отдавать в лапы зверю, который давно хочет отобрать у меня мою Родину! Война началась, и она затянется надолго. Мы должны связаться с Кремлём и выяснить, насколько всё сложно, и предотвратить дальнейшее продвижение противника вглубь страны!

Тяжёлое молчание. Слова Кузнецова, лишённые эмоций, но полные решимости и вдохновения защищать Родину, отрезвили бойцов лучше любого окрика.

Бойцы Нестерова и Кузнецова собрались у стола с картой.

Нестеров, склонившись над картой: Масштаб вторжения беспрецендентен, Капитан. Они наступают с запада Европы. Воздушное пространство подавлено, система ПВО работает на пределе. Мы теряем крупные города и ключевые военные объекты. Связь с некоторыми центральными штабами потеряна полностью.

Он тяжело вздохнул.

Радист: Товарищ капитан, это вас! Москва на связи! Подойдите.

Синицын (по рации): Кузнецов, обстановка критическая. Противник рвётся к Кремлю. Мы тут горим, но есть ещё одна задача. Утечка информации. Нестеров нашёл зацепку.

Кузнецов: Принял, товарищ генерал. Что за зацепка?

Нестеров подошёл к Кузнецову с планшетом в руках: Виктор, ситуация серьёзная. Москва сейчас не может тратить ресурсы на эти бункеры. Но если связь с Западом идёт через них, это диверсия. Надо пресечь.

Кузнецов: Что известно о бункерах?

Полковник показал на планшете карту с отметками капитану.

Нестеров: Вот, смотри. Это старые советские объекты, законсервированные много лет назад. По официальным данным заброшены. Но по нашей информации, кто-то про них вспомнил. Мы зафиксировали активность в эфире, идущую оттуда.

Кузнецов: Что за активность?

Нестеров: Шифрованные сообщения, направленные на запад. Что именно передают – пока не расшифровали. Но это явно не туристические радиопередачи.

Кузнецов: Сколько бункеров?

Нестеров, отдавая данные о местонахождении противника: Три. Все находятся в радиусе пятидесяти километров отсюда. Вот их точные координаты.

Кузнецов: Что-нибудь ещё?

Нестеров: Это всё, что мы имеем на данный момент.

Виктор повернулся к своим людям.

Кузнецов: Так, всем бойцам «Альфы» собраться рядом со мной!

Его отряд был готов к новым вызовам.

Кузнецов: Москва связалась с нами, у них ситуация там совсем не сахар, но они и полковник передали нам важную информацию. Вблизи есть 3 бункера с подозрительной активностью, мне нужны люди, которые смогут по-тихому пробраться в эти объекты и перехватить разведданные, если

таковые имеются. Для операции на каждый бункер по 2 человека. Всем сделать маскхалаты и экипироваться, обязательное снаряжение: снайперская винтовка с глушителем, остальное у вас есть. Летягин, ты со мной. Токарев и Соболь - вы вдвоём. На подготовку времени мало, приступайте. Нестеров, займётесь последним бункером?

Нестеров: Товарищ капитан, я уже выбрал своего бойца. Черненко пойдёт со мной. Он не подведёт.

Кузнецов: Отлично.

В лагере стали делать маскхалаты из листьев леса. Сплетённые из опавших листьев и веток елей, они грубовато топорщились на плечах, но идеально сливались с весенним лесом. Колючие ветки царапались, а сухие листья заставляли потеть в военной форме, но необходимость оставаться незамеченными заглушала дискомфорт. Маскировка была готова.

Кузнецов: Все собрались? Выдвигаемся!

Нестеров позвал капитана: Виктор!

Полковник подбежал к нему: будьте осторожны. Мы не знаем, кто там находится и чем они вооружены. Но если они используют бункеры для связи с врагом, то они опасны. И последнее… Виктор, я доверяю тебе. Найди и пресеки эту диверсию. Это сейчас очень важно для защиты Москвы.

Кузнецов: Так точно, товарищ полковник! Я не подведу, ты же знаешь.

Нестеров: Удачи, Виктор…

Кузнецов: И тебе, Алексей…

* * *

Группы выдвинулись. Кузнецов и Летягин шли в чаще леса. Маскхалаты развевал лёгкий ветер. За спиной у них было по автомату Калашникова, а в руках СВДМ. Оба оружия были с глушителем. Солнце светило бойцам в глаза. Высокие

деревья тянулись вверх, до самого солнка, а на их ветвях сидели птицы и щебетали что-то на своём птичьем языке. Листья и упавшие ветки хрустели под ногами. Снайперы вглядывались в каждый метр, в каждое дерево. И чем ближе они подбирались к цели, тем громче казался хруст под ногами и в деревьях глазам казались странные силуэты.

Вскоре начали появляться реальные потенциальные угрозы.

Кузнецов прошептал: Стоять! Враг на 12 часов, пора задействовать винтовки.

Прильнув к оптическому прицелу снайперской винтовки, Виктор стал сосредотачиваться, Летягин готовился выстрелить вместе с командиром синхронно.

Кузнецов: На счёт 3 валим их. Твой правый, мой левый. 1… 2… 3! Огонь!

Пули из винтовок бойцов, просвистев, попали в головы патрульным.

Летягин: Должно быть, это часовые.

Кузнецов подошёл к телам убитых:

Шевроны США и эмблема НАТО, камуфляж «Вудланд Марпат» – всё указывало на вторжение и дальнейшую оккупацию России Западом.

Кузнецов: Не думал, что в такой глуши придётся столкнуться с такой серьёзной охраной. Значит мы на верном пути. Вперёд, я уверен, чем ближе мы будем подбираться к цели, тем больше будет солдат противника.

Капитан не ошибся, снайперам пришлось действовать сообща, чтобы ликвидировать группы противника, состоящие из большего числа людей, чем в тот раз.

Бункер был уже совсем близко.

Бойцы подползли к склону, с которого можно было хорошо видеть старый бункер,

Кузнецов: Ложись!

Диверсанты прильнули к земле.

Кузнецов: Так, теперь ползи. Вон там, видишь? То бетонное сооружение, заросшее за все эти годы со времён распада СССР. Это наша цель.

Виктор указал на массивное бетонное здание, которое кажется неуместным, среди густого леса.

Летягин: Так точно! Наблюдаю патруль.

Кузнецов: Сейчас о-о-очень тихо. Если там находятся любые документы с разведданными, то при малейшей суматохе они сожгут их, а нам нужна любая информация.

Летягин прекрасно понимал слова Виктора, ведь капитан сам обучал лейтенанта множество раз.

Толстые стены и узкие бойницы свидетельствовали о надёжности бункера и неприступности. Рядом с оккупантами стояли джипы, на которых они приехали сюда. Около транспорта стояли канистры с бензином.

Убежище охраняли 6 бойцов, если не считая снайпера, залёгшего на крыше бункера, которого удалось разглядеть в снайперском прицеле.

Раздался тихий свист – вражеского снайпера пронзила пуля.

Один есть, осталось шестеро.

Капитан указал на бойцов, отошедших от бункера.

Кузнецов: Теперь по моей команде валим вон тех двух в стороне.

Командир досчитал до трёх и со свистом пули вонзились в солдат, отвлёкшихся от патрулирования, и те рухнули на землю.

Кузнецов: Подползём ближе, чтобы лучше всё рассмотреть. Их четверо, зайди под определённым углом, чтобы стены и дверь не задело, расстреляем их из автомата.

Летягин молча исполнял приказы командира, так как сейчас главное не создавать лишний шум.

Кузнецов: Также, на счёт 3 – огонь. 1… 2… 3… Огонь!

Капитан произвёл 2 очереди из своего автомата, Летягин 3, все враги лежали. Никто ничего не заметил.

Кузнецов: Отлично, теперь можно и поискать, чем открыть дверь.

Виктор подошёл к системе пропуска внутрь.

Кузнецов усмехнулся: Тут нужна ключ-карта, давай-ка одолжим их у наших сонных товарищей.

Виктор взял пропуск у первого попавшегося под руку трупа. Лейтенант сделал то же самое.

Они вошли внутрь и спустились вниз по лестнице. За тяжёлой металлической дверью открывался лабиринт коридоров и комнат. Пахло бетоном, сыростью и едким запахом хлорки. Вдали слышались приглушенные голоса и стук сапог – внутри кипела жизнь. Вдоль коридоров располагались казармы с двухъярусными кроватями, заправленными по-армейски. Виктор огляделся.

Кузнецов: Ну что, Летяга, сразу видно – не промахнулись. Я помню, на службе нам часто рассказывали про оставшиеся целые бункеры времён холодной войны на территории бывшего СССР. И вот один из них – в самом рабочем состоянии. Могли ли мы представить, что его захватят вот так?

В центральной комнате стояли столы, на которых валялись журналы, пачки сигарет и фотографии. В ней показались вражеские офицеры, перебирающие какие-то бумаги и очень суетились на своём языке, будто пытались найти какой-то потерянный документ. В других отсеках было некое подобие казарм, где-то стояли койки, а где-то лежали матрасы, на которых отдыхали судя по всему сменившиеся часовые.

Кузнецов: Их тут слишком много, всех разом нам вдвоём их не перебить, не допустив уничтожения данных, но у меня есть одна идейка.

Капитан решил закрыть клинкетные двери и сказал Летягину сделать то же самое с противоположной дверью.

Виктор метнулся к одной клинкетной двери, ведущей в казармы, Летягин к другой. Металл скрипел, когда они, сжав зубы, изо всех сил пытались заклинить массивные запоры. Эти махины были рассчитаны на атомный удар, и просто их было не сломать, но задача была другой: намертво вывести из строя механизм, чтобы его нельзя было открыть изнутри казарм. Виктор выхватил свой боевой нож. Его клинок скрежетнул по металлу, когда он с силой вонзил его между зубцами штурвала, пытаясь заклинить механизм поворота. С каждым новым ударом рукоятью, с каждым усилием, он пытался согнуть или разрушить внутренние тяги. Летягин, в свою очередь, бил рукоятью своего ножа по фиксирующему рычагу другой двери, пытаясь согнуть его и заблокировать в закрытом положении. Он поддевал остриём клинка мелкие детали, пытаясь вывести их из строя.

Глухой скрежет, лязг металла и прерывистое дыхание бойцов эхом отдавались в центральной комнате. Спустя несколько секунд оба подняли головы, их лица были покрыты потом.

Лейтенант выдохнул, глядя на неподвижный, искорёженный механизм: Готово!

Капитан, выдёргивая нож, лезвие которого было погнуто и зазубрено подтвердил: Мой тоже.

Замки были выведены из строя. Из-за запечатанных дверей тут же послышался усиленный грохот и яростные крики – враги в казармах поняли, что их заперли, и теперь отчаянно пытались прорваться.

Несмотря на это, русские отошли от дверей и направились в центральную комнату.

Зайдя, диверсанты направили на оккупантов оружие.

Первый американский офицер связи завопил: Не стреляйте!

Второй начал говорить ему по-английски: Ты, что хочешь нарушить его план? Я тебя сам сдам!

Кузнецов (на английском): Мне нужна информация о цели вторжения сил НАТО в Россию! Быстро, иначе получите пулю в лоб и мы найдём сами!

В этот момент второй офицер, тот, что говорил о «плане», видимо, решил, что сопротивление или попытка получить оружие – это единственный способ спастись, чтобы исполнить его. Он метнулся к стоявшему неподалёку автомату, но за мгновение до того, как его пальцы коснулись приклада, Летягин среагировал. Серия коротких, точных очередей ударила по противнику. Это было инстинктивное, мгновенное действие – рефлекс, ставший результатом скоростной подготовки, проявившийся в критический момент.

Кузнецов похвалил лейтенанта: Молодец, быстро среагировал!

Взгляд капитана вновь обратился к первому офицеру, который сжался в комок, видя смерть своего товарища. Теперь он был единственным, кто мог помочь.

Американский офицер связи: Я… Я покажу, только не стреляйте!

Кузнецов: Давай, давай, и чтоб без глупостей!

Офицер пошёл медленно к углу комнаты. Подойдя к плакату, он сорвал его и за ним красовался железный сейф с кодовым замком.

Кузнецов прорычал, глядя офицеру в глаза: Код от сейфа! Живо!

Офицер, дрожа всем телом продиктовал код: 4, 7, 1, 5!

Цифры оказались ключом к пониманию всего происходящего.

Летягин быстро ввёл его, и дверь сейфа открылась. Кузнецов быстро выхватил из сейфа папку документов. Он скользнул взглядом по фамилии «Смит» на одном из них.

С той стороны дверей послышался шум и крики. Враги поняли, что что-то не так, и попытались выломать дверь, но безуспешно.

Кузнецов: Летяга, убери его. Быстро. Нам пора.

Летягин кивнул. Без лишних слов он приставил дуло автомата к голове офицера и нажал на спусковой крючок. Тело рухнуло, обмякнув.

Кузнецов: Пошли! Нужно сравнять это место с землёй. Установим взрывчатку.

Летягин: Так точно!

Диверсанты начали закладывать пластид на стены, в том числе и на клинкетные двери, в которых оккупанты ещё пытались выбраться, но безуспешно, кто-то из них уже сдался. Стук и крики за дверьми усиливались. У людей внутри оставались считанные мгновения.

Кузнецов: Выходим, нужно возвращаться!

Бойцы, выйдя из коридоров, рванули прочь от массивного бетонного сооружения, проламываясь сквозь густой подлесок. Тяжёлые армейские ботинки вязли в перемешанной с хвоей грязи. Кузнецов и Летягин встали на размокшем от апрельской оттепели склоне, скрываясь за мощными стволами кедров. Под ногами хлюпало – земля, пропитанная талой водой, была тяжелой и вязкой. Виктор прижимал к боку планшет с захваченными документами, а в другой руке сжимал детонатор.

Внизу, под толщей камня и бетона, в ловушке остались те, кто ещё несколько минут назад считал себя хозяевами этой тайги. Клинкетные двери были заблокированы намертво – ни выбить, ни вскрыть.

Капитан нажал на кнопку.

Земля слегка содрогнулась. Тайга глухо охнула. Пластид, заложенный у ключевых опорных балок внутри коридора сделал своё дело: лишил опоры многометровый слой армированного бетона. Сначала из вентиляционных отверстий вырвался короткий, резкий свист сдавленного воздуха. А затем раздался тяжёлый, нарастающий скрежет. Кузнецов и Летягин видели, как оголовок бункера буквально просел в землю.

Тяжёлые бетонные глыбы, каждая весом в несколько тонн, с рокотом сорвались со своих мест. Выход из бункера запечатало монолитным обвалом. Огромные куски серого бетона, перекрученная арматура и тонны таёжной грязи перемешались, превращая вход в сплошную стену.

Виктор смотрел на то, что осталось от входа. Никакого пламени, никакого внешнего эффекта – только гора бетонного лома, завалившая проход бетонным саркофагом. Бункер не был уничтожен полностью, он просто стал герметичным гробом. Те, кто остался за клинкетными дверями, теперь были отделены от мира не только сталью, но и обрушившимся сводом горы.

В апрельской тишине было слышно лишь, как мелкие камни продолжают осыпаться в свежую воронку. Виктор убрал пульт. Работа была выполнена по-инженерному чисто: враг не просто нейтрализован, он похоронен под толщей собственной защиты.

Кузнецов коротко бросил: Уходим!

Бойцы развернулись и пошли в сторону лагеря, оставляя за спиной мёртвую гору бетона, которая теперь навсегда слилась с таёжным пейзажем.

Кузнецов нажал тангенту рации, закреплённой в чехле на плече: «Глубинка», это Волк. Задача выполнена, мы возвращаемся. Свои, не стреляйте. Мы в маскхалатах.

«Глубинка»: Принято, Волк. Мы вас ждём.

* * *

Бойцы подошли к лагерю, который охраняли часовые.

Часовой «Глубинки»: Проходите, товарищ капитан. Первая группа уже вернулась.

Кузнецов кивнул ему: Вольно.

Виктор, повернувшись к Летягину: Пошли, лейтенант.

Кузнецов и Летягин выходят к лагерю. Бойцы уже собраны. Соболь и Токарев сидят у костра.

Капитан входит в круг света, присаживается к Летягину, снимает маскировочный капюшон.

Кузнецов: Соболь, Токарев, докладывайте.

Соболь: Второй бункер уничтожен. Сопротивления почти не было, только охрана на входе.

Токарев: По нашим целям тоже чисто. Все группы вернулись, кроме Нестерова и Черненко. Ждём их.

Кузнецов достаёт папку из разгрузки: Мы взяли планы вторжения. Первый бункер был узлом связи и штабом. Все их маршруты здесь.

Летягин, присаживаясь рядом: Теперь главное – передать это Синицыну.

Кузнецов: Дождёмся Нестерова и выходим на связь. Нам нужно знать, что в Москве.

Вскоре вернулась и третья группа. Бойцы удобно расположились у тёплого костра.

Нестеров: Третий бункер – всё. Сопротивление было минимальным. Капитан, такое ощущение, что они просто бросили эти точки.

Кузнецов кивнул: У нас такая же история. Летягин, выходи на связь с Москвой.

Летягин: Связь есть, капитан. Центр на линии.

Кузнецов взял гарнитуру: «Центр», я «Волк». Все задачи по точкам выполнены. Как обстановка в городе?

Голос Синицына в рации прозвучал озадаченно: Принято, «Волк». Тут… странно всё. Враг отступил. Просто прекратили натиск и отошли на исходные. Я в недоумении, почему они бросили позиции, когда почти прорвались. Очень это странно.

Кузнецов: Странно – не то слово. Не к добру это затишье.

Синицын: Согласен. Ладно, вольно, бойцы. Отдыхайте, но связь поддерживать в любом случае. Мы будем вещать на этой линии постоянно.

Кузнецов возвращает гарнитуру Летягину, переключая взгляд на огонь: Чтобы они отошли, когда победа в руках? Не к добру это.

Токарев: Может, мы им связь так обрубили, что они ослепли?

Кузнецов качнул головой: Или они готовят что-то похуже. Всем отдыхать по очереди. Оружие держать при себе. Если рванем – времени на сборы не будет. Мы так и не прочитали толком, что в этих документах, думаю сейчас самое время, пока оно у нас есть. Давайте изучим что там, но внимательно.

В папках оказались детальные схемы захвата Лубянки регулярными частями НАТО: маршруты танков, точки высадки десанта, графики подавления связи. Ответственным за всё являлся некий американский генерал – Смит.

Кузнецов: Вот оно. У нас есть их полный план. Они собираются зажать здание в клещи с двух сторон. Если мы высадимся здесь и перекроем эти два переулка, их график полетит к чертям.

Виктор смотрел в одну точку.

Кузнецов: ЧВК «Storm». Здесь это название на каждой странице. Судя по всему, именно они – основная ударная сила Смита, вот кого мы видели в бункерах, я думаю это теневая организация.

Нестеров всматривается в текст: Никогда о них не слышал. Но почерк у них… дерзкий. Капитан, смотри на тайминги: они уже были в движении, пока регулярные части НАТО только начинали отходить.

Кузнецов: Возможно, они в подчинении лично у Смита.

Летягин сверяет координаты: Они опережают нас. Пока мы зачищали бункеры, «Шторм» уже просачивался в город. Они уже там, Виктор. Под самым носом у Синицына.

Токарев: Как мы могли их пропустить?

Кузнецов спокойно убирает документ: Смит слишком самоуверен. Он думает, что он на шаг впереди всех, и эта беспечность заставляет его действовать нагло. Он считает, что мы – лишь мелкая помеха, которую он уже просчитал и оставил позади.

Нестеров: Самоуверенность ведёт к беспечности. Они даже не маскируют свои перемещения в этих протоколах, потому что уверены – читать их будет некому.

Кузнецов: Вот на этом мы их и поймаем. Пусть думают, что они уже победили.

Токарев: Значит, мы их опережаем. Мы будем там раньше, чем их передовые группы развернут штаб.

Кузнецов: С этим разобрались. Но эта фамилия, Смит? Знакома мне… Где-то я её уже слышал. Когда-то давно…

Летягин отрываясь от планшета с документами: Вы его знаете, капитан?

Кузнецов мотает головой, не сводя глаз с бумаги: Нет. В лицо – точно нет. Но фамилия… она как эхо. Словно я уже сталкивался с его методами или слышал этот позывной в радиоперехватах. Давным-давно… Словно старый шрам заныл. Тянет в холод…

Токарев: На Донбассе? Тогда в четырнадцатом много кто из «советников» светился.

Кузнецов медленно покачал головой Борису: Может быть. Тогда это был просто голос в радиоперехвате или подпись на ящиках с «гуманитаркой» для той стороны. Но это имя… оно осело в памяти как дурной предвестник.

Нестеров: Если это тот самый человек, значит, он шёл к этой цели годами.

Кузнецов захлопнул папку, взгляд становится стальным: Если это он, то теперь я знаю, что это личное. Он думает, что мы забыли. Но мы помним всё. Каждый момент, что они тогда устроили… Но сейчас у нас в руках его план операций. Теперь всё просчитано, мы знаем чего от них ожидать. Мы стали на шаг впереди. Вольно, бойцы. Завтра предстоит тяжёлый день.

Летягин: Капитан, почему мы не полетим сейчас, когда они отступили, вывезем генерала, пока есть время.

Кузнецов: Враг отступил, лейтенант, сейчас в этом нет смысла, но явно что-то здесь не так.

Документы остались лежать в папке у бревна, который служил сиденьем у костра. Лейтенант задумчиво помешивал горящий костёр веткой, глядя на пляшущие языки пламени. Он молчал довольно долго, прежде чем нарушить тишину.

Летягин: Виктор, я что спросить хотел, Тот офицер… в бункере. Почему ты приказал его убить? Он ведь уже всё сказал, и был безоружен.

Капитан обрёл вновь стальной взгляд, но решил его отбросить, вновь став слегка усталым: Война тяжёлая штука, Летягин. Если не мы, то они убьют нас. А смысл брать пленного, который не знает ничего и всё сказал уже? Тем более который отправился воевать против нас, убивать нас. У нас нет времени и ресурсов нянчиться с теми, кто хочет нашей смерти. Любая секунда промедления, любая слабость – это жизни наших бойцов. Ты слышал по рации, что там творится, Летяга. Москва горит. Каждый, кто против нас, должен быть нейтрализован, если он нам больше не нужен.

Иначе следующим мертвецом может стать тот, кто тебе дорог, тот за кого ты несёшь ответственность.

Летягин кивнул, медленно переваривая слова командира. В его глазах читалось понимание, смешанное с горечью. Он знал, что Виктор прав, как бы тяжело это ни было осознавать.

Летягин: Что-то я немного забыл, где я…

Кузнецов: Ничего, всё равно мы частенько друг другу напоминаем и направляем друг друга. Ладно, сегодня все устали, а завтра будет ещё хуже, нужно хорошенько отдохнуть.

Летягин: Да, согласен.

Глава 3: Москва

На рассвете рация в штабной палатке начала разрываться от криков и грохота взрывов на том конце линии.

Голос Синицына сорван на крик, на фоне слышны автоматные очереди: «Волк»! Они вернулись! Натиск втрое сильнее! Оборона прорвана, они уже в правительственном квартале! Они идут прямо к нам! Повторяю, они прут всей массой, используют тяжёлую артиллерию и беспилотники! Лубянку зажимают!

Кузнецов срывается с места: Всем подъём! Токарев, людей к вертолётам! Соболь, буди пилотов, пускай прогревают!

Токарев: Понял, Виктор! Группа, подъём! Идём на Москву!

Нестеров быстро хватает автомат: Значит, это была ловушка… Они просто ждали, пока мы расслабимся!

Кузнецов: Они ждали момента, чтобы ударить наверняка. «Тень», бери своих и во второй борт. Летягин, все карты с собой! Идём в Москву, пока там ещё есть кого спасать! «Альфа», выдвигаемся!

* * *

Вертолёты Ми-8 и Ми-24 летели в сторону Москвы. В десантном отсеке шумно. 30 бойцов сидели в два ряда. Виктор смотрел в иллюминатор. Токарев проверял связь с бортами. Летягин еще раз пересматривал документы на планшете. Через иллюминаторы проглядывали огни, но не те, что привычны Москве. Это были багровые сполохи пожаров, чёрный дым, стелющийся по горизонту, и редкие вспышки, обозначавшие активные боевые действия. Город горел.

Кузнецов обратился к Токареву и Нестерову: Слушайте вводную. В Москве сейчас хаос. Смит или кто там за пультом вчера просто прощупывал нас. Сегодня они пошли ва-банк.

Нестеров : Значит, Лубянка – это только начало. Если они её возьмут, они обезглавят всю координацию в городе.

Кузнецов: Именно. Наша задача – вытащить Синицына. Не ввязываться в уличные бои с регулярными частями, если можно обойти. Но помните: против нас могут выйти профи. Те, кто вчера «странно отступил». Наверняка это те люди, которых мы видели в тайге, наёмники.

Токарев: Разберёмся. Мы тоже не на парад летим.

Капитан обратился к Летягину:

Кузнецов: Как только сядем, твой терминал должен быть активен. Нам нужно будет знать, где враг в реальном времени. держи документы при себе. Если со мной что – папка должна попасть к Синицыну или в штаб обороны.

Пилот сообщил по внутренней связи: Вижу МКАД! Впереди дым! Москва на связи, диспетчеры кричат о прорывах на западе. Нас ведут к Китай-городу... Чёрт, к центру!

Кузнецов : Как связь с диспетчером зоны?

Пилот: Всё штатно. Нас ведут. Дали «зелёный» по коридору «Восток-3». ПВО оповещено, мы в списках на проход.

Виктор повернулся к бойцам: Проверьте гарнитуры еще раз. Как только войдем в зону города, связь может начать сбоить

– Смит наверняка включил все свои глушилки, чтобы ослепить штабы.

Летягин глянул в иллюминатор: Смотрите, МКАД… Там уже пробки из брошенных машин. Но наши части стягиваются к центру.

Нестеров: Капитан, если городские кварталы уже под ними, нас могут встретить с крыш из ПЗРК. Спецура Смита наверняка заняла высотки.

Кузнецов: Поэтому пилоты пойдут «по крышам». Будем прыгать в самый ад.

Кузнецов вновь обратился к пилоту: Входим в черту города. С этого момента внимание на крыши. Наши ПВО нас не тронут, а вот у диверсантов Смита на высотках могут быть «Стингеры», так что да (обращаясь вновь к Нестерову), полковник, вы правы.

Соболь оторвался от иллюминатора: Понял тебя, Волк. Мои ребята смотрят в оба. Пока чисто.

Кузнецов: Раз так, значит летим к Китай-городу. Пилоты, снижайтесь до минимума, идём вдоль проспектов. Нам нужно высадиться максимально близко к Лубянке, чтобы не тратить время на марш-бросок через полгорода.

Нестеров: Там может быть слишком жарко для посадки, капитан.

Кузнецов: Высадимся по-штурмовому, если площадки не будет. Люди Синицына там не вечны. Главное – ворваться в здание до того, как враг вскроет бункер.

Пилот: Вижу цель! Впереди Китай-город. Вижу очаги пожаров в районе Лубянской площади. По нам ведут огонь из стрелкового с крыш!

Кузнецов дёрнул затвор автомата: Приготовиться к высадке! Работаем по группам! Соболь, прикрываешь левый фланг, Токарев – правый. Мы с Летягиным идём прямо ко входу!

Как только вертолёты начали снижаться, рёв турбин перекрыли далёкие, но нарастающие звуки боя – треск автоматов, гул бронетехники, глухие взрывы. Посадка была жёсткой, почти аварийной. Едва шасси коснулись земли на одной из опустевших площадей, как Нестеров распахнул дверь.

Нестеров прокричал: Выходим! Враг повсюду!

Капитан выпрыгнул первым, приземлившись прямо в месиво городской войны.

Москва встретила их адом. Улицы были залиты огнём. Повсюду валялись остовы сожжённых машин, баррикады, наспех собранные из подручных средств. Отряд Кузнецова мгновенно оказался в эпицентре хаоса. Вражеская пехота, при поддержке лёгкой бронетехники, прорывалась по улицам, подавляя разрозненное сопротивление. Свист пуль стал настолько плотным, что казалось, сам воздух вибрирует.

Кузнецов: Оборона! Позиции!

Бойцы его отряда, привыкшие к мгновенным действиям, залегли за обломками. Токарев тут же открыл огонь из ПКМ, прикрывая развёртывание. Летягин, прикрываясь бетонным блоком, отдавал указания другим солдатам гарнизона, которые также держали оборону на площади. Соболь, несмотря на отсутствие опыта в «горячих точках», хладнокровно бросал гранаты, подавляя огневые точки противника, показывая, что его спецназовская подготовка была на высоте.

Бой был жестоким. Они держались изо всех сил, но враг наступал волнами, давил числом, словно заранее знал, где и как лучше атаковать. Их обходили, прижимали к земле, и Кузнецов понимал, что долго они не продержатся.

В этот момент в шлеме Кузнецова раздался хриплый, но властный голос Синицына: Кузнецов! Это Синицын! Отступайте в бункер на Лубянке, другого выхода нет! Код доступа «Крепость»! Лифт в восточном крыле здания ФСБ! Вас жмут, я вижу! Прикрою отход насколько смогу!

Генерал Синицын… Значит, он был где-то рядом, и, очевидно, обладал доступом к системе наблюдения. Это был шанс.

Кузнецов: Отход к зданию ФСБ! Быстро! Прикрываемся!

Отряд, прикрываясь огнём Ми-24, которые всё ещё кружили над ними, прорывался сквозь обломки и огонь. Каждый метр давался с кровью.

Добравшись до массивного здания Лубянки, они обнаружили, что оно также находится под штурмом. Бойцы, оборонявшие его, были на исходе сил. Внутри царил полумрак и дым. Отряд «Альфа» нашёл лифт – старый, бронированный, уходящий глубоко под землю.

Кузнецов: Все внутрь! Живо, иначе здесь все поляжем!

Капитан держал оборону у шахты лифта, пока его бойцы и часть выживших солдат ФСБ спускались вниз. Токарев получил ранение в ногу, но продолжал вести огонь. Последним в лифт запрыгнул Соболь, прикрыв дверь.

Спуск был быстрым и тревожным. Бункер на Лубянке встретил их лабиринтом коридоров и перепуганными офицерами. Здесь находился временный командный пункт, откуда генерал Синицын пытался координировать оборону. Он был крепким мужчиной лет пятидесяти пяти, с проницательным взглядом и усталыми, но твёрдыми чертами лица.

Синицын: Рад, что добрались, Капитан Кузнецов. Слишком много потерь. Враг… он словно читает наши мысли.

Генерал только начал говорить, но его слова оборвал оглушительный взрыв. Враг нашёл их. Верхние уровни бункера содрогнулись. Взрывы следовали один за другим, и вскоре послышался топот множества сапог, перестрелки в коридорах. Это были элитные отряды НАТО, которые, невероятно быстро, пробили себе путь даже в подземную крепость.

Начался ближний бой в бункере. Отряд Кузнецова отчаянно защищал командный пункт, где Синицын пытался

уничтожить какие-то документы и отдавал последние приказы по рации. Коридоры превратились в мясорубку. Стены были изрешечены пулями, воздух заполнили пороховая гарь и крики.

Токарев кричал, прижимаясь к укрытию: Фланг прорывают! Держимся!

Летягин и Соболь, работая в паре, отсекали противника, но их было слишком много, и они были слишком хорошо подготовлены.

Вражеские коммандос, словно призраки, двигались с невероятной скоростью и координацией. Они целенаправленно прорывались к генералу, игнорируя другие цели. Кузнецов понял их замысел и бросился на перехват, пытаясь перекрыть проход. Но было поздно.

Вдруг в помещение влетели светошумовые и дымовые гранаты. Коридор ослепила яркая вспышка. Команда инстинктивно упала, ослеплённая и дезориентированная. Сквозь дым послышались короткие, чёткие команды на английском языке. Донеслись звуки борьбы, но они быстро стихли. Это остатки захватчиков, которые устраняли последних свидетелей или завершали операцию. Когда зрение вернулось, Виктор увидел, как двое рослых бойцов НАТО уводили Синицына прочь. Генерал, хоть и сопротивлялся, но был подавлен. Его взгляд на мгновение встретился со взглядом Кузнецова. В нём читались не отчаяние, а какая-то глубокая, страшная горечь и, возможно, невысказанный приказ.

Кузнецов первым вскинул автомат. Несколько наёмников «Шторма» уже лежали в лужах крови у самого выхода – «Альфа» успела сработать на рефлексах, как только зрение вернулось. Но праздновать было нечего.

Тяжёлый гул сотряс стены. Очередной направленный взрыв обрушил своды основного коридора, отрезая Кузнецова и его людей от уходящей группы захвата. Синицына вырвали

прямо из их рук. Грохот падающих бетонных плит поставил точку: проход был завален намертво.

В помещении повисла давящая тишина, прерываемая лишь треском искрящей проводки и тяжёлым дыханием бойцов.

Момент упущения. Провал. Генерал Синицын был захвачен. Обрушенные перекрытия и грохот стихающих выстрелов оставили Виктора наедине с гнетущим осознанием собственной беспомощности. Вокруг суетились выжившие, медики оказывали первую помощь, но Кузнецов ничего не видел и не слышал. Его разум работал на пределе, пытаясь осмыслить произошедшее.

Капитан был в недоумении: Что это, чёрт возьми, было сейчас? Как?.. Этого не было в планах...

Токареву вдруг пришло осознание: Они не работали по тем схемам, Виктор! Они зашли с технических уровней, о которых мы даже не подумали!

Капитан глядел на пустой коридор, где только что стоял генерал.

Кузнецов: Самоуверенность... Она всегда ведёт к беспечности. Мы думали, что раз у нас их план, то мы на шаг впереди. А они просто выкинули старый план в мусор и прислали «Шторм» по наводке.

Летягин: Капитан, они нас переиграли на ходу...

Виктор: Они использовали нашу уверенность против нас. Мы расслабились, решив, что всё знаем.

У капитана в голове вдруг зародился монолог, мысли закрутились: Стоп, откуда они узнали, что Синицын здесь, в бункере ФСБ на Лубянке? Откуда они вообще узнали о том, кто он?! Обычные бойцы НАТО, даже спецназ, не смогли бы реализовать такую операцию, не зная ничего наперёд, не имея точных координат и разведданных.

Слова падали в пространство, и вместе с ними навалялась тяжёлая, удушливая атмосфера. Воздух казался густым от

гари и внезапно возникшего недоверия. Бойцы переглядываются. Каждый из них – профи, каждый знает: пройти три периметра защиты и уйти с генералом за пять минут без помощи «изнутри» невозможно. Давящее молчание длилось вечность.

Кузнецов: Они не знали, что мы прилетим. Они знали, где Синицын. И они знали, когда он будет здесь.

Летягин: Что ты имеешь в виду?

Кузнецов: Посмотри на прорыв. Они не пробивались через периметр. Они ударили точно в эту точку. Они знали схему бункера. Они знали, что Синицын будет сидеть здесь, а не в другом месте.

Виктор поворачивается к Нестерову, в его глазах – ледяная, профессиональная ярость.

Кузнецов: Нестеров, мы – единственные, кто знал, что Синицын находится здесь. Единственные, кто слышал этот звонок. Спецподразделения НАТО не могли бы действовать так скоординированно без чётких разведданных.

Наступила напряженная тишина. Нестеров и Летягин поняли, куда клонит Виктор.

Нестеров неохотно произнёс: Крот?

Виктор медленно закрыл глаза и сделал тяжёлый, выжигающий лёгкие вздох. Он понимает, что с этого момента мир изменился. Теперь нельзя доверять даже стенам.

Кузнецов: Да… Наши самые худшие опасения подтвердились. И этот крот сдал врагу генерала Синицына.

Токарев: Они ушли. Капитан, они просто растворились. Ушли так же быстро, как и зашли.

Летягин посмотрел на экран монитора, который внезапно ожил: ПВО в секторе подавлено. Вижу на радаре две метки, уходят на запад на предельно малой. Судя по всему это они и увозят генерала.

Виктор поднял с пола пустую обойму, оставленную наёмником Смита: Они не собирались брать здание. Им нужен был только он.

Токарев: Что теперь? У нас тридцать человек и заваленная Лубянка за спиной.

Голос Кузнецова звучал хрипло, но уверенно: Ну должна же быть хоть одна зацепка… «Альфа», к делу! Обыскать тела наёмников. Они не могли идти вслепую. Наверняка у них был чёткий маршрут и план по эвакуации генерала. Ищите всё: электронику, карты, записки.

Бойцы молча принялись за работу. Они переворачивали тела в чёрном камуфляже ЧВК «Шторм», методично проверяя каждый карман и разгрузку. Кузнецов стоял у завала, сжимая цевье автомата так, что побелели костяшки. Летягин, работавший у тела командира группы «Шторм», замер. Он аккуратно надрезал тактическим ножом внутреннюю сторону манжета куртки наёмника.

Летягин: Командир, есть кое-что. Вы были правы, это их мы встретили в том бункере.

Он вытянул узкую полоску прорезиненной ткани. На ней не было слов – только три ряда цифр и странный буквенный индекс в конце.

Капитан взял бумажку, мельком взглянул и передал Нестерову.

Кузнецов: Набор цифр. Похоже на координаты, но сетка не наша. Летягин, планшет.

Нестеров принялся внимательно изучать полоску: Это не просто координаты. Это двойной шифр. Первый ряд – смещение по времени, второй – ключ к сетке частот. А индекс в конце…

Нестеров быстро ввёл последовательность в тактический планшет, сверяя её с базой данных зашифрованных каналов НАТО. Экран выдал несколько ошибок, прежде чем строки начали выстраиваться в логическую цепь.

Нестеров: Расшифровал. Это точка сбора для эвакуации бортом вне зоны радаров. Первая группа цифр даёт нам время – окно в сорок минут. Вторая – квадрат.

Он развернул планшет к Кузнецову. На цифровой карте высветилась точка на окраине Праги.

Нестеров: Чехия. Пригород на окраине Праги. Похоже они собираются провести допрос там, вдали от лишних глаз. Если мы не успеем вытащить генерала, может стать слишком поздно. Надо тщательно подготовить операцию.

Летягин: И что мы будем делать? У нас на руках только эти документы из тайги и шифровка.

Виктор сказал твёрдо, перекрывая шум отдалённых взрывов: Слушайте сюда! То, что задача может показаться проваленной – это туман. На деле она ещё даже не начиналась. Всё начинаем с нуля.

Токарев поднял голову: С нуля? Виктор, мы потеряли генерала в самом защищённом месте страны.

Кузнецов: Мы не потеряли его, мы узнали, где он будет. Теперь мы знаем врага в лицо. И на сей раз будем действовать слаженней. У нас нет времени на самобичевание.

Виктор посмотрел на папку и зашифрованную записку.

Кузнецов: У нас есть то, ради чего мы сюда летели. Они думают, что мы будем разгребать завалы здесь. Но мы пойдём за ними по горячим следам.

Летягин: В Чехию? Без приказа, на территорию НАТО?

Кузнецов: Приказ нам дал Синицын, когда отправил координаты бункеров. Мы – всё, что у него осталось.

Летягин вздохнул: Значит, идём до конца?

Кузнецов: Идём до победы. Других вариантов нет. Токарев, собирай людей. Идём к вертолётам, пока ПВО не восстановили и нам не закрыли небо. По машинам.

Токарев: Понял, Виктор. Мужики, слышали капитана? Группы, на выход! У нас есть шанс всё исправить.

Виктор, посмотрел на тяжёлые двери бункера на Лубянке, те, что поменьше, по неприметнее – запасные.

Кузнецов: Идём запасным путём, благо он тут есть, а то б застряли на веки.

Капитан нажал с усилием на кнопку и ворота со скрежетом отъехали в сторону.

Бойцы поднялись наверх на лифте, и выйдя наружу, воздух войны вновь ударил в лицо, смешиваясь с тягучим запахом керосина.

Виктор Кузнецов, шагавший во главе отряда, мельком окинул взглядом разрушение. Его глаза, привыкшие к худшему, сейчас впитывали новые детали хаоса. Эта сила, что прошлась по городу, была не похожа ни на что, с чем им приходилось сталкиваться раньше. Но цель оставалась прежней.

Отряд подошёл к вертолётам, на которых прилетел в Москву.

Голос Виктора, обычно ровный, теперь звучал чуть резче, словно наточенный о сталь.

Кузнецов: Соболь, давай к пилотам. Сообщи: курс – Чехия. Генерал ждёт.

Соболь: Так точно, товарищ капитан!

Рядовой, уже наученный горьким опытом последних сражений, рванул к вертолетам.

Кузнецов: Сообщать наверх одно время не стоит. Любое изменение плана может спугнуть крота.

Нестеров: Я согласен, всё планируем совещаясь. По крайней мере пока что…

Отряд, словно единый механизм, занял свои места. Снаряжение было закреплено. Двери захлопнулись с глухим

стуком, отсекая их от суетного мира. Гул лопастей нарастал, превращаясь в мощный, пульсирующий звук.

С ощутимым рывком вертушка оторвалась от земли. Москва, ещё погруженная в предрассветный сумрак и изувеченная работой «Шторма», осталась внизу – лишь редкие огни прощались с ними. А впереди, за иллюминаторами, расстилалась бескрайняя ночь, ведущая их на Запад. Навстречу генералу. И к той самой цели, которую они выбрали.

Глава 4: «Призраки»

Вертолёт летел в сторону Чехии. В десантном отсеке Ми-8 стоял тяжёлый гул, перекрывающий даже мысли. Бойцы «Альфы» сидели друг напротив друга, закованные в броню, их лица казались застывшими масками в тусклом освещении.

Старлей, перекрикивая шум лопастей, наклонился к Кузнецову.

Токарев: Виктор, а точно мы в полной боевой готовности? Не нравится мне это всё...

Друг командира обвёл рукой отсек: Слишком много времени прошло. Зона поиска – чужая земля, информации минимум.

В группе пошли кивки. Сомнения, которые копились в бункере, теперь вырвались наружу. Слишком долго Синицын был в руках «Шторма» или кого-то ещё. Слишком велика вероятность, что спасать уже некого – или не стоит.

Полковник, сидевший ближе к кабине пилотов, поднял взгляд. Его голос, даже не очень громкий, прорезал гул вертолёта.

Нестеров: Увы, мужики, но выбора у нас нет. Синицына надо вытащить любой ценой. Даже если всё вокруг орёт, что он раскололся и сдал нас с потрохами. Он знает слишком много, чтобы оставлять его там.

Тишина в отсеке стала ещё тяжелее. «Любой ценой» на языке «Альфы» часто означало цену их собственных жизней.

Капитан медленно обвёл взглядом своих людей. Он видел их усталость, видел их сомнения, и сам чувствовал то же самое. Но он был командиром.

Виктор отрезал короткую фразу, и в его голосе прозвучал тот самый холод, который заставлял подчиняться: Полковник прав. Что бы там ни было, выбора у нас нет. Мы слишком далеко зашли, чтобы сейчас давать заднюю. Мы идём до конца. Раскололся или нет – разберёмся на месте. Если надо будет, всех врагов под корень, кто узнал информацию. А сейчас – проверьте магазины.

Он замолчал, глядя в иллюминатор на тёмную землю внизу. Родина дала приказ, и это было наивысшее оправдание для всего, что им предстояло сделать в Чехии.

* * *

Группа прибыла на место под покровом ночи, вдали показался населённый пункт, сельского типа.

Бойцы лежали на холме, в густом подлеске, осматривая посёлок. Мокрый мох пропитывает форму холодом, но никто не шевелится. Внизу – несколько патрулей, бронетехника, много врагов. Внизу, в долине, раскинулась деревня, превращённая в военную базу. Бронетехника с эмблемами НАТО и патрули в форме ЧВК «Storm» контролируют каждый метр.

Лейтенант смотрел в бинокль.

Летягин: Вражеская ЧВК «Storm». Много. Повсюду. Минимум два взвода пехоты, у них там ещё и броня. И эти...

Лейтенант перевёл взгляд на центр деревни и указал на здание: Кузнецов, глянь. Зачем так выделяться?

Виктор взял бинокль. Его взгляд замер на массивном каменном здании старой постройки. Оно обнесено колючей проволокой под током, а на крыше видны антенны подавления связи. Смит не любит играть в прятки.

Кузнецов: Он любит доминировать. Если Синицын там, то Смит выставил это здание как витрину. «Смотрите, я забрал вашего генерала, и вы ничего не сделаете».

Нестеров: Склад? Штаб? Смит не любит прятаться. Либо это ловушка, либо самоуверенность Смита окончательно превратилась в безумие.

Виктор резко опустил бинокль, его глаза сужаются: Тогда в тайге мы думали точно также, и эта самоуверенность в Москве стоила нам генерала. Теперь она может стать его смертью. Но что-то здесь не так...

В центре деревни стояло единственное выделяющееся здание – старая, массивная каменная постройка, возможно, бывший склад или церковь, окружённая колючей проволокой.

Виктор смотрел в бинокль, его тон был строгим: Синицын должен быть там. Зачем Смиту держать его в таком очевидном месте? Это бред. Ты прав, зачем так выделяться?

В этот момент, в узком окне нижнего этажа выделяющегося здания, вдруг мелькнула серия быстрых, едва заметных вспышек света – очень коротких, беззвучных. Три быстрых, два длинных – световой код, который не предназначен для вражеских глаз.

Летягин вздрогнул: Что за чёрт? Выстрелы? Это был сигнал?

Капитан резко поднимается на одно колено, автомат в руках перешёл в боевой режим: Тихо. Так, вперёд! Мы должны проверить, что это. Идём тройкой. Дистанция – пять метров.

Бойцы спустились по склону бесшумно, как тени. Внешний патруль «Storm» был снят Нестеровым так быстро, что наёмники даже не успели выпустить сигареты из зубов. Капитан встал у массивной дубовой двери. Он сделал короткий жест – «заходим». Удар подошвой в район замка – дверь влетает внутрь.

Виктор врывается первым, ствол автомата ведёт сектор.

Кузнецов: Чисто! Влево!

Но стрелять не в кого. Холл завален трупами наёмников ЧВК «Storm». Это были элитные бойцы, экипированные по последнему слову техники, но сейчас они выглядели как манекены, у которых перерезали нити. Пулевые ранения точно в лоб, но никакой крови на стенах. У тех, в ком не было пуль были только сломанные шеи и точные, профессиональные удары ножом в сочленения бронежилетов.

Капитан опускает ствол, медленно подходит к одному из убитых. Он переворачивает труп и осматривает разрез на горле.

Кузнецов: Да ладно… Не может быть. Настоящие призраки.

Лейтенант озирался по сторонам, голос его сорвался на шепот: Чего?! Капитан, кто это сделал? Тут же была целая группа охраны!

Виктор встал, его голос прозвучал с оттенком сурового уважения: Это был не штурм. Это была зачистка. А почерк… Отряда Зубова.

Нестеров: Зубова? От него уже несколько лет ни слуху ни духу! Я уже не знаю сколько не слышал вестей от «Вагнера».

Капитан посмотрел вглубь тёмного коридора.

Кузнецов: Я бы сказал даже, что Зубов – это не один человек, Нестеров. А целая сеть. Люди в его отряде – это «Призраки», которые не числятся ни в одном реестре. Он способен обмануть.

Капитан Кузнецов быстро достал спутниковый телефон, набирает короткий код: Зубов, это Виктор на связи.

Пауза. В динамике рации слышен треск, затем ровный, уверенный голос майора.

Зубов: Привет, сынок. Я знал, что ты позвонишь.

Голос Виктора стал смесью облегчения и ярости: Какого хрена, Зубов? Почему я только сейчас узнаю, что ты здесь? Почему мы не знали? Как вы их сняли так бесшумно?

Зубов: Синицын представляет важную персону, Виктор. Одного отряда мало, особенно с такой охраной врага. Вам нужна страховка. Кто-то очень не хочет, чтобы генерал был спасён. Нам нельзя допустить, чтобы его раскололи. Я хотел подстраховать вас.

Кузнецов: Почему ты не сказал раньше?

Зубов: Не хотел зря беспокоить. Сам знаешь, что случилось в Москве.

Кузнецов: А, чёрт, точно… Значит ты уже знаешь.

Зубов: Да, давай встретимся в точке «Браво». Это старая лесопилка в двух километрах к северу. Вместе мы скоординируем действия и эвакуируем Синицына.

Кузнецов: Принято. Точка Браво.

Капитан отключает связь. Он смотрит на Нестерова и Летягина.

Нестеров: Значит, мы не одни.

Кузнецов: Значит, у нас есть союзник. Но и враг, который знает каждый наш шаг.

Капитан смотрит на Нестерова, задача спасти генерала сейчас была важнее расследования о кроте, но было временно отложено.

Кузнецов: Синицын оказался куда предусмотрительнее, чем мы думали. Он подготовил этот отряд на случай, если официальная охрана подведёт. И они уже здесь.

Летягин: Значит, у нас есть все шансы?

Капитан начал движение по коридору.

Кузнецов: Думаю, да, этот отряд «Вагнера» – надёжная опора. Идём, сегодня у Смита будет непростая ночь. И мы не имеем права оставаться в стороне.

* * *

Отряд Виктора занял позиции, закрепившись среди руин старого сарая. Они двигались с холодной эффективностью, выработанной в недавних боях. Виктор, сжимая своё оружие, ждал сигнала. Бойцы подошли к окраине небольшого, частично разрушенного посёлка. Вечерние сумерки, вокруг – полуразрушенные дома, брошенная техника. Вскоре на гребне невысокого холма, метрах в пятистах, появилась тень. Это был майор Владимир «Призрак» Зубов, который стал для капитана отцом ещё в 2014, когда Виктор воевал на Донбассе в ополчении. Рядом с ним стоял человек, державший в руках небольшой, но явно дорогой дрон. Майор быстро установил небольшой кронштейн и закрепил на нём трос с автоматическим гарпуном.

Капитан подошёл к нему, отдавая честь, несмотря на то, что Зубов был настроен на рабочую неформальность.

Кузнецов: Здравия желаю, товарищ майор!

Зубов отвлёкся от настройки, его взгляд был сосредоточенным, но без привычной жёсткости. Он посмотрел на Виктора, оглядел его отряд.

Зубов: Вольно, капитан.

Майор улыбнулся уголком рта.

Зубов: Виктор, расскажешь, что именно произошло в столице? А то вся информация лишь поверхностна, а вы там были лично. Я слышал про крота, кто-то решил разрушить дом изнутри, это всегда больно, Витя. Особенно когда заходит так глубоко.

Кузнецов: Нас всех шокировало, как молниеносно они сработали. Прямо под носом. Словно ПВО и охрана бункера для них просто декорации.

Летягин: Мы быстро собрались, но Синицына уже паковали в вертолёт. Коридор был чистый.

Майор кивнул: Тот, кто это задумал, явно готовил план не один месяц. У него должны были быть ключи от всех дверей. Но раз вы здесь, значит, он допустил просчёт.

Кузнецов: Это был Смит.

Зубов: Звучит знакомо, мы раньше не сталкивались с ним?

Кузнецов: Вполне возможно, что в 2014-м, но в лицо мы его не знаем. Кстати…

Капитан выложил на стол зашифрованную записку: Он оставил след. Сняли с одного из его элитников, когда тот пытался прикрыть отход.

Зубов принялся внимательно изучать шифр: Чехия… Логично. Для НАТО это глубокий тыл, а для Смита, или кем бы он ни был – идеальная база, чтобы спрятать генерала. Он думает, что здесь его никто не достанет.

Соболь: Мы готовы идти за ним. Но Чехия – это не наша тайга.

Зубов: В этом лесу другие правила. Вы привыкли к открытому бою, а здесь нужно быть тенью. Пора тебе увидеть, Волк, кто такие настоящие «Призраки».

Кузнецов: Будем надеяться, что он верит, что мы до сих пор разгребаем завалы в Москве.

Зубов усмехнулся: Тогда за работу, введу вас в курс дела. Наш дрон-разведчик вычислил местоположение генерала Синицына. Он в здании по центру этого района. Большой, крепкий. Вероятно, бывший административный центр.

Он оторвал взгляд от карты и указал на холм, с которого они пришли.

Зубов: Мы поднимемся на холм и воспользуемся гарпуном, после чего спустимся по тросу. Внедрение будет тихое, но быстрое.

Майор обвёл рукой район, где находилось здание, в котором был заперт генерал.

Зубов: По округе шастают патрули. Местные, но хорошо экипированные – похоже, охрана, присланная Смитом лично, чтобы убедиться, что Синицын не сбежит. Ваша задача –

отвлечь их. Создайте шум, заставьте их сконцентрировать внимание на себе. Чем больше шума, тем дольше мы будем у цели.

Он повернулся к Виктору, его голос стал более серьёзным: Как только вы их зацепите, мы проберёмся внутрь. Далее вы встречаете нас у оговоренной точки эвакуации – старая водонапорная башня на западе. Оттуда будем уходить на базу. Никаких лишних контактов. Чистота и скорость.

Кузнецов: Принято, товарищ майор. Отвод и прорыв обеспечим. Отвлекающий манёвр – наша специальность.

Зубов кивнул, его глаза сверкнули: Иди, «Волк». Действуй умно. Я рассчитываю на тебя.

Капитан говорил привычным тихим, но стальным голосом: Слушай задачу. Майор идёт за генералом. Его группа заходит сверху по тросу. Наша работа – превратить этот район в ад, чтобы каждый наёмник в радиусе километра забыл, как дышать, и смотрел только в нашу сторону.

Старлей поправлял разгрузку.

Токарев: Сделаем, Кузнецов. С какой стороны кусать начнём?

Кузнецов: Разделимся на три группы по десять человек. Группа «Разряд» под командованием «Тени» – заходите с востока, минируете дорогу и ждите моего сигнала. Как только полыхнет – давите огнём, но вглубь не лезьте. Группа «Стык» с Летягиным – занимаете высоту у водонапорной башни, прикрываете эвакуацию и отсекаете хвосты.

Летягин: Принято. А основной удар?

Кузнецов: Основной удар – на мне и Токареве. Мы идём прямо в лоб через центральную улицу. Будем шуметь так, чтобы Смит на другом конце Европы икнул. Но помните: никакой беспечности. Если увидите шевроны с молнией – это «Storm». В плен не брать, патронов не жалеть. На сей раз будем действовать слаженней.

Полковник Нестеров проверил глушитель на СР-3М: Время?

Виктор посмотрел на часы: Пять минут, и на позиции.

Виктор стал наблюдать за тем, как люди Зубова готовят снаряжение. Их движения экономны, почти механичны, стоит абсолютная тишина.

Лейтенант решил посидеть на бревне рядом со столом с планом операции.

Капитан решил составить ему компанию, и тихо обратился к нему: Смотри на них. Ни одного лишнего слова. Никто не орёт матом, никто не ждёт пинка от командира.

Летягин: Они как будто в одной сети. Словно один мозг на всех. У нас в старой части всё было иначе – пока полковник не гавкнет, никто не почешется.

Кузнецов: Потому что там ты служил системе. А здесь они служат друг другу и Родине. Им не нужен трибунал, чтобы не заснуть на посту. Их совесть – их трибунал.

Зубов подошёл к ним из тени: Заметил, Витя? Система учит подчиняться, а Братство учит понимать. Мои люди здесь не за зарплату и не за медали. Они здесь потому, что знают: если не они, то никто.

Летягин: Это и есть «Призраки»? Те, кто не значится ни в одном списке, но делает то, что не под силу целым дивизиям?

Зубов: Именно. Смит ищет нас в базах данных, а нас там нет. Он ждёт, что мы будем действовать по уставу, а у нас его нет. Мы – эхо той самой силы, которая выходила из лесов в сорок третьем. Только теперь у нас технологии двадцать восьмого.

Кузнецов посмотрел на свои руки: Я думал, мы в тайге работали чисто. Но теперь вижу – нам ещё учиться и учиться.

Майор положил руку на плечо капитана.

Зубов: Научишься. У тебя есть главное – ты понимаешь, за что стоишь. Остальное – механика. Скоро выходим за Синицыным. Там ты увидишь их в деле.

* * *

Бойцы были готовы к операции.

Кузнецов: Зубов начнёт спуск, когда мы дадим первый залп. Мужики...

Капитан на секунду замолк, обводя взглядом своих русских воинов: В Москве мы пропустили удар. Здесь мы его вернём. За Родину, за Синицына. Пошли.

Тридцать теней бесшумно растворяются в чешском тумане. Кузнецов остался один на один с Токаревым, крепче сжимая цевье автомата.

Токарев: Думаешь, «Шторм» уже знает, что мы здесь?

Кузнецов: После Москвы я думаю, что они знают даже цвет моих носков, Токарев. Но сегодня это им не поможет. Мы больше не играем по их правилам.

Виктор прижимает тангенту рации, его взгляд устремлён на цель. Он ждёт информации.

Внезапно рация ожила, послышался хриплый голос майора: Виктор, это Зубов. Оператор дрона подтверждает: охрана сосредоточена на первом этаже и у входа. Смит распределил силы по внешнему кольцу. Можете начинать. Мы на позиции, трос готов.

Кузнецов: Принято, Зубов. Начинаем «Эхо». Мы их «раздёргаем». Начинайте спуск, когда полыхнёт. Ждите подрыва. Парни, огонь по готовности!

На другом конце улицы, где стоял топливный заправщик и пара пустых внедорожников НАТО, загремела серия мощных взрывов. Это сработали дистанционные заряды, которые люди Зубова заложили заранее. Ночное небо окрасилось в оранжевый.

Тут же отряд Виктора открыл массированный огонь из нескольких точек. Пулемётные очереди разрезали воздух, трассера уходили в сторону блокпоста. Силы Смита впали в

замешательство: они видели вспышки со всех сторон и думали, что их окружают крупные силы.

По рациям НАТО разносится панический крик: «Contact! Multiple shooters! West and North sectors!» (Контакт! Несколько стрелков! Западный и Северный сектора!)

Пока основные силы охраны Смита бежали к забору, чтобы отразить атаку Виктора, со стороны «Тени» был слышен характерный свист карабинов.

В это время бойцы Зубова, чёрными тенями, на бешеной скорости спускались по тросам прямо к окнам второго этажа дома. Стекло разлеталось в пыль под ударами ботинок. Группа зашла молниеносно. Внутри ударяли короткие очереди и взрывы светошумовых гранат.

Виктор связался по рации с майором, услышав звуки боя внутри: Зубов, это Виктор. Как там?

Ответ был мгновенным.

Зубов: Чисто! Первый этаж под контролем! Синицын у нас, он жив!

Но тут со стороны дороги донёсся тяжелый гул – к дому поспешило подкрепление Смита, которое быстро оправилось от шока. У них броневик и численное превосходство.

Тон голоса капитана сменился на более напряжённый: «Призрак-главный», у нас гости! Подкрепление уже на подходе. Долго не продержимся. Выводи генерала через чёрный ход, мы прикроем! Идите через сады к точке «Зенит». Мы их здесь завяжем.

Зубов: Понял тебя, «Волк». Пять минут, и мы растворимся. Береги себя.

Капитан повернулся к своим бойцам.

Кузнецов: Токарев, Нестеров! Броневик на двенадцать часов! Работаем по схеме «Заслон»!

Подкрепление ЧВК «Storm» на бронемашине влетело на узкую улицу, уверенное в своем превосходстве. Но Кузнецов ждал этого момента. Он понимал: открытый бой на открытой местности – смерть. Нужно использовать окружение.

Кузнецов: «Тень», давай!

Нестеров нажимает на детонатор.

Раздался глухой взрыв, но не под колёсами броневика, а сбоку – старая кирпичная арка и часть забора обрушилась, заваливая узкий проезд обломками. Бронемашина резко начала тормозить, лишаясь маневра. В этот же момент Токарев вскинул РПГ.

Токарев: Выстрел!

Кумулятивный заряд ударил точно в башню броневика. Вспышка, скрежет металла. Машина не оказалась уничтожена полностью, но ослеплена и заблокирована на дороге, перекрывая путь остальным внедорожникам НАТО.

Капитан бросил дымовую шашку: Дым пошел! Группа, отходим перебежками! Не давать им прицелиться!

Плотная завеса белого дыма мгновенно заполнило пространство между домом и садами. Бойцы Кузнецова, используя тепловизоры (которые они экипировали перед операцией), продолжали вести прицельный огонь сквозь дым, не давая наёмникам «Storm» высунуться из машин.

Кузнецов: Думали, мы будем бежать? Нет, твари... Мы здесь дома, в любом лесу и в любом городе.

Группа Кузнецова медленно откатывалась назад, превращая каждый метр улицы в огненный мешок. Они не просто стреляли – они заманивали врага на заранее пристрелянные позиции, давая Зубову те драгоценные минуты, чтобы генерал Синицын оказался вне зоны досягаемости Смита.

Бойцы продвигались к площадке эвакуации на окраине леса. Рёв двигателей Ми-8 перекрыл всё.

Вертолёт приземлился и начал забивался бойцами. Генерала Синицына первым посадили внутрь, под охрану Летягина. Нестеров и Зубов затягивали последних людей. Но в этот момент из леса, словно из ниоткуда, вылетели джипы ЧВК «Storm». Крупнокалиберные пулемёты начали кромсать борт эвакуационного транспорта. Грязь и щепки разлетелись во все стороны. Вертолёт тяжело подпрыгнул, пытаясь оторваться от вязкого грунта, бойцы вели ответный огонь из дверных проёмов. Хвост вертолёта содрогнулся от попаданий.

Капитан, стоя на краю аппарели, увидел, что наёмники вот-вот возьмут борт в кольцо. Он понимает: вертолёт – слишком лёгкая мишень, пока он на земле. Он сделал шаг вперёд, сапоги стали вязнуть в чешской грязи.

Кузнецов: Уходите, я прикрою!

Майор резко схватил его за плечо: Витя, назад! Прыгай внутрь!

Капитан тут же сбросил руку Зубова и с силой оттолкнул его вглубь десантного отсека. Он ударил кулаком по борту, давая сигнал пилоту на взлёт, и заорал, перекрывая рев турбин: Нет, улетайте! Уходите, я сказал!

Вертолёт, качнувшись, начал медленно задирать нос и стремительнее набирать высоту. Капитан поливал свинцом лобовые стёкла джипов. Пули свистели вокруг Кузнецова, задевая плечо и бедро. Он упал на одно колено, продолжая стрелять, пока затвор не встал на задержку. Пусто. Тогда Виктор выкинул пустой автомат, выхватил из кобуры СР1М и два дисковых магазина. Его лицо стало маской ярости.

Кузнецов открыл шквальный огонь по наступающим наёмникам: Получайте, сволочи! Никто не уйдёт!

Один внедорожник из-за плотного огня в стекло начал вилть и врезался в дерево. Но наёмников было слишком много. Вскоре патроны закончились и в пистолете.

В это время в вертолёте, который уже висел в десяти метрах над землёй зрели переживания.

Летягин прильнул к люку, его голос сорвался в крик: Нет! Виктор!

Тогда Зубов ударил кулаком в переборку, лицо было перекошено от бессильной ярости: Твою мать, сажайте нас обратно! Витя!

Полковник схватил майора за разгрузку, удерживая того от рывка. Его глаза холодны, но в них стоит боль.

Нестеров: Отставить, майор! Если сядем – нас порвут в клочья! Потеряем и его и генерала. Посмотри вниз, у них ПЗРК! Он спас нас, спас миссию!

Внизу, на поляне, Кузнецова уже обступили наёмники.

Вертолёт, кренясь и уходя от очередной ракеты, резко набрал последнюю – безопасную высоту и скрылся за верхушками сосен. Кузнецов, лёжа в грязи и сплёвывая кровь, увидел, как улетает его отряд. К нему подошёл командир «Шторма» в чёрном тактическом шлеме и навёл ствол в лицо. Он говорил на английском, его голос был холоден, как сама смерть.

Командир «Storm»: Смит будет доволен. Капитан Кузнецов… ты дорого нам стоил. Но теперь ты принадлежишь нам.

Глава 5: Откровение

Мир Кузнецова сузился до тяжёлого дыхания под плотной тканью мешка. Его вели долго: холодный воздух сменился стерильным теплом помещения. Слышался гул мощной вентиляции. Впереди раздался короткий электронный писк – магнитный замок. Тяжёлая дверь отъехала в сторону. Кузнецова грубо толкнули вперёд, усадили на жёсткий металлический стул и плотно притянули запястья ремнями. Мешок сорвали.

Виктор начал щуриться от яркого света лампы, сплёвывая кровь на чистый пол. Голос звучал хрипло, но в нём была слышна издёвка. Говорил на русском.

Кузнецов: Где я? Что произошло?.. А-а-а… Точно. Это вы, гниды. Что, не получилось Синицына? Обломали зубы?

Стоящий рядом охранник в форме «Storm», не раздумывая, ударил Виктора наотмашь по затылку. Голова капитана дёрнулась, из разбитой губы выступала кровь.

Тот ответил капитану на английском.

Боец «Storm»: Shut up, you Russian pig! (Заткнись, русская свинья!)

Виктор повернул голову назад, посмотрел на бойца ледяным взглядом и ответил ему на чистом английском: I would argue about who is the pig here. (Я бы ещё поспорил, кто тут свинья)

Боец пабагровел и стал замахиваться для второго удара, но в этот момент дверь снова зашипела, открываясь. В комнату допроса вошёл человек в безупречно отглаженной форме. На плечах – генеральские погоны армии США. Он выглядел как картинка из журнала: подтянутый, седой, с холодными, расчётливыми глазами.

Этот человек ответил на английском, спокойным и властным голосом.

???: Enough! I need him whole. (Хватит! Он нужен мне целым)

Боец мгновенно вытянулся в струнку: Sorry, sir. (Простите, сэр)

Виктор усмехнулся, глядя прямо в глаза вошедшему. Теперь он не просто слышал фамилию в своих мыслях, он видел её воплощение.

Кузнецов: So you are Smith… (Так ты и есть Смит…)

Генерал подошёл ближе, опираясь руками о стол напротив Кузнецова, параллельно рассматривая какие-то бумаги в руках.

Смит: Значит капитан Виктор Кузнецов… Прошу извиниться за действия моего бойца, он сегодня не в духе. Жаль, что вам пришлось терпеть боль, но ничего, мы же не варвары какие-нибудь. А что касается вас, капитан, вы очень проницательны. Редко кто сохраняет такое чувство юмора после того, как его отряд бросил его в лесу.

Кузнецов: Они не бросили меня. Они выполнили приказ. И раз ты здесь, Смит, значит, Синицын сейчас далеко от твоих грязных рук. А это значит, что я уже победил.

Генерал тонко улыбнулся: Победил? Вы, русские, так любите красивые слова о жертвенности. Но война – это не слова. Это ресурсы и информация. Вы здесь, Синицын в безопасности… Пока что. Но у меня есть то, чего нет у вас – время. И способы заставить вас говорить. Вы думаете, что совершили подвиг.

Генерал прошёлся по камере, заложив руки за спину.

Смит: Спасли генерала, спасли отряд… Но посмотрите правде в глаза, Виктор. Вы здесь, в этой дыре, а они – там, празднуют победу. Они даже не обернулись. Твои друзья просто улетели.

Голос Кузнецова прозвучал удивительно спокойно для человека в его положении. Он посмотрел на Смита без ненависти, скорее с профессиональным интересом: Слушай, Смит… Если ты пытаешься сломать меня морально, то можешь даже не пытаться. Я проходил психологические тесты ещё на Родине, когда только собирался идти в армию. И потом, перед спецподготовкой. Все они показывали стабильно высокий результат.

Смит приподнял бровь, скрестив руки на груди: Тесты? Бумага и чернильные пятна? Ты думаешь, это подготовило тебя к реальности?

Виктор продолжил, не слушая того.

Кузнецов: Это подготовило меня к пониманию таких, как ты. Я понятия не имею, зачем ты взял меня в плен. Я – полевой офицер. Моя задача – стрелять и командовать. Я не знаю ни

кодов запуска, ни планов Генштаба. Я ничего не знаю, Смит. Поэтому можешь сразу меня убить. Ты зря тратишь своё время.

Генерал посмотрел на него, и усмехнувшись начал медленно аплодировать так, что сухие хлопки гулко отдавались в бетонных стенах.

Смит: Браво, капитан. Образцовый ответ. «Я ничего не знаю, убейте меня» – страница сорок две из учебника по выживанию в плену. Но ты лукавишь. Тебе не нужны коды запуска, чтобы быть ценным. Ты – символ своего отряда. И ты – свидетель.

Виктор хрипло усмехнулся, глядя на Смита сквозь пелену боли: Свидетель чего? Твоего провала в Чехии? Мы выжгли твоих людей в тайге, Смит. Твои офицеры связи сдохли в тех бункерах вместе со всеми твоими планами. Мы передали всё в Москву. Ты проиграл партию ещё в лесах. Об этом и так скоро все узнают.

Генерал даже не шелохнулся. Он лишь слегка наклонил голову, и на его губах заиграла едва заметная, пугающая улыбка: Проиграл? Напротив, Виктор. Именно тогда я понял, что играю не с теми людьми. Когда мои центры связи замолчали один за другим, я приказал остановить натиск на Лубянку. Помнишь тот вечер? Тишину, которая вас так напугала?

Он сделал шаг ближе, его голос стал вкрадчивым: Я сидел в штабе и ждал докладов. И когда я понял, что один-единственный отряд за несколько часов превратил мою инфраструктуру в пепел… мне стало скучно воевать с Москвой. Мне стал интересен тот, кто держал автомат в тех лесах.

Виктор почувствовал, как внутри всё начинает каменеть. Мир внутри него на мгновение замер. Фрагменты мозаики, которые не складывались в ту сумасшедшую ночь, начали вставать на свои места. Холодный пот выступил на лбу, но не от жары в душной комнате.

Кузнецов прошептал себе под нос: Тебе нужен был я... Точно. Вот почему твои бойцы отложили натиск на утро. Вы не пытались нас остановить... Вы ждали, когда я останусь один. Чёрт... И всё благодаря помощи крота… Вечернее затишье... Ты перегруппировывался.

Смит: Именно. Я смотрю, ты меня раскусил, связи у меня есть даже на Лубянке. Утренний штурм Москвы был лишь шумной декорацией. Мне нужно было, чтобы Синицын запаниковал. Мне нужно было, чтобы он побежал, и чтобы именно ты бросился его спасать. Я позволил вам выкрасть его из-под носа моих людей в Чехии, потому что знал: ты не улетишь, пока не убедишься, что миссия выполнена. И браво, капитан, вы сыграли свою роль на все сто! Ты – идеальный солдат, Виктор. Слишком предсказуемый в своём благородстве.

Виктор стиснул зубы. Весь тот ад, крики в рации, полёт в горящую Москву, а затем погоня в Чехию – всё это было ниточками, за которые дёргал этот человек.

Кузнецов: Ты выставил генерала наживкой...

Капитан поднял на него тяжёлый взгляд: Рискнул всем своим планом… …Ради одного капитана?

Американец поправил его, подходя к двери: Не ради капитана. Ради инструмента. Безусловно, знания Синицына были бы очень полезны… А ты… Ты – это сила, которой нужно правильное применение. Твоя Родина – это руины. Что на счёт Чехии… Вас, капитан, предали. Оставили на произвол судьбы, как отработанный материал. Миссия выполнена, объект доставлен, а вы… вы просто строка в отчёте о потерях. Они забыли вас в ту же секунду, когда вертолёт оторвался от земли.

Виктор вспомнил последний крик Летягина и холодный голос Нестерова, который тогда, на аппарели, отрезал все пути назад: «Нет, Зубов, улетаем! Капитан спас миссию, спас нас!»

Виктор хрипло отозвался, с трудом ворочая разбитыми губами.

Кузнецов: Можешь говорить что хочешь, наёмник. Ты не знаешь, что такое долг. Ты знаешь только цену. А мой выбор… он был правильным. И мне плевать, что ты об этом думаешь.

Тот усмехнулся, в его глазах блеснуло что-то похожее на уважение, смешанное с жалостью: Какая наивность… Моя цель далеко не деньги, капитан, а защита Западного мира от русской угрозы. От таких идеалистов, как ты, Виктор. Вечно идейные люди вмешиваются в дела других… Я не убью тебя, Кузнецов. Смерть – это слишком лёгкий выход для такого идеалиста. Я хочу, чтобы ты жил. Я хочу, чтобы ты сидел в этой камере и слушал, как твоя страна, которую ты так яростно защищаешь, официально объявит тебя предателем или дезертиром. Потому что твой «крот» в Москве уже подготовил нужные бумаги.

В голосе капитана появилось холодное презрение, он посмотрел на Смита как на человека, который за цифрами и отчётами перестал видеть саму суть жизни. Он видел перед собой воплощение того паразитизма, считающего русский мир – угрозой. Воплощение того самого влияния западной пропаганды про «злых русских».

Кузнецов: Бумаги? Ты думаешь, меня можно напугать бумагами? Без доказательств? Когда я выполнял задачи, когда я воевал за Родину?

Смит: Доказательства создаются теми, кто подписывает приказы, капитан. В этом мире правда принадлежит тому, у кого в руках ручка.

Виктор перебивает его, голос звенел от внутренней силы: Твои бумаги никому не нужны, Смит! Пока твои союзники в штабах треплют языками и торгуют совестью, такие как я – льют кровь на фронте, защищая Родину. Мы – те, на ком всё держится, когда ваши «договорённости» превращаются в пыль. И никакая твоя папка с фальшивками не перевесит того факта, что Синицын на свободе, а мои люди знают правду.

Генерал остановился, его лицо на мгновение потеряло маску превосходства: Вы, русские, удивительно упрямы в своём мессианстве. Ты готов гнить в этой дыре, зная, что тебя объявили предателем те самые люди, которых ты защищал?

Кузнецов: Я защищаю не кабинеты в Москве. Я защищаю землю под моими ногами. И если мне суждено умереть с клеймом предателя в твоих отчётах – пусть так. Те, кто стоял со мной плечом к плечу, знают, кто я такой. А на твоё мнение, и на мнение тех «языков» в штабах, мне плевать. Грязь к золоту не пристаёт, Смит. Таким как ты, этого не понять.

Генерал долго молчал, глядя на Кузнецова. В его глазах проскользнуло что-то похожее на тень уважения, смешанного с досадой.

Смит: Золото... Вы всё еще верите в абсолюты. Что ж, раз ты так любишь «фронтовую правду», давай посмотрим, как долго она продержится против тишины и одиночества. Добро пожаловать в ИТЛ штата Луизиана, капитан. Подумай об этом на досуге. О том, как твоя «высшая цель» помогла мне затащить тебя в эту клетку. Здесь время течёт иначе. Родина отсюда кажется очень далёкой и о том, как твоя «высшая цель» помогла мне затащить тебя в эту клетку.

Генерал сделал жест охранникам: Уведите его.

Те подошли к Кузнецову, чтобы снова надеть на него мешок.

Смит: Пусть подумает о своих «братьях». Посмотрим, сколько дней его вера протянет без сна и света.

Кузнецов выплеснул последние слова, когда мешок касался его головы: Ты уже проиграл, Смит. Ты пытаешься судить волка по законам крыс.

* * *

Луизианский ИТЛ был адом на земле. Вместо привычного Виктору запаха гари и пороха здесь стоял тяжёлый, липкий смрад гнилых болот, дешёвого дезинфектора и пота тысяч

сломленных людей. Смит не просто держал их в клетках – он выжимал из них всё человеческое, превращая в рабов.

Виктора вели по центральному сектору. Кандалы на ногах неприятно звенели, каждый шаг отдавался болью в затылке после удара прикладом. Охрана «Шторма» здесь чувствовала себя хозяевами жизни.

Один из наёмников толкнул Виктора в спину: Шевелись, «герой».

Тот пошатнулся, но удержался на ногах

Дверь с грохотом захлопнулась. Виктора швырнули на бетонный пол. Он оказался в помещении, похожем на камеру, но больше напоминавшую часть шахты. Здесь не было ламп, бьющих в глаза – только тусклый серый свет, пробивающийся сквозь узкую щель под потолком. Холод пробирал до костей, заставляя раненые мышцы сокращаться в судорогах. Стены были покрыты инеем и склизким налётом. Кузнецов с трудом перевернулся на спину, тяжело дыша. Каждое движение отзывалось вспышкой боли в плече.

Кузнецов: По крайней мере... Здесь нет этого ублюдка Смита.

Раздался голос из темноты, тихий, с хрипотцой, на английском: Не радуйся раньше времени, парень. Смит – это всего лишь фасад. Настоящее дерьмо начинается, когда про тебя забывают.

Виктор резко напрягся, пытаясь рассмотреть в углу камеры тень. Там, привалившись к стене, сидел человек. На нём были остатки камуфляжа без шевронов, лицо заросло густой щетиной, а глаза лихорадочно блестели.

Виктор спросил его на английском: Ты кто такой?

Тот вышел из тени и криво усмехнувшись, протянул руку, чтобы поправить грязную повязку на ноге: Был капитаном Джоном Уильямсом. 75-й полк рейнджеров, если тебе это о чём-то говорит. Теперь я просто «номер 402». А ты, я так понимаю, тот самый русский, из-за которого здесь весь лагерь на ушах со вчерашнего дня?

Виктор медленно сел, прислонившись к ледяному бетону, пожимая руку американцу.

Кузнецов: Капитан Виктор Кузнецов, командир отряда ССО РФ. За что Смит держит здесь своего же?

Рейнджер плюнул на пол: Своим я перестал быть, когда отказался зачищать деревню с гражданскими в Донбассе. Смит не любит, когда у его инструментов внезапно просыпается совесть. Он называет это «неисправностью оборудования». Я сижу здесь полгода. Или год… в этой дыре легко сбиться со счёта.

Кузнецов: Значит, ты знаешь эту систему изнутри.

Уильямс: Я знаю, что отсюда не выходят. Смит держит нас как страховой полис. Или как подопытных крыс.

Рейнджер стал внимательно рассматривать Виктора. Ты выглядишь паршиво, русский. Но в тебе ещё есть огонь. Зря. Здесь огонь только помогает быстрее сгореть.

Виктор сжал кулаки.

Кузнецов: Мой огонь погаснет только вместе со мной. И если ты рейнджер, Уильямс, ты должен знать: пока мы дышим – мы не побеждены.

Рейнджер замолчал, но затем протянул Виктору кусок чёрствого хлеба, припрятанный под курткой.

Уильямс: На, Ешь. Тебе понадобятся силы, если ты действительно собираешься здесь «дышать». Смит придёт за тобой снова. Он хочет сломать тебя не просто ради информации. Ему нужно, чтобы ты признал, что его мир – единственный правильный.

Виктор взял хлеб, кивая: Он уже пытался. Рассказывал мне про кротов и бумаги.

Уильямс: О, он мастер рассказывать сказки о предательстве. Это его любимый трюк – заставить тебя поверить, что ты один во всей вселенной. Но судя по тому, какой шум подняли его наёмники в Чехии… ты не один.

Виктор спросил его хриплым голосом: Смит сказал, что ты – «неисправное оборудование». Что произошло на самом деле, Джон?

Рейнджер тяжело вздыхает, его пальцы нервно начали перебирать старый армейский жетон без цепочки.

Уильямс: Смит… Этот ублюдок никогда не пачкает руки сам. Это было в четырнадцатом. Мы тогда были по разные стороны прицела.

Виктор резко повернул голову, его глаза сузились.

Кузнецов: В четырнадцатом? Я был там под Иловайском и Дебальцево, я ещё в ополчении состоял. Значит, ты был одним из тех «инструкторов», что заходили с запада?

Уильямс криво усмехнулся: «Частный контракт». Нам обещали «сопровождение грузов» и «защиту объектов». Смит тогда был ещё лейтенантом, но уже вёл себя так, будто весь мир – его личная песочница. Он уже тогда тёрся с этим типом… Уокером и со своей правой рукой – Миллером.

Кузнецов: Уокер? Это ещё кто такой?

Голос американца стал дрожать от сдерживаемого гнева.

Уильямс: Уокер – это гений без души. Учёный, который превращает науку в чистую смерть. Смит притащил его разработки прямо на передовую. Нам дали приказ – зачистить одну деревню в серой зоне. Смит сказал, что там «опорник боевиков», но когда мы зашли… там были только мирные. Женщины, старики.

Кузнецов: И что сделал Смит?

Уильямс: Я отказался. Сказал, что я солдат, а не мясник. Мои ребята поддержали меня. Мы развернулись, чтобы уйти… И тогда он приказал своим людям схватить нас. Смит и Уокер обустроили «лабораторию» прямо в подвале старой промзоны под Донецком. Нас, тех, кто отказался стрелять в гражданских, заперли в две герметичные камеры.

Стеклянные боксы, понимаешь? Чтобы они могли видеть каждую секунду нашей агонии.

Виктор слушая это, сжал кулаки так, что ногти начали впиваться в ладони.

Кузнецов: Они записывали это?

Джон кивнул: Уокер стоял там с планшетом, корректируя подачу смеси. Сначала они пустили газ в первый контейнер. Там было шесть моих парней. Я видел всё, Виктор… Как они бились о стекло, как их кожа багровела, как они пытались содрать с себя одежду, потому что им казалось, что они горят заживо. Я кричал, пока не сорвал связки, но в этих камерах не было звука. Только тишина и смерть.

Кузнецов: Господи…

Уильямс: Смит уже тянулся к тумблеру второй камеры – моей. Я смотрел ему прямо в глаза и ждал своей очереди. Но в этот момент сверху жахнуло. Прямо в здание ворвались ваши – ополченцы ДНР. Они шли как лавина, расстреливая всех на своём пути. Наверху начался ад. Смит запаниковал. Он не успел включить мой провод. Он схватил Уокера с Миллером, чемодан с результатами и бросился к запасному выходу.

Кузнецов: А его люди? Те, кто охранял вас?

Уильямс: Смит бросил их всех. Его наёмники пытались прикрывать отход «ценного кадра» и химика, но ополченцы их просто смели. Там была каша – наёмники Смита, подразделения ВСУ, которые стояли на внешнем кольце… Ваши расстреляли всех. Здание горело. Ополченцы нашли меня в подвале, среди мёртвых тел в стеклянных гробах. Ты нашёл, уже не помнишь того дня, да? Для тебя это был очередной подвал, очередной склад, набитый наёмниками.

Виктор хмурится, пытаясь вытащить из памяти обрывки событий десятилетней давности: В четырнадцатом было много подвалов, Джон. Мы тогда шли напролом. Я помню промзону под Донецком… Помню странный запах химии и как

горел пластик. Мы искали там штаб наёмников, а нашли какую-то лабораторию.

Уильямс: Ты ворвался туда первым. Дым был такой густой, что не было видно собственных пальцев. Я сидел в том боксе, задыхаясь от остатков газа. Я видел через стекло, как ты расстрелял двоих охранников, которые пытались заблокировать дверь. Ты подошел к моей камере, выбил стекло прикладом и протянул мне руку.

Зрачки Виктора расширились. Вспышка памяти: едкий дым, разбитое стекло и чьи-то перепуганные глаза.

Кузнецов: Стой... Ты был тем парнем в обрывках американской формы? Я ещё тогда подумал: «Что здесь делает этот янки?»

Джон криво улыбнулся, на глазах выступили едва заметные слёзы, которые американец отчаянно пытался скрыть: Ты вытащил меня на свет. Ты не спросил, кто я. Ты просто дал мне руку и сказал на ломаном английском: «Get out, soldier. Live». (Уходи, солдат. Живи). Я запомнил твой взгляд, Виктор. И твой шрам на скуле – тогда он был совсем свежим.

Виктор потрясённо покачал головой.

Кузнецов: Твою мать... Джон. Я и забыл об этом. Столько лет прошло, столько грязи... Я просто сделал то, что должен был сделать человек.

Уильямс: А Уокер не забыл. Когда они схватили тебя в Чехии и привезли сюда, он крутился вокруг тебя в допросной, как стервятник. Он узнал тебя. Он сказал Смиту, что ты – тот самый «призрак из прошлого», который испортил им статистику в четырнадцатом. И сам Смит тоже вспомнил. Вот почему они тебя не убили сразу. Они хотят понять, из какого теста ты сделан.

Кузнецов встаел, и теперь в его движениях чувствовалась новая сила: Значит, круг замкнулся. Десять лет назад я вытащил тебя из стеклянного гроба, Джон. Как же ты попал сюда?

Уильямс: Потом меня перехватили ищейки Смита во время обмена пленными. С тех пор он держит меня здесь, чтобы я не рассказал миру, что «герой войны» Смит – обычный убийца своих же солдат.

Виктор тяжело поднялся, глядя на бутылку воды: Смит говорит, что меня предали, Уильямс. Говорит, что всё это был спектакль.

Джон усмехнулся, и в этой усмешке было столько же горечи, сколько в самом Викторе.

Уильямс: Смит – большой любитель спектаклей. Но он забыл, что иногда декорации рушатся. Отдыхай, капитан. В этом лагере у тебя теперь есть глаза и уши. Мы ещё посмотрим, кто в этой пьесе главный герой.

Виктор встал и подошёл к Джону, кладя руку ему на плечо: Значит, в четырнадцатом я спас тебе жизнь, сам того не зная. Судьба – странная штука, Джон. В 2014-м мы могли убить друг друга, но теперь вместе выберемся из этого болота. Смит и Уокер думают, что они ведут игру, но они просто привели своего палача к себе домой. Смит тренировал своих наёмных палачей убивать. А мы с тобой натренированы выживать там, где другие дохнут.

Джон посмотрел на Виктора, в его глазах мелькнула искра гнева: Смит думает, что он бог, потому что у него есть химия и деньги. Но он забыл, что в том подвале в четырнадцатом он проиграл обычным мужикам с автоматами, которые просто шли вперёд.

Джон встал, выпрямляясь во весь рост: В том подвале я обещал парням, что Смит ответит за стекло. Время платить по счетам, капитан. Что нам нужно для начала?

Кузнецов: Нам нужна искра. И я знаю, где её высечь. В этом блоке – твои рейнджеры и мои убеждения. Мы устроим им такой «Донбасс» прямо здесь, в Луизиане, что Смит проклянёт тот день, когда решил поиграть в доктора Смерть.

Уильямс: Я с тобой, капитан. На сей раз мы не просто уйдём. Мы сожжём это место до основания.

Виктор почувствовал, как внутри что-то начинало оттаивать. Не всё было спектаклем. Жизнь Уильямса, спасённый Синицын – это были реальные факты, которые Смит не мог стереть своей ложью.

Кузнецов: Но он сказал, что отряд меня бросил, Нестеров приказал улетать.

Уильямс жёстко усмехнулся: А что он должен был сделать? Положить всех и отдать Синицына обратно? Ты сам их выгнал, капитан. Это был твой приказ. Они не бросили тебя – они выполнили твою волю. Смит пытается подменить понятия, чтобы ты сам себя возненавидел. Не давай ему этой радости.

Джон успел коснуться руки Виктора, прежде чем пожать её: Держись, кэп. В этом лагере много тех, кто сыт Смитом по горло. Ты не один.

Виктор встал. Он больше не чувствовал себя «сломанным инструментом». В его глазах снова появился тот самый холодный огонь, с которым он заходил в бункеры тайги.

Глава 6: Перелом

Капитан уже 4 месяца торчит в Луизианском аду. Туман в Калининграде был таким густым, что дома, уходившие ввысь казались могущественными великанами. Небо над Балтикой постоянно гудит от патрульных сушек. Синицын стоял, опершись на капот камуфлированного «Тигра». В ушах всё ещё стоял гул винтов того самого Ми-8, который уносил их из чешского ада, пока Виктор, оставшись один против «Шторма», выигрывал для них секунды.

Из тумана бесшумно вышла фигура. Подполковник Беляев. На нём была идеально подогнанная форма, а лицо выражало ту самую вежливую, холодную скуку, которая всегда бесила Синицына.

Синицын: Вы вовремя, подполковник.

Генерал бросил окурок в серый песок: Где данные? Мои парни готовы. Мы вытащим Кузнецова, чего бы это ни стоило. Мы знаем, что его забрали наёмники, но куда?

Подполковник подошел ближе, по-хозяйски оглядывая город. Он достал планшет и развернул карту, но его движения были слишком спокойными.

Беляев: Успокойтесь, Синицын. Излишняя эмоциональность – это черта, которая всегда губила наш народ.

Подполковник тонко улыбнулся, и в этой улыбке сквозило то самое высокомерие: Кузнецов сделал свой выбор. Его люди на время отстранены. Ребятам нужно оправиться от потери Вити. Его людям нужно перевести дух, чтоб не наделали глупостей от горя. Он пожертвовал собой ради людей. Сейчас мы готовим операцию по перехвату конвоя в Калининградской области. Есть данные, что его везут на перевалочный пункт НАТО на Куршской косе.

Синицын: Перевалочный пункт? Куршская коса? Она же в тридцати километрах отсюда. Там вовсю ведутся боевые действия.

Беляев: Именно, для наших врагов это идеальный предлог тайно вывести капитана в нужном им направлении. Выдвигайтесь в квадрат 44-12. Там густой лес, небольшой населённый пункт, идеальное место для засады. Мы обеспечим коридор и подавление связи. Вы ударите по центру, мои люди перекроют фланги.

Генерал смотрел на карту, не замечая, как подполковник медленно отходит к своей машине.

Синицын: Виктор… он жив? Вы уверены?

Беляев: Мы делаем всё возможное.

Голос Беляева звучал мягко, с нотами сочувствия: Вы благородны, генерал. Виктор бы вами гордился, будь он здесь. Родина вас никогда не забудет.

Синицын посмотрел подполковнику в глаза.

В них не было жалости или ледяного взгляда, там была гордость за генерала и его людей: Он жизнь за нас отдал там, в Чехии. Мы вытащим его, или все там ляжем. Группа, выдвигаемся. Мы объединимся с 7-м гвардейским.

Беляев: Коридор на границе будет открыт. Удачи, генерал.

Подполковник сел в машину. Его задачей была корректировка боевых действий на том направлении.

«Тигр» Синицына сорвался с места, уходя вглубь косы. Синицын ещё не знал, что едет вместе со своими людьми в настоящий ад.

* * *

Ветер с Балтики прошивал насквозь. Синицын стоял среди скрюченных сосен, которые в тумане казались застывшими в немом крике. Балтийское море беснуется, обрушивая ледяные валы на песчаный берег. Генерал Синицын стоит у командно-штабной машины. Вокруг него – его верные люди, ветераны, прошедшие с ним всё. Они здесь, потому что Беляев предоставил точные данные о позициях врага. Синицын лично прибыл на передовую, чтобы командовать обороной.

Генерал стоял в траншее, вырытой в корнях сосен «Танцующего леса». Сверху, со стороны залива, заходили «Апачи». Воздух дрожал от разрывов. Его отряд – остатки батальона, усиленные выжившими из чешской группы – держал оборону.

В это время в штабе Балтийского флота пахло озоном и дорогим кофе. Мониторы транслировали сетку ПВО и передвижения батальонных групп. На огромных экранах – зернистая картинка с разведывательных дронов. По узкой нитке косы, зажатой между свинцовой водой, стальным клином шли силы Запада. Абрамсы и Леопарды сминали последние заслоны, перемалывая песок вперемешку с телами. Подполковник стоял у окна, за которым вдалеке

глухо рокотала артиллерия. Он посмотрел на часы, затем на терминал спецсвязи.

Беляев: Лишь бы всё получилось…

Гул на передовой послышался раньше, чем показались первые силуэты. Это был не просто шум моторов — это была вибрация самой земли. Песок на брустверах окопов группы Синицына мелко дрожал, осыпаясь вниз.

Кто-то из бойцов прохрипел, вжимаясь в холодную грязь: Идут…

Из утреннего тумана, со стороны польской границы, начала выплывать стена стали. Десятки тяжёлых «Леопардов» и «Абрамсов» шли плотным строем, занимая почти всю ширину Косы. За ними, как тени, двигались БМП с пехотой. Над ними, едва не цепляя верхушки сосен, с рёвом пронеслись штурмовики, заливая позиции Синицына кассетными снарядами.

Синицын стоял на КНП (командно-наблюдательном пункте), вцепившись в бинокль так, что побелели костяшки. Вокруг него ад: земля вздымалась чёрными фонтанами, связь трещала от помех.

Синицын крикнул в рацию: Седьмой! Седьмой! Почему молчит арта?!

Но ответом был лишь статический треск.

Синицын: Нас здесь просто перемелют!

Враг приближался методично. Танки стреляли на ходу, их снаряды срывали куски дюн вместе с укреплениями. Дистанция сокращалась: восемьсот метров, шестьсот… Синицын видел в оптику эмблемы на броне. Это была элита. Они шли так, будто исход боя уже предрешён.

В стерильной тишине штаба на огромном мониторе Коса выглядела как тонкая синяя нить, которую медленно пожирала красная опухоль. Беляев стоял чуть позади

операторов. Его лицо не выражало ничего. Он видел, как одна за другой гаснут зелёные точки – позиции Синицына.

К нему обернулся молодой связист, его голос дрожал.

Подполковник, генерал требует немедленной огневой поддержки. Они не продержатся и десяти минут. Танки уже на первой линии.

Подполковник медленно перевёл взгляд на офицера. В его глазах была какая-то пугающая, мёртвая пустота.

Генерал Синицын стоял на самом краю обрыва, где берег круто уходил в пенную, ядовито-серую воду. Его китель был расстегнут, лицо серое от пороховой гари, а в глазах застыло то самое «прозрение», о котором страшно вспоминать в мирное время. Он видел, как с запада, по узкому перешейку, движется стальная стена – передовые группы НАТО. Они шли уверенно, зная, что прижатому к воде отряду бежать некуда.

Радист проорал сквозь грохот канонады: Товарищ генерал, связи нет! Нас заблокировали со всех сторон. Свои молчат! Штаб не отвечает на запросы о поддержке!

Синицын медленно обернулся. Его «отряд» – те, кто остался верен не приказу, а человеку – лежал в наспех вырытых ямах. Измученные, раненые, они смотрели на своего командира. В их взглядах не было веры в «Систему». Там была только тихая, страшная готовность умереть за ту самую Родину, которую они носили внутри себя.

На огромной интерактивной карте Коса напоминала узкий капилляр, по которому пульсировала густая «красная» зараза – отметки натовской бронетехники. Синие точки, обозначавшие группу Синицына, мигали и гасли одна за другой.

Подполковник стоял у самого экрана, его лицо освещалось холодным неоновым светом мониторов. Он видел, как быстро сокращается дистанция между передовыми танками врага и точкой «Зеро» – местом, где был заложен Груз.

Беляев прошипел сквозь зубы, ударив ладонью по краю стола: Твою мать… Почему же они наступают так быстро?! Можем не успеть.

Оператор связи обернулся, его голос сорвался на крик: Подполковник! Группа Синицына смята! У них нет тяжёлого вооружения, они не могут остановить этот вал. Пятый и шестой взводы перестали выходить на связь. «Леопарды» идут на полном ходу, они даже не зачищают окопы – просто переезжают их!

Беляев лихорадочно соображал. План трещал по швам. Ему нужно было, чтобы враг «завяз», чтобы они скопились на узком перешейке, создав идеальную плотность целей для активации Груза. Но западные генералы, подгоняемые приказами из Вашингтона, гнали войска вперёд с фанатичным упорством. Подполковник на мгновение отвернулся от общих экранов, изучая данные на своём личном планшете. В углу экрана мигал едва заметный значок – подтверждение связи с «Объектом Бета».

Беляев: Самое время…

К Беляеву обернулся молодой связист, его голос дрожал: Подполковник, генерал требует немедленной огневой поддержки. Они не продержатся и десяти минут. Танки уже на первой линии.

Беляев медленно перевел взгляд на офицера. В его глазах была какая-то пугающая, мёртвая пустота: Передайте генералу: поддержки не будет, все ресурсы перенаправлены на развёртывание «Груза».

В штабе повисла мертвая тишина. Офицеры переглянулись.

Кто-то сказал: Но там же люди…

Беляев не ответил. Он подошёл к трибуне, его фигура в полумраке казалась неестественно прямой.

Голос Беляева прозвучал сухо и властно, разрезая тишину: Господа офицеры, внимание, натовцы прорывают фронт.

Через пятнадцать минут они будут у пригородов. Традиционные методы обороны исчерпаны.

Он нажал кнопку на пульте, и на экране появилось изображение того самого контейнера, который везли в начале.

Беляев: Груз, доставленный накануне, позволит остановить натиск. Прямо сейчас генерал Синицын и его люди выполняют свою главную и последнюю задачу – они стягивают все силы врага в одну точку. В зону поражения. Ждите команду на подрыв.

Подождите, Аркадий Сергеевич… Как – подрыв? Там же Синицын! Там вся 56-я бригада, там морпехи! Это же… это же больше пяти тысяч человек! Наши ребята!

Беляев оборвал его ледяным тоном: Костин, сядьте, вы думаете, мне легко? Синицын – мой старый друг. Но посмотрите на радар. Сектор 4 и 5 полностью перекрыты огнём противника. Там живых нет. А те, кто остался, сейчас молят бога о быстрой смерти. Мы не убиваем их – мы ставим точку в этой бойне, пока враг не прорвался к мирным городам.

Внезапно выкрикнул Воронов, подполковник, начальник связи: Но мы не знаем наверняка! Помехи могут быть из-за РЭБ. Если мы сейчас… если мы нажмём… Мы же их всех испарим! Своих же! Вы понимаете? Там же наши… группа Синицына стоит насмерть, они ждут авиацию! Мы обещали им небо!

Подполковник медленно повернулся к Воронову. В его глазах не было ни капли сомнения – только глубокая скорбь, за которой скрывалось тяжёлое смирение.

Беляев: Авиации не будет. Аэродромы уничтожены. Вы хотите подождать, пока натовцы возьмут заряд в качестве трофея? Хотите, чтобы русское ядерное оружие попало им в руки? Это измена, Воронов. Вы готовы взять на себя гибель всего анклава из-за призрачной надежды, что кто-то выжил в этом аду?

В штабе повисла мёртвая тишина. Было слышно только гудение вентиляции и далёкий, приглушенный бетонными стенами гул канонады. Офицеры переглядывались. В их глазах застыл первобытный ужас. Они смотрели на карту, где крошечная синяя точка – отряд Синицына – ещё пульсировала, обозначая очаг сопротивления.

Костин прошептал, глядя на экран: Синицын… У него же сын в этом батальоне. Совсем мальчишка…

Беляев жёстко отрезал: Мы все здесь чьи-то сыновья, война никогда не обходится без жертв, лейтенант. Есть только солдаты и их долг. Нужно выполнить задачу, неужели вы не понимаете?

Подполковник положил руку на ключ: Но сегодня мы – солдаты. Воронов, второй ключ. Это приказ.

На линии фронта шёл последний бой, русские войска сжимали западные. Люди Синицына держали оборону из последних сил.

Синицын, перекрикивая разрыв снаряда: Где связь со штабом?! Беляев обещал, что артиллерия подавит их позиции к пяти часам!

Радист отчаянно крутил ручку настройки: Глухо, товарищ генерал! Сплошной белый шум! Нас зажали, и их тоже зажали! Мы здесь как в тире!

Синицын в этот момент в его глазах вспыхивает догадка – холодная и страшная: Где же отряд Виктора… Если бы его люди были здесь, они бы не допустили, чтобы мы стояли здесь как мишени в тире.

Генерал Синицын стоял в разбитом окопе. Ветер доносил лязг гусениц и чужую речь. Враг был уже в пятистах метрах. Синицын поднял бинокль – он видел лица наступающих, видел их уверенность. Он ждал обещанной поддержки, ждал авиации.

Синицын отбросил бесполезную рацию. Первый танк уже ворвался на позиции, подминая под гусеницы бруствер

соседнего окопа. Грохот орудий слился в один нескончаемый гром.

Синицын выхватывая пистолет, закричал, хотя его голос утонул в рёве огня: К бою! Встречаем как дома!

Он посмотрел на своих бойцов. Грязные, окровавленные, они смотрели на него. В этих глазах не было страха – только горькое понимание. Они поняли, что помощи не будет. Они были наживкой.

Что-то громыхнуло вдалеке, но вместо гула самолётов генерал услышал странный щелчок в рации. Короткий, пронзительный писк, который означал только одно – активацию спецзаряда поблизости. Генерал замер, в его глазах ощущалось то самое тяжёлое осознание и смирение со своей судьбой и своих людей. Это была его последняя мысль перед тем, как ударная волна испарила командный пункт.

Синицын: Прости нас, Родина...

Событие произошло в полной тишине. Сначала мир превратился в ослепительно-белый лист бумаги. Жар в десятки миллионов градусов мгновенно испарил воду лимана, превратив песок в расплавленное стекло.

Синицын, его отряд, наступающие танки НАТО, гордые офицеры в люках «Абрамсов» – всё это перестало быть материей за микросекунду. Огненный шар расширялся, поглощая косу целиком. Ударная волна, нагруженная тоннами испаренного моря, ударила во все стороны, превращая технику в рваную фольгу.

Над косой медленно, торжественно и страшно начал расти серый гриб.

Вспышка на мониторе была безмолвной. Громадное здание базы на Куршской косе превратилось в облако обломков. Беляев прикрыл глаза, словно не в силах на это смотреть. Офицеры в штабе замерли в скорбном молчании.

В их глазах читалось: Он только что убил своих, чтобы спасти страну.

Беляев тихо скомандовал: Всем выйти, нужно подготовить рапорт командующему флотом. Оставьте меня.

Когда тяжёлая бронированная дверь штаба лязгнула, отсекая шум внешнего мира, Беляев не пошёл к столу. Он медленно подошёл к узкому окну-бойнице, за которым над горизонтом поднимался чёрный дым от взорванной базы.

Его плечи, только что сгорбленные под тяжестью «трудного решения», расправились. Он медленно снял фуражку и положил её на подоконник. Усталость с лица исчезла, уступив место пугающему, почти мёртвому спокойствию.

Он достал из потайного кармана кителя маленькую чёрную рацию, не имеющую ничего общего с армейским оборудованием РФ. Щелкнул тумблер. Послышалось лёгкое шипение помех, а затем – далёкий, уверенный голос:

???: Слушаю вас, подполковник.

Беляев посмотрел на догорающую Косу, где в этот момент гибли последние бойцы Синицына.

Беляев: Груз уничтожен. Конвой-обманка сработал идеально.

Голос Беляева был ровным и чистым, в нём не осталось ни капли той хрипоты, которую он имитировал перед офицерами.

Крот: Генерал Смит, цель «Синица» ликвидирован. Свидетелей чешской операции больше нет.

На том конце воцарилась довольная тишина.

Смит: Превосходно, Беляев. Теперь официально – Кузнецов мёртв, а вы – герой, сделавший невозможное. Жду вас в штатах… когда пыль осядет.

Крот выключил рацию и аккуратно убрал её обратно. Он снова надел фуражку, поправил её перед зеркалом, вернув на лицо маску скорбящего патриота, и спокойным шагом

направился к двери – писать историю, в которой он был героем, а Виктор Кузнецов – лишь забытой строчкой в списке потерь.

А где-то в Луизиане, в сырой камере тюрьмы ЧВК Смита, Виктор почувствовал странный холод, продравший его до костей, хотя он и не мог знать, что его Родина на другом конце света только что обросла радиоактивным пеплом по воле одного человека. Там в это время просто погас свет. Надолго. Чтобы Виктор в темноте привыкал к тому, что теперь защищать ему некого и нечего.

Глава 7: Путь к свободе

В бараке стояла тяжёлая, липкая тишина, нарушаемая только гулом старых вентиляторов, которые гоняли по кругу влажный воздух Луизианы. Виктор сидел на койке, глядя в одну точку на бетонном полу. Шесть месяцев. Сто восемьдесят дней в этой дыре.

Рейнджер сидел напротив, лениво ковыряя застарелый шрам на руке.

Уильямс негромко произнёс, не поднимая глаз: Знаешь, Вик, иногда мне кажется, что Смит специально держит нас здесь так долго. Не ради информации. Просто чтобы посмотреть, как мы превратимся в плесень.

Виктор медленно перевёл взгляд на него. Его лицо за полгода осунулось, глаза глубоко запали, но в них всё еще теплился тот самый холодный огонь: Он не просто ждёт, Джон.

Голос Виктора звучал хрипло: Он наслаждается. Помнишь, месяца два назад он вытащил меня к себе, после чего я пришёл и впервые почувствовал себя сломленным? В тот кабинет с видом на болота…

Джон кивнул. Тот допрос длился почти десять часов.

Кузнецов: Он тогда сказал мне одну вещь…

Пальцы Виктора невольно сжались в кулаки.

Кузнецов: Бросил как бы между прочим, будто кость собаке. Сказал, что на моём континенте, в Евразии, всё пошло прахом. Что на границе России и НАТО случилось «что-то ужасное». Что мир изменился, пока я гнил здесь.

Джон перестал ковырять шрам и внимательно посмотрел на Виктора.

Уильямс: «Ужасное»? Именно это слово он использовал?

Кузнецов: Да. Он сказал, что правила игры теперь другие. Улыбался так, Джон... будто он лично нажал на кнопку. Или будто его друзья в Москве помогли ему это сделать. Я всё это время думаю об этом. О «границе». О своих пацанах. Если там действительно ад – значит, Смит знал об этом заранее.

Джон горько усмехнулся и откинулся на стену.

Уильямс: Поверь моему опыту, Вик. Если такая тварь, как Смит, называет что-то «ужасным», значит, кровь там лилась вёдрами. Он не из тех, кто пугается обычных сводок потерь. Для него это либо грандиозная провокация, либо зачистка, которую мир ещё не видел.

Кузнецов: Я должен вернуться, Джон.

В голосе Виктора прорезалась сталь: Если он не врал, если на границе действительно бойня... я не могу здесь просто гнить. Родина не списывает своих, но такие как Смит делают всё, чтобы мы так думали.

Джон хотел что-то ответить, открыть рот, чтобы добавить очередную порцию своего горького цинизма...

И в этот момент мир сошёл с ума.

Первый взрыв был такой силы, что бетонный пол под их ногами подпрыгнул. Сверху посыпалась штукатурка, свет мгновенно погас, и барак наполнился диким, пронзительным воем сирен. Где-то вдалеке, со стороны внешнего периметра, послышался нарастающий гул тяжёлой техники и частые, сухие хлопки крупнокалиберных пулемётов.

Хриплый крик Уильямса прорвался сквозь гул: Вик! Живой?!

Виктор приподнял голову. Сквозь огромный пролом в стене в камеру врывался кроваво-красный свет пожаров и холодный ночной воздух Луизианы. Снаружи ревели двигатели джипов и частили очереди крупнокалиберных пулемётов. Капитан рванулся к решётке окна, впиваясь пальцами в холодный металл и всматриваясь в хаос снаружи. Там, за периметром, где раньше была стена леса, теперь бушевало пламя. Сквозь дым он увидел тяжёлые броневики, выкрашенные в тусклый песочный цвет, и пехоту, идущую в атаку с какой-то яростной, почти первобытной энергией.

Кузнецов прохрипел, щурясь от дыма: Взрыв… Я не знаю этих флагов, Джон. Кто это? На нас напали регулярные части?

Рейнджер, тяжело дыша, подошёл сзади. Он взглянул на развевающиеся на броне полотнища и его лицо побледнело.

Уильямс: Чёрт… это Южный альянс.

Кузнецов обернулся, не понимая: Кто?

Для него Америка всегда была монолитом, одной огромной силой, с которой он боролся в Чехии.

Уильямс сплюнул, в его глазах читался страх, которого Виктор не видел даже во время допросов Смита: Союз южных штатов, они хотят выйти из-под влияния Вашингтона. Идут на разрыв. Кэп, после них остаётся лишь разрушение. Им плевать на конвенции, им плевать на порядок. Зачем они идут сюда? Им нужен этот ИТЛ?

Повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только отдалёнными криками и стрекотом пулеметов. Виктор снова посмотрел на штурмующие группы. Он видел, как наёмники Смита – те самые профессионалы из «Шторма» – в панике отступают под этим беспорядочным, но сокрушительным натиском.

Виктор медленно произнёс, и в его голосе снова зазвучал тот самый капитан Кузнецов, командир «Альфы»: Если они атакуют лагерь, то Смиту сейчас не до нас. У него горит дом.

Уильямс посмотрел на Виктора. В тусклом свете пожаров его глаза блеснули пониманием.

Джон схватил со стола тяжёлую металлическую ножку от табурета: Это наш шанс сбежать, и поднять бунт. Если мы не выйдем сейчас, Альянс просто сожжёт нас в этих клетках вместе со «Штормом».

Виктор кивнул. В этом аду, где старый мир рушился на глазах, у них не было союзников. Были только они двое – русский офицер и американский наёмник, связанные кровью Донбасса.

Виктор ударил плечом в дверь камеры, чувствуя, как внутри закипает ярость: Поднимай людей, Джон, пусть Смит увидит, что бывает, когда в его «спектакле» массовка берёт в руки оружие.

Джон уже стоял у пролома, его глаза лихорадочно блестели: Нам это только на руку! Охрана в панике, они стягиваются к внешнему периметру. Оружейная в конце этого блока, я знаю короткий путь через прачечную!

Кузнецов: Двигаем!

Два элитных бойца, полгода гнивших в кандалах, вылетели из разрушенной камеры. Они двигались синхронно, «змейкой», прижимаясь к стенам. Хаос стал их лучшим союзником: по коридорам бегали дезориентированные сотрудники тюрьмы, кто-то бросал посты, кто-то пытался отстреливаться от наседавших снаружи повстанцев.

У входа в блок оружейной им преградили путь двое охранников. Один вскинул помповое ружьё, но Виктор был быстрее. Рывок, перехват ствола, мощный удар локтем в челюсть – охранник рухнул, теряя сознание. Джон в это время профессиональным захватом уложил второго, вырывая из кобуры электрошокер.

Уильямс выдохнул, дёргая ручку армированной двери оружейной: Дверь заперта!

Кузнецов: Отойди!

Виктор подобрал упавшую «помпу», дважды выстрелил в петли и выбил дверь мощным ударом ноги.

Внутри пахло ружейным маслом и холодным металлом. На стеллажах ровными рядами стояли винтовки, в ящиках лежали магазины.

Джон мгновенно схватил тяжелый SCAR-H.

Уильямс прошептал, проверяя ход затвора: Моя детка… Тяжелый калибр 7.62 – как раз то, что нужно, чтобы пробивать бронежилеты охраны.

Виктор не стал медлить. Его рука легла на рукоять M4A1. Привычным движением он нажал кнопку сброса магазина, убедился, что тот пуст, и вогнал свежий рожок до характерного щелчка.

Указательный палец нашёл рычаг предохранителя. Джон краем глаза следил за ним, ожидая заминки, но Кузнецов действовал так, будто всю жизнь прослужил в Форт-Брэгге. Резкий рывок Т-образной рукоятки затвора над прикладом назад – патрон в патроннике. Короткий удар ладонью по кнопке затворной задержки слева. Винтовка вздрогнула в руках, став продолжением его тела.

Виктор посмотрел на Джона: К бою готов?

Рейнджер 75-го полка вскинул свой SCAR, его лицо превратилось в маску безжалостного хищника.

Уильямс: Как в старые добрые, Вик. Пошли делать их жизнь короче.

Виктор коротко кивнул. Теперь они не были заключёнными. Они были смертью, которая вырвалась на волю.

Кузнецов: К поезду, Джон. Нам нельзя задерживаться на этом празднике жизни.

Два профи вылетели из оружейной.

Небо над Луизианой разверзлось проливным свинцовым дождём. Тюремный двор превратился в декорацию из кошмара: мрак ночи разрезали мертвенно-белые лучи прожекторов, лихорадочно рыскавшие по залитому водой

бетону. В их свете капли дождя казались мириадами летящих игл.

Виктор прижался к мокрой стене, чувствуя, как холодная вода затекает за шиворот. Вспышки от разрывов снарядов Южан на мгновение выхватывали из темноты остовы сгоревших машин и груды тел, а затем всё снова погружалось в густую синеву.

Джон, стёр воду с прицела своего SCAR’а. Его лицо в свете прожектора казалось бледной маской: Как в «Терминаторе», Вик.

Кузнецов: Только у нас нет машины времени, Джон.

Виктор проверил магазин: И эти «роботы» Смита вполне себе из плоти и крови. Значит, они тоже умирают.

В этот момент по плацу ударил тяжёлый пулемёт. Трассера прошили пелену дождя ярко-красными пунктирами, выбивая искры из кирпичной кладки над их головами. Броневик охраны выкатился из тумана, как стальной призрак, ослепляя их своими фарами…

Кузнецов: Джон, за мной! Держись левее, под прикрытием этих контейнеров!

Голос Уильямса был ровным, с лёгким напряжением: Вижу. Ад на выезде. Прорываемся, кэп.

Кузнецов: Точно. Ангары – наша точка эвакуации. «Шторм» будет перекрывать сектор. Ни секунды промедления.

Они срываются в рывок. Под ногами хлюпает грязь, перемешанная с раскаленными гильзами. Справа группу зэков разрывает перекрёстным огнём «Шторма» и Южан.

Уильямс: Справа! Южане выкатили тяжёлый пулемёт! Перерезали прямую!

Кузнецов: Игнорируй! Пусть дохнут. Наша цель – депо.

Пуля «Шторма» выбивает бетонную крошку из столба прямо над головой Уильямса. Тот даже не пригибается, продолжая бежать.

Уильямс: Эти ублюдки Смита… работают без лишних движений. Для них мы просто две цели.

Кузнецов ухватил Уильямса за плечо, чтобы скорректировать курс: Двигай! Залегать здесь – значит дождаться миномётного расчёта. Депо!

Впереди открылась панорама депо. В синем мареве видны очертания тронувшегося состава. Операторы «Шторма» уже начали разворачивать стволы в сторону путей, заметив их.

Кузнецов: Всем приготовиться к рывку! Последние сто метров! Вагон или вечный холод в этой яме!

Капитан вновь обратился к рейнджеру: Выход чист. Джон, за мной. Держимся левой стороны, используем контейнеры как заслон.

Уильямс: Принял. Вижу расчеты «Шторма» на вышках. Они заняты Южанами. Работаем, пока сектор открыт.

Они перешли на тактический бег. Под ногами хлюпала грязь и латунь. Справа пулемётный огонь срезал группу зэков, пытающихся прорваться к забору.

Уильямс: Справа, тяжёлый пулемёт Южан. Перекрывают основной проезд.

Кузнецов: Оставь их. Пусть связывают наёмников. Наша цель – депо.

Пуля «Шторма» выбила крошку из бетонной опоры над головой Уильямса. Джон даже не сбавляет темп, проверяя сектора на ходу.

Уильямс: Снайперы Смита начали работать по периметру. Мы в красной зоне.

Кузнецов: Двигайся зигзагом к ангару. Быстрее.

Сквозь грохот разрывов и свист пуль прорвался низкий, утробный звук работающего дизеля. Земля начала вибрировать от работы тяжёлого дизельного двигателя. Вдруг начал нарастать гул локомотива.

Уильямс: Локомотив запущен. Начинает движение.

Кузнецов: Вижу. Если не успеем на состав – останемся в кольце.

Уильямс: Не останемся. Смит сегодня никого не получит. Прибавь ходу.

Они вырываются на открытое пространство перед депо. Состав медленно набирает скорость в синем мареве прожекторов. Группа зачистки «Шторма» замечает движение у путей.

Кузнецов: Визуальный контакт с противником! Группа зачистки на три часа!

Уильямс: Вижу их. Не останавливайся, я прикрою сектор. Прыгаем на ходу.

Кузнецов: Пошёл! Последний рывок!

Бойцы прорвались к зданию депо.

Внутри мигали красные аварийные лампы. Снаружи слышались глухие удары – «Шторм» использует тараны и направленные взрывы. Тяжёлый гул локомотива постепенно заполнял пространство ангара.

Кузнецов, загоняя стальной штырь в пазы ворот: Это их не удержит, только замедлит. Подготовь взрывчатку на вход, если прорвутся – дай им прикурить.

Гул поезда доносился сквозь пелену дождя и грохот артиллерии Южного Альянса. Это был грузовой состав, идущий по выделенной ветке прямиком к логистическому узлу аэропорта. Последний шанс Смита вывезти ценные грузы – и последний шанс Виктора исчезнуть.

Уильямс: Давай, Вик! На платформу! Это автономный тепловоз, у нас будет время запрыгнуть на него.

Они выскочили на открытый участок перед путями. В ту же секунду с вышки безопасности ударил крупнокалиберный пулемёт. Трассеры прошивали темноту, выбивая искры из рельсов.

Виктор перекатился за бетонный остов какого-то здания и открыл ответный огонь, подавляя пулемётчика: Прикрой!

Уильямс рванул к поезду. Он уже схватился за поручень открытой платформы, когда вторая пулемётная очередь полоснула по насыпи. Джон вскрикнул, его нога подкосилась, но он удержался, волочась за набирающим скорость вагоном.

Виктор бросился следом. Он прыгнул, вцепившись в скользкое железо рядом с Уильямсом.

Кузнецов протянул ладонь, пытаясь затащить напарника на платформу: Джон, руку! Подтягивайся!

Но Уильямс не протянул руку в ответ. Он прижался спиной к борту вагона, и Виктор увидел, как по его серой робе расползается огромное тёмное пятно. Пуля прошла через живот, задев позвоночник.

Уильямс: Не… не выйдет, Вик.

Его лицо в свете пожаров казалось восковым.

Уильямс: Я – балласт. Они сейчас отсекут состав… Если я останусь на платформе, они расстреляют весь вагон из гранатомётов.

Сзади, на путях, показались фары джипов «Шторма». Они неслись за поездом, готовясь открыть огонь по беглецам.

Виктор попытался схватить его за воротник, но Уильямс резко оттолкнул его руку: Джон, не дури!

Уильямс: Давай, Вик, время свести счёты! Ты вытащил меня из того ада на Донбассе в четырнадцатом… сегодня я возвращаю должок. Уходи!

Джон слабо улыбнулся, и изо рта у него толчком пошла кровь.

Уильямс: Дай мне… хоть раз… сделать всё правильно. Найди Крота. За твоих парней. За нас обоих. Закончи начатое, раздай Смиту по заслугам!

В голове Кузнецова вспыхивает Прага. Холодный бетон, свист пуль и он сам, закрывающий отход своим пацанам, чтобы они жили. Теперь всё повторяется, только на месте Виктора – американец, ставший братом по оружию.

Кузнецов: Джон…

Уильямс нажал на рычаг расцепки. С резким металлическим лязгом платформа с Виктором начала отдаляться от остального состава, набирая инерцию, а Джон остался на путях, прямо перед налетающими джипами.

Последнее, что увидел Виктор сквозь пелену дождя – это как Джон Уильямс, преданный всеми, кроме русского офицера, поднялся на колено и вскинул автомат, принимая свой последний бой на этой земле.

Вспышка взрыва (Джон подорвал себя вместе с преследователями) на мгновение озарила ночной лес. А потом остался только стук колес.

Виктор лежал на холодном металле платформы, глядя в чёрное небо. Поезд увозил его к аэропорту.

Кузнецов прошептал: Прощай, Джон…

Поезд понёсся сквозь затопленные леса Луизианы. Грохот колёс перекрыл шум ливня. Вдалеке огни ИТЛ превращались в тусклые точки. Виктор лежал на мокром угле, тяжело дыша, его пальцы до боли сжимают цевьё автомата.

Кузнецов прошептал самому себе: Тишина… Слышишь, Джон? Они думают, что нас больше нет.

Виктор осторожно приподнимает голову, осматривая состав. Вагоны забиты грузом «Шторма» – ящики, оборудование,

боеприпасы. Охраны на крышах нет – на такой скорости и в такой шторм наёмники предпочли остаться внутри.

Виктор проверил рацию, она молчит.

Кузнецов: Канал забит статикой. Хорошо… Пусть думают, что сектор зачищен.

Он медленно переместился к люку, ведущему в кабину или в первый вагон. Движения точные, экономные. Каждая секунда – это борьба с ветром и тряской.

Кузнецов: Ты вернул долг, Джон. Теперь моя очередь. Смит ждёт этот груз… Но он не ждёт меня.

* * *

Поезд замедляет ход, лязгая тормозами. Впереди – залитые светом прожекторов взлётно-посадочные полосы и грузовые ангары. Слышен нарастающий гул авиационных двигателей. Дождь превратился в вязкий туман.

Кузнецов прошептал в тени ящиков: Тормозят…

Стали слышны голоса наёмников в соседнем вагоне. Лязг открываемых дверей.

Наёмник «Шторма» снаружи крикнул своим: Второй взвод, на разгрузку! Шевелитесь, Смит ждёт этот борт!

Кузнецов произнёс про себя: Давайте… ищите меня там, где меня нет.

Виктор не пошёл к дверям. Он нашёл технологический люк в полу вагона или дождался, пока состав полностью остановится, и бесшумно скатился под вагон, в маслянистую тьму путей.

Кузнецов вжался в щебень, пока над ним проходили ноги бойцов: Пятеро справа… двое на вышке… один патруль с собакой.

Он выжидал, пока патруль пройдёт мимо. Его движения медленные, как у рептилии. Он уходит в тень под складские контейнеры.

Поезд замер у платформы. Наёмники «Шторма» заняты разгрузкой в пятидесяти метрах впереди. Виктор, как тень, скользит в глубокой нише между штабелями пустых паллет. Воздух пахнет керосином и мокрым бетоном.

Кузнецов прошептал его дыхание стало ровным: Пустой... Ножа нет, ствол светить нельзя. Ладно. Вспомним базу.

Одиночный часовой в тяжёлом тактическом обвесе отходит от группы, чтобы проверить угол за ангаром. Он шёл лениво, поправляя ремень винтовки. Он не ждал угрозы внутри охраняемого периметра.

Кузнецов замер, сливаясь с тенью контейнера: Ближе... ещё шаг.

Наёмник заходит в слепую зону камер. Виктор сделал резкий, бесшумный выпад из темноты. Одна рука жёстко фиксирует подбородок врага, вторая – затылок. Резкий, короткий рывок всем телом. Сухой хруст позвонков утонул в шуме дождя. Тело наёмника обмякает, Виктор подхватывает его, не давая снаряжению звякнуть о бетон.

Кузнецов, опуская тело на землю: Спи, «инструмент».

Виктор быстро осматрел экипировку убитого. Его пальцы легли на рукоять тактического ножа в пластиковых ножнах на разгрузке.

Кузнецов вынул нож, проверив баланс: Сталь хорошая. Американская. Послужит правому делу.

Он убирал нож в ножны на своём поясе и подобрал рацию наёмника, приглушая звук до минимума.

Взгляд Кузнецова устремился в сторону взлётной полосы, где стоял самолёт Смита: Нож есть. Теперь мне нужен план, как добраться до борта.

Виктор прижался спиной к холодному борту погрузчика. В правой руке – трофейный нож «Шторма», матовая чёрная сталь не даёт бликов. Его ладонь чувствовала каждую зазубрину на рукояти.

Виктор считал фонари патрульных: Один… Второй… Третий…

Бойцы «Шторма» шли профессионально: не кучковались, перекрывали сектора. Но дождь играл за Виктора. Шум воды по металлу скрывал звук его шагов.

Один из наёмников отошёл чуть в сторону, к штабелю ящиков, чтобы проверить периметр. Он был в полном обвесе: ПНВ, модульный бронник, в руках – короткий карабин.

Виктор скользнул за ним как тень. Никаких лишних движений. Он не прыгал и не делал трюков из кино.

Левая рука Виктора мгновенно накрыла рот наёмника, прижимая голову к своему плечу, а правая – вогнала нож точно под основание черепа, туда, где кончается шлем.

Короткая судорога. Виктор аккуратно опустил обмякшее тело в тень, придерживая его, чтобы снаряжение не лязгнуло о бетон.

Кузнецов: Минус один. До люка сорок метров.

Виктор перемещался короткими рывками. От тени к тени. От контейнера к колесу заправщика.

Впереди, у самой рампы транспортника, стояли двое. Они переговаривались по рации. Виктор видел, как свет от прожекторов отражается в их тактических очках.

В голове Виктора мелькнуло: Джон должен был отвлечь их, но Джона уже нет. Теперь только я. Только этот нож и эти тени. Джон, друг… я сделаю это за нас обоих.

Но Джон не смог быть рядом. Виктор подобрал с земли тяжёлую гайку. Бросок – звонкий удар о пустой бак в десяти метрах левее.

Оба бойца «Шторма» синхронно повернули головы на звук. Один двинулся проверить.

Это был шанс.

Виктор рванул к оставшемуся. Расстояние в пять метров он преодолел за секунду. Наёмник только начал разворачиваться, когда лезвие ножа вошло ему под ребра, пробивая кевлар на стыке пластин. Виктор провернул рукоять, обрывая крик.

Второй наёмник обернулся слишком поздно. Виктор не стал ждать. Он не «крался», он атаковал как волк – мощно и необратимо. Сбив врага с ног своим весом, он впечатал его затылком в бетонную полосу и завершил дело одним точным ударом.

Виктор, забившись между двумя армейскими ящиками, почувствовал, как мощная вибрация пробежала по металлическому полу. Рёв двигателей нарастал, заглушая шум дождя и крики людей снаружи. Самолёт начал набирать скорость, и его вдавило в пол. Ящики, до этого стоявшие ровно, с грохотом тронулись с места, скользя по бетонному покрытию. Один из них, с угловатой крышкой, ударил Виктора по боку, там, где он уже чувствовал старую рану.

Кузнецов прохрипел он, стараясь сгруппироваться: Твою мать…

Боль была острой, но терпимой. Он не стал останавливаться, чтобы проверить, сломано ли ребро. В его мире не было места паузам. Он просто сжал зубы и проанализировал: первое, что нужно сделать, – это обеспечить себе место для манёвра. Он оттолкнулся от ящика и, пока тот снова не сместился, перебрался в более узкий проём между ним и переборкой. Там было тесно, но безопасно.

Гул самолёта стал ровнее, перейдя в постоянный рёв. Стало ощутимо холоднее – на высоте ten thousand (10 000) метров, как передавал диктор сообщений, на борту в грузовом отсеке старого транспортника температура падала стремительно. Изморозь начала покрывать металл. Виктор плотнее

запахнул куртку, спрятав в неё подбородок. Он прислушался к звукам: рёв двигателей, гул ветра, редкие щелчки ремней крепления. Никаких признаков, что кто-то ищет его. Пока.

Восемь часов. Столько предстояло лететь. Восемь часов в этой ледяной коробке, с болью в боку, но с ясностью в голове. Его задача – добраться до Калининграда. Его цель – найти тех, кто отдал приказ о взрыве на Куршской косе. И его главная мысль была не о смерти, а о следующей цели: как незаметно покинуть самолёт, когда он сядет, и где искать следы этих людей.

* * *

Самолёт резко клюнул носом, и Виктора ощутимо встряхнуло. Мощный толчок, визг шасси, и вот уже гул двигателей постепенно стихает, переходя в тяжёлый низкий рокот. Самолёт дрожал, медленно катясь по бетонке. Виктор выждал несколько секунд, прислушиваясь. Звуки разгрузки, голоса людей снаружи – пока не его забота.

Его первой мыслью было не оглядеться, а проверить свой бок. Боль стала ноющей, тупой, но постоянной. Виктор осторожно прощупал рёбра сквозь одежду. Сильный ушиб, возможно, трещина. Но не проникающее, не то, что остановит.

Он начал искать. Не торопясь, но целеустремлённо. Рюкзак, который он успел перехватить у убитого «штурмовика», был его единственной надеждой. В нём могло быть что угодно: аптечка, сухой паёк, боекомплект.

Виктор прошептал самому себе, его голос потерялся в гуле стихающих двигателей: Нужна быстрая перевязка, его голос потерялся в гуле стихающих двигателей. Он достал из рюкзака индивидуальный перевязочный пакет, стараясь не шуметь. Изоляция, стерильность... Ладно, хоть что-то.

Он быстро расстегнул куртку, обнажая побагровевший участок кожи на боку. Сквозь боль он сосредоточился на движении. Туго натянул эластичный бинт вокруг груди, зафиксировав повреждённое место.

Виктор пробормотал, плотно затягивая бинт: Вдруг чего, доберусь до своих, а там уже посмотрят что это. Надеюсь, обычный ушиб. Плюс ещё холод в отсеке как раз то, что нужно в такой ситуации. Сузит сосуды, притупит воспаление. Небольшой бонус от их же ледяного самолёта.

Он застегнул куртку, спрятав перевязку. Теперь он был готов. Физически – хромающая машина, но ментально – острый клинок, направленный в самое сердце врага. Самолёт остановился. Стук гидравлики, скрежет металла. Пришло время выходить.

Глава 8: По следам

Гидравлика рампы взвизгнула последний раз и затихла. В образовавшуюся щель ворвался ледяной воздух, пахнущий солью и дождём. Виктор выждал, пока двое техников в жёлтых жилетах отойдут к тягачу, и скользнул наружу. Ноги коснулись мокрого бетона. Бок отозвался тупой, пульсирующей болью, но бинт держал крепко.

Он замер под огромным брюхом транспортника, сливаясь с густой тенью шасси. В паре сотен метров ярко светились окна терминала. У входа действительно стояли те самые четырёхколёсные «немцы» – чёрные, хищные, неуместные здесь. Чиновники и верхушка «Шторма» чувствовали себя хозяевами жизни.

Кузнецов прошептал, поправляя воротник: Пока празднуйте, лицемеры. Пока можно.

Виктор двигался по внешней кромке освещённых зон. Он использовал штабели пустых поддонов и ряды заправочных агрегатов как естественное укрытие. Взгляд постоянно сканировал вышки: там сидели снайперы, но дождь и туман, накрывший аэродром, были на стороне волка.

Он обошёл основной КПП по широкой дуге, направляясь к техническому ограждению. Здесь, в пятистах метрах от терминала, забор из сетки-рабицы уходил в сторону густого сосняка. Это был его выход.

Достав нож, Виктор быстро и бесшумно перекусил проволоку у самого основания земли. Протиснулся под сетку, чувствуя, как мокрая трава холодит лицо. Секунда – и он на той стороне. Режимная зона осталась позади.

Он поднялся на ноги уже в лесу. Сосны качались под порывами ветра, скрывая шум его шагов. Впереди, за лесополосой, виднелись огни старого военного городка. Там, в бетонном чреве бывшего штаба Балтийского флота, сейчас заперся Беляев. Когда-то здесь ковалась мощь великой страны, теперь же здесь заперлась гниль. Виктор знал это здание как свои пять пальцев – когда-то он сам проводил там брифинги. Он остановился у края просеки.

Кузнецов проверил рукоять ножа и поправил лямку рюкзака: Штаб. Место, где всё началось два месяца назад. Место, где Крот решил, что он бог.

Боль в ребре стала привычной, почти родной. Она не мешала. Она напоминала, ради чего он здесь.

Балтийская ночь не прощала слабости. Ледяной ветер с залива прошивал насквозь, неся с собой запах йода, прелой хвои и дизельного топлива. Виктор шёл через густой сосняк, стараясь наступать на мох, чтобы скрадывать звуки шагов. Каждый вдох отдавался в боку тупой, привычной болью, но тугая повязка держала рёбра, не давая им «гулять».

Окна верхнего этажа горели мягким, тёплым светом. Там, за бронированным стеклом, наверняка пили дорогой коньяк и обсуждали «геополитические манёвры» те, кто двумя месяцами ранее превратил Куршскую косу в радиоактивный пепел.

Виктор достал старенький бинокль, вытирая линзы краем шарфа. В окулярах проплыли фигуры часовых в обвесе «Шторма». Они ходили вальяжно, уверенные в своей безнаказанности. В их мире Виктор Кузнецов давно был мёртв.

Виктор подумал, чувствуя, как по венам разливается холодная, расчётливая ярость: Зря вы не проверили списки выживших. Зря вы думали, что океан – это стена.

Он видел штабные «Гелендвагены», припаркованные у входа. Видел, как охрана почтительно вытягивается перед каждым «пиджаком», выходящим покурить на крыльцо. Эти люди кричали о защите Родины, но их Родина заканчивалась там, где начинался их личный банковский счёт.

Беляев должен быть где-то там. Внутри. Возможно, прямо сейчас он дописывал очередной отчёт Смиту, потирая руки от осознания собственной значимости. Крот, который ослеп от жадности.

Виктор убрал бинокль и проверил нож. Пора было выходить на след. Он знал этот бункер: вентиляционные шахты, дренажные каналы, старые кабельные вводы – всё то, что не учитывают штабные крысы, привыкшие к парадным входам.

Кузнецов негромко произнёс в пустоту леса: Пришло время платить по заслугам.

Шагнув из тени сосен на открытый бетон, Виктор начал свой путь к финалу. Охота на Крота официально была открыта.

Кузнецов всё метался в своих мыслях: Я гнил в Луизиане два месяца, пока вы здесь торговали костями моих парней. «Третья сила»… Как удобно. Не надо стрелять, когда можно просто купить. Смит не захватывал этот штаб. Он его арендовал вместе с потрохами.

Он видит, как наёмник «Шторма» – один из тех, кто, возможно, добивал раненых на Косе – галантно прикуривает нашему офицеру. Тот улыбается в ответ. Лицемерие этого момента настолько густое, что его можно резать ножом.

Они стёрли ваши жизни из отчётов, чтобы не портить статистику «мирного сотрудничества. Они продали вашу память за спокойные ночи и счета в западных банках. «Третья сила». Спасители. Твари…

Злость Виктора заставляет его говорить всё громче: Я здесь. Я – тот отчёт, который вы не смогли уничтожить. Я – та память, которую вы не сможете купить. Смейтесь. Пейте. Пока можете. Потому что призраки не прощают. И призраки всегда приходят за долгами.

Виктор не стал стучать. Он вошёл через боковую дверь для ординарцев, бесшумно нейтрализовав двоих охранников «Шторма» в коридоре. Когда Подполковник поднял глаза, он увидел перед собой призрака: грязного, в окровавленном бинте через плечо, с холодными глазами человека, который только что вернулся с того света. Виктор Кузнецов, в помятой, грязной форме, с лицом, серым от усталости, но с глазами, в которых горит холодный огонь.

Дежурный офицер уронил папку: Капитан… Кузнецов? Ты же… Ты же в списках…

Виктор игнорирует его, идёт прямиком к оперативному столу: Где генерал Синицын? Докладывайте ситуацию. Быстро.

Офицер ГРУ: Капитан, случилось страшное. На Косе… там был прорыв. Мы получили данные, что НАТО готовит танковый клин, который отрежет область. Синицын и его люди были на острие. Связь пропала. Нам доложили, что рубеж прорван.

Виктор прорычал сквозь зубы: И что вы сделали?

Офицер ГРУ начал отводить глаза: Это была «крайняя мера». Нам отдали приказ и детонатор. Сказали, что это единственный способ создать зону отчуждения и остановить вторжение. Офицеры связи подтвердили координаты… Взрыв уничтожил и сектор прорыва, и завод «Восхождение». Генерал Синицын… он был в зоне поражения. Все погибли, Виктор.

Голос Виктора звучит тихо, но от него веет могильным холодом: Значит, вы просто стёрли их. Своих же мужиков. Чтобы «создать серую зону».

Офицер ГРУ: Мы спасали область! Бой координировался данными со спутников…

Виктор резко сокращает дистанцию, хватая полковника за китель: Я спрашиваю – КТО? Кто отдал приказ о подрыве? Кто принёс детонатор в этот зал?

Офицер ГРУ дрожащим голосом: Беляев… Он сказал, что это прямое распоряжение сверху… Он лично контролировал передачу кодов. Он был здесь. Он принёс распоряжение, показал спутниковые снимки: клинья «Абрамсов» уже пересекали границу. Он кричал, что если мы не создадим барьер сейчас, через час НАТО будет в Калининграде. Он сам вложил детонатор в руки связистам. Обманул их, как пацанов… сказал, что это – единственный путь.

Виктор стоит неподвижно. В его голове складывается пазл. Беляев не сам нажал на кнопку – он заставил штабных офицеров сделать это, запугав их вторжением. Смит тем временем уже «продал» эту версию наверх как отвлекающий манёвр, чтобы не начинать полномасштабную ядерную войну с НАТО.

Виктор начал оглядываться по сторонам: Где он? Где Беляев?

Подполковник: Ушёл. Сказал, что летит на срочный доклад в Москву, в Генштаб. Но связи с бортом нет. Он просто испарился.

Виктор смеётся страшным, сухим смехом: В Москву… Он ушёл к своим. Смит только и ждал этого, это событие входило в его план, мне он сам рассказал о нём, пока я был в ИТЛ.

Офицер ГРУ впал в недоумение: Смит? При чём тут американская ЧВК? Они же выступили гарантами мира… Смит уже дал интервью, что это он уговорил своих не отвечать на «трагическую ошибку русских». Мир верит ему, Виктор! Даже наши наверху верят, что мы чудом избежали войны!

Виктор сорвал карту со стены: Мир живёт во лжи. Синицына убили не враги. Его убил крот, который сидел в этом самом

кресле. Я отправлял вам досье на Смита из Чехии. Я передавал данные о его ЧВК «Storm». Вы знали, кто такой Смит. Вы знали, что он готовит провокацию. Какого чёрта его люди всё хозяйничают на нашей земле?!

Подполковник ГРУ бледнеет, глядя на папку: Кузнецов... Мы получили твои документы. Но Беляев... он заблокировал их прохождение. Он убедил руководство, что твои данные – это дезинформация, попытка НАТО подставить частного подрядчика. Он представил Смита как нейтральную сторону, которая поможет сдержать конфликт.

Виктор бьёт ладонью по столу так, что подпрыгивают мониторы: Нейтральную сторону?! Эта «сторона» сожгла Синицына и весь его отряд! Я видел вспышку по мониторам, мне их лично показывал американец! Я знаю, что 2 месяца назад в 17:00 Смит получил то, что хотел – мёртвую зону, скрывающую его заводы, и уничтоженного русского генерала, который слишком много знал!

Подполковник трясущимися руками поправил очки: Беляев координировал всё... Он пришёл в зал за несколько минут до удара. Он кричал, что НАТО уже пересекло черту. Он показал подтверждённые коды... Мы думали, это приказ из Москвы. Он лично контролировал офицеров на пульте. А когда облако поднялось... он просто ушёл. Сказал, что миссия выполнена.

Виктор: И где его теперь искать?

Подполковник: Он исчез. Мы пытались отследить его борт, но он ушёл в «серую зону» сразу после взлёта. В штабе паника, Виктор. Все понимают, что нас подставили, некоторые, что ещё хуже уже дружат с наёмниками, но Смит уже выступил в эфире. Он выставил нас агрессорами, а себя – миротворцем. Если мы сейчас официально признаем, что это был предатель внутри ГРУ, нас порвут на части.

Виктор посмотрел на подполковника с бесконечным презрением: Значит, вы будете молчать. Снова. Будете жевать сопли, пока Беляев докладывает Смиту об успехе.

Подполковник: Что ты собираешься делать? Тебя официально нет в живых, Виктор. Если ты сейчас начнёшь стрельбу, мы не сможем тебя защитить.

Виктор забирает свой нож со стола и направляется к выходу: Мне не нужна ваша защита. Мне нужны координаты последнего сигнала вертолёта Беляева. Вы позволили ему убить Синицына. Я не позволю ему дожить до рассвета.

Голос Виктора был низким, но каждое слово – как удар: Вам нужна правда, подполковник? Вам нужен тот, кто не даст им переписать историю? Дайте мне рацию. Мне нужно связаться с группой ССО «Альфа». Желательно с полковником Нестеровым. На крайний случай – с майором Зубовым.

Полковник ГРУ дрожащими руками достает из сейфа защищённый терминал связи: Нестеров... он на фронте. В самой жопе, Виктор. Его отряд вывели с сектора, где прошёл удар. Они там не успели даже отчитаться... И я не уверен, что их канал сейчас работает. Зубов... Майор Зубов выведен из оперативной группы. Он в отпуске после... после твоей похоронки, Кузнецов. Сказал, что ему нужно время.

Виктор сжал зубы: Ясно. Значит, Беляев зачистил все хвосты.

Он протягивает руку: Дайте терминал. Я попробую выйти на Зубова. Он единственный, кто не поверит в эту чушь про «трагическую ошибку».

Полковник, под тяжёлым взглядом Кузнецова, передаёт ему терминал. Виктор быстро набирает код. Длинные гудки. Наконец, в динамике раздаётся хриплый голос Зубова.

Майор явно был напряжён: Кто это? Я же сказал, я никого не принимаю!

Виктор прижимает терминал к уху. Его голос снова звучит ровно, но в нём слышна сталь: Майор. Это Кузнецов.

На другом конце линии – оглушительная тишина. Затем слышится, как что-то падает, и тяжёлое дыхание.

Зубов шепчет, потрясенно: Виктор... Ты... Ты жив?

Виктор закрывает глаза, вдыхает, стараясь успокоиться: Я здесь, Майор. И я только что выяснил, что это именно Беляев стоит за Синицыным и Косой. Это не была «трагическая ошибка». Это был приказ.

Голос Зубова превращается в рычание: Я знал! Я знал, что это он мутит воду! Когда я получил похоронку на тебя, я пытался достучаться до командования... Они меня отстранили. Сказали, что у меня нервный срыв. Где ты, Виктор? Что случилось?

Виктор: Беляев ушёл на вертолёте сразу после взрыва. Смит – его партнёр. Все ваши данные о нём были заблокированы. Сейчас его ищут как «исчезнувшего». Но я знаю, что он сейчас где-то здесь, в Калининградской области. Он ждёт эвакуации или встречи. Мне нужны его последние координаты. Его вертолёт не мог улететь далеко в эту погоду.

Зубов: Понял. Дай мне десять минут. У меня здесь есть кое-какие старые связисты, которых Беляев не успел перевести. Если его вертолёт хоть раз вышел в эфир... Я найду его след.

Виктор передаёт терминал полковнику, который слушал разговор с широко раскрытыми глазами: Слышали? Теперь у нас есть след.

Подполковник: Виктор... Что нам делать? Мы же...

Кузнецов прерывает его, его взгляд твёрд как сталь: Вы прикрываете штаб, полковник. А я найду того, кто отдал приказ.

Боль снова дала о себе знать.

Подполковник: Вам вызвать медика, товарищ капитан?

Кузнецов прохрипел сквозь боль: Да, не помешает...

* * *

Виктор выходит из штаба, уже залеченный и в чистой форме. Ему повезло получить сильный ушиб, знания первой помощи

помогли избежать серьёзных последствий от травм. Дождь все ещё льёт. Но теперь он не один. У него есть надежда и надёжный союзник на другом конце линии. Он чувствовал на себе тяжесть взгляда офицеров, наблюдающих из окон. Для них он – оживший кошмар, который принёс с собой правду, которую они так отчаянно пытались игнорировать. Виктор оглядывает территорию. Дождь смывает следы, но не ту боль, что он чувствует. Он ждёт нового звонка Зубова. Ждёт своей очереди забрать долг. Начинается охота.

Немного погодя телефон снова зазвонил, и Виктор взял трубку.

Зубов: Витя, мои источники перехватили сигналы, которые связаны с Беляевым и заодно сверили их с другими за последние два месяца. Это он. Эта крыса сбежала в Берлин. Крот на конспиративной квартире. Там штаб группы армий «Центр» НАТО. Это самая охраняемая зона в Европе. ПВО, спутники, «Шторм» на каждом углу.

В разговор включился Нестеров. Его голос был сухим и резким, как выстрел.

Нестеров: Кузнецов. Рад слышать.

Кузнецов: Здравия желаю, товарищ полковник. И я вас.

Нестеров: Зубов уже доложил о ситуации. Если Беляев в Берлине – он везёт Смиту наши коды дешифровки и планы обороны Балтийского флота. Если они попадут к аналитикам НАТО, мы потеряем регион за сутки.

Виктор сжимает микрофон: Именно поэтому я иду за ним. Мне плевать, сколько там дивизий НАТО. Беляев не должен донести портфель.

Нестеров: Это билет в один конец, Виктор, всем нам. Берлин переведён на осадное положение. Наши ракеты туда пока не дотягиваются – ПВО противника слишком плотное. Ладно, мы тебя встретим в аэропорту Храброво. Детали обсудим при встрече. Связь передаю Зубову, отбой.

Кузнецов: Так точно.

* * *

Виктор прибыл в аэропорт.

Он шёл к самолету, на ходу проверяя снаряжение. Бок ныл под тугой повязкой, но холодный воздух действовал как анестетик. Он видел Зубова ещё издалека. Майор Зубов стоял у рампы транспортника, окружённый своими командирами. Патчи с черепами на их плечах тускло поблескивали в свете прожекторов.

Первым навстречу вышел Старлей Токарев. Его пятидесятилетнее лицо, иссеченное морщинами и гарью, расплылось в суровой, почти отеческой улыбке. Он поправил на плече свой верный пулемёт «Печенег», который ласково называл «инструментом».

Токарев прохрипел, крепко обнимая Виктора Живой, Витя... А я Серёге говорил: наш Капитан в Атлантике не утонет. Он скорее океан заставит расступиться.

Следом шёл Лейтенант Сергей Летягин. Он уже успел раздобыть где-то новенький ремкомплект и возился с планшетом, на ходу проверяя состояние техники. Его руки были по локоть в мазуте, но глаза горели азартом – лучший механик группы уже готовил «колёса» для Берлина.

Рядовой Соболь, самый молодой, но уже пересмотревший в глаза смерти, просто кивнул Виктору, сжимая свой АК. В этом молчаливом жесте было больше преданности, чем в любых клятвах.

В этот момент из тени Ил-76 вышел Майор Зубов. Его патч ЧВК тускло блеснул.

Зубов: Капитан, твои орлы уже у меня на довольствии. Летягин подготовил бронеавтомобили, Соболь забил БК под завязку. «Тень» дал добро: твоя группа – остриё копья. Мои «Призраки» идут вторым эшелоном.

Кузнецов, поворачиваясь к Зубову: Петрович, ты же знаешь: я без своих пацанов ни в один ад не пойду.

Зубов усмехнулся: Знаю. Поэтому мы и летим вместе чтоб не упустить эту крысу.

Токарев, похлопав по коробу пулемета: Не переживай, командир. Мы прикроем. Пока ты будешь вскрывать дверь Беляеву, мы устроим НАТОвцам такую дискотеку, что Берлин зашатается.

Летягин: Я настроил защищённую связь, Капитан. Будем на одном канале. Как только Ил-76 коснётся полосы – мы будем в десяти минутах за тобой.

Зубов: Кстати, Витя, ты долго возился в штабе. Время уходит.

Виктор, останавливаясь рядом: Чинуши долго прозревали, Петрович. Но мозги я им вправил. Теперь Калининград снова наш.

Зубов взглянул на часы: «Борты» взлетают сразу. Идём плотной группой под прикрытием РЭБ. Десантируемся в «слепой зоне» под Потсдамом. Мои парни уже знают задачу: блокируем правительственный квартал и режем связь «Шторма». Твоя «Альфа» идёт точечно на объект «Берлин-Центр».

Виктор, проверяя магазин автомата: Беляев думает, что он под защитой ПВО НАТО. Он не ждёт, что мы ударим всей мощью «Оркестра» и ССО прямо в сердце его конуры.

Зубов впервые за вечер скупо усмехнулся: Он забыл, кто его учил. Мы идём забирать своё, Витя. В Берлине сейчас будет жарко, как в аду, но нам не привыкать. «Призраки» обеспечат тебе коридор до самого кабинета Смита.

Виктор, глядя на своих парней: Рад вас видеть в строю. Токарев, Летягин, Соболь... Мы идём в Берлин. Прямо сейчас.

Полковник решил поговорить. Его голос надломился, он стоял, но не подошёл, словно боялся, что это видение исчезнет: Витя... Я не смог. Туда должен был спрыгнуть я, а не ты. Я должен был остаться там, на бетоне.

Виктор медленно подошёл. Каждый его шаг отдавался эхом. Он остановился напротив полковника, и в тусклом свете уличных фонарей его лицо казалось высеченным из камня.

Виктор сказал негромко, но твёрдо: Ты всё сделал правильно, оставшись на земле, вы бы все погибли. И генерал, и группа. Ты молодец, полковник. Я всё слышал через гарнитуру… Слышал Зубова. Ты не дал ему позволить пилотам приземлиться. Ты спас отряд.

Полковник опустил голову, его плечи, всегда идеально ровные, сейчас поникли под тяжестью невидимого груза.

Нестеров: Мы тебя оставили там, Виктор… Мы просто закрыли аппарель и ушли в небо, пока тебя втаптывали в грязь. Это не стирается из памяти. Я каждое утро просыпаюсь с этим звуком закрывающегося люка.

Виктор шагнул ближе и посмотрел Нестерову прямо в глаза. В этом взгляде не было ни капли упрека, только холодная правда воина: Нет. Это не вы меня оставили. Это я позволил вам улететь. Это был мой выбор, мой приказ самому себе. Ты просто выполнил свою часть дела – доставил их домой.

Нестеров посмотрел на него и увидел не просто вернувшегося капитана, а человека, который перерос саму смерть. В этот момент полковник почувствовал ту самую пустоту. Он понял, что Виктор – это и есть та самая совесть, которую он так боится потерять.

Зубов резко вмешался: Да брось, Лёха, ты всё правильно сделал тогда, не переживай зря, наш Витя точно не пропадёт.

Кузнецов: Правда, Нестеров, я живой, выбрался, всё уже позади.

Нестеров: Да… Но только Синицына зря спасли видать. Крот должен ответить за всё. Он предал структуру, которая защищает нашу с вами Родину. Время свести счёты.

Зубов: А за это, крот поплатится сто процентов.

Нестеров: Я буду координировать операцию.

Кузнецов: Да начнётся охота! Вы со мной?!

Бойцы из разных подразделений, но скованных одной целью воодушевлённо крикнули: За Родину!

Майор протянул Капитану тяжёлую гарнитуру закрытой связи: Частота «Волк-1». Если зажмут – дай знать, мы разнесём этот квартал в щебень, но тебя вытащим. Работаем, Капитан.

Виктор, принимая гарнитуру: Работаем, Петрович. До встречи в Берлине.

Виктор развернулся и зашагал к лестнице Ил-76. Рёв двигателей стал невыносимым, заглушая все остальные звуки. Пилот в кабине дал отмашку. Через минуту Капитан Кузнецов уже был в кресле, а ещё через две – тяжёлая машина, полная ракет и ярости, оторвалась от полосы, уходя на запад.

Следом за ним, один за другим, начали взлетать транспортники с «Призраками». Охота на Крота переросла в Штурм Берлина.

* * *

Небо над Балтикой было затянуто свинцовыми тучами, но на высоте десяти тысяч метров Ил-76 шёл над этим серым океаном, как сверкающий клинок. В кабине пахло разогретой электроникой и кислородом. Виктор, затянутый в высотный комбинезон, чувствовал каждое движение машины. Пилот «семьдесят шестёрки» молчал – в эфире соблюдалась полная тишина.

Виктор проверил планшет на колене. Координаты цели: Берлин, район Панков. Конспиративная квартира «Шторма». Беляев думал, что затеряется в многомиллионном мегаполисе, превращённом в прифронтовую крепость. Но Полковник Нестеров из штаба в Калининграде уже «подсветил» эту крысу через свои каналы.

Виктор подумал, сжимая рукоять автомата, лежащего рядом: Панков. Обычная пятиэтажка в тихом квартале. Беляев, ты всегда любил комфорт за чужой счёт.

Где-то позади, скрытые облаками и системами РЭБ, летели остальные транспортники. Там был Майор Зубов и его «Призраки». Виктор знал, что Зубов сейчас так же проверяет снаряжение, готовя своих парней к жёсткому десанту. Зубов не любил штабные игры Нестерова, но когда дело доходило до ликвидации предателей, они работали как единый механизм.

В наушниках щёлкнул шифр-канал:

Майор Зубов говорил сухим и спокойным голосом: «Волк», говорит «Призрак-главный». Подходим к зоне сброса. НАТОвские радары нас «щупают», но пока не видят. Как бок?

Виктор отозвался: Намного лучше, Майор, холод в отсеке помог. К бою готов.

Зубов: Принято, Капитан. Встречаемся в точке «Альт». Помни: Беляев – твоя цель. Мы берём на себя внешний периметр и патрули «Шторма». Нестеров передаёт, что у нас есть ровно тридцать минут до того, как ПВО Берлина сообразит, что происходит.

Виктор отрезал: Тридцать минут – это вечность.

Пилот Ил-76 тронул сектор газа. Машину тряхнуло, когда она пошла на снижение, пробивая слой облаков. Внизу, сквозь разрывы в тумане, начали мелькать огни пригородов Берлина. Город не спал – он ждал удара. Но он не ждал, что удар придёт не в виде баллистической ракеты, а в виде одного Капитана ССО и группы «Призраков» Майора Зубова, разъярённых, ведомых местью за предательство.

Виктор перевёл предохранитель в положение «Огонь»: Ну что, Беляев… Твоя конспирация закончилась. Я уже здесь.

Внутренности Ил-76 содрогались от рёва двигателей. В тусклом салоне вспыхнул багровый, как запекшаяся кровь, свет. Это был не просто сигнал – это была черта, за которой

кончалась относительная безопасность и начиналась зона смерти.

Виктор тяжело поднялся со скамьи. Вес снаряжения привычно придавил плечи: основной парашют, запаска, разгрузка, ПКП и верный нож. Каждый карабин, каждая стропа были проверены до автоматизма ещё на земле, но руки сами совершили финальный круг проверки. Лицо Виктора, скрытое маской, не выражало ничего – только холодный расчёт в глазах. Он обернулся. За ним, в два ряда, сидели те, кто прошёл с ним через ад: бойцы его роты «Альфа» – угрюмые, монолитные профессионалы, и часть «Призраков» Зубова – тени, которые словно растворялись в полумраке салона.

Никто не говорил. На таких высотах слова не нужны. Только короткие кивки и проверка соседского снаряжения. Зубов, сидевший напротив Виктора, коротко показал большой палец. Командир «Призраков» был спокоен, как скала.

Голос пилота в гарнитуре пробился сквозь гул: Информация подтверждена! Тысяча метров до точки высадки! Приготовиться!

Виктор встал. За ним, как единый механизм, поднялись остальные. Пятьдесят человек, превратившихся в одну живую машину смерти. Грохот гидравлики – и рампа Ила начала уходить вниз.

В салон ворвался ледяной хаос. Ночной Берлин внизу был скрыт плотной пеленой дождя и облаков, но Виктор знал – они прямо над целью. Рёв ветра заглушал всё, кроме бешеного стука сердца.

Красный свет мигнул и сменился на ядовито-зелёный.

Виктор скомандовал: Пошли! Пошли! Пошли!

Он первым шагнул в бездну. Секунда – и за ним из брюха самолёта посыпались чёрные тени. Один за другим, бойцы «Альфы» и «Призраки» ныряли в ревущую пустоту. С высоты

это выглядело бы как стая воронов, камнем падающих на добычу.

Свободное падение в сомкнутом строю. Виктор видел по сторонам силуэты своих парней – они держали дистанцию, превращаясь в невидимые для радаров точки. Ледяные капли дождя долбили по шлему, как дробь. Его сразу ударило стеной воздуха, выбивая дух, но тело послушно приняло позу стабилизации. Ил-76 мгновенно превратился в крошечную серую тень в небе и исчез. Теперь остался только свист ветра в ушах и стремительно приближающаяся земля.

Берлин рос на глазах. Из хаоса теней начали проступать контуры крыш, прямые линии улиц и мёртвые окна промзоны. Никаких огней – район Панков казался вымершим под ударами стихии. Виктор дёрнул кольцо на критической высоте, чтобы не светиться в небе лишние секунды.

Кузнецов скомандовал через ларингофон: Триста! Раскрытие!

Рывок. Хлопок раскрывающегося купола отозвался болью во всём теле, но через секунду воцарилась противоестественная тишина. Только шелест дождя по ткани парашюта. Виктор умело потянул за стропы, направляя себя в сторону темного двора-колодца, окружённого старыми домами.

Над Панковом один за другим бесшумно распустились чёрные купола парашютов. Никаких белых пятен – только спецткань, поглощающая свет.

Виктор коснулся крыши, ушёл в перекат и сразу вскинул АК. Из темноты, как привидения, к нему начали стягиваться бойцы. Зубов возник по правую руку, Токарев – по левую. Рота «Альфа» блокировала периметр, «Призраки» заняли позиции на точках обзора.

Тихий шелест схлопывающихся парашютов. Лязг отстёгиваемых карабинов. Десантирование было ювелирным. Бойцы сбросили свои купола и ждали общей готовности.

Район Панков замер. Конспиративная квартира Беляева была прямо перед ними – тёмная, сонная, ничего не подозревающая. В самом сердце вражеской территории.

Виктор поднял руку, сжав кулак, прошептал в эфир, так, что группа замерла: «Призраки» на позициях. «Альфа», за мной. Ищем цель. Предателя брать мёртвым. Мне нужно подтверждение, что эта гниль сдохла. Работаем!

Зубов: «Призрак-главный». «Призраки» обеспечивают прикрытие.

Токарев: Седьмой. Готов выдвигаться.

Охота началась.

Группы начали спуск. Виктор шёл по фасаду на тросе, плавно отталкиваясь от мокрого кирпича. ПНВ окрашивал мир в фосфорно-зелёный. Он видел, как «Альфа» уже блокирует подъезды, как снайперы Зубова замерли на чердаках напротив, взяв окна в перекрестия. Группа скользнула вниз по тросам. Виктор шёл первым. Ботинки бесшумно коснулись карниза. Он заглянул в мутное стекло. Внутри, в захламлённой комнате, горела одна лампа. У стола, спиной к окну, сидел человек в накинутой на плечи куртке. Беляев. Он что-то быстро печатал на ноутбуке, не подозревая, что смерть уже смотрит ему в затылок.

Виктор выждал секунду. В наушнике щёлкнуло: «Группа 1 на входе».

Кузнецов поднял руку. Три пальца… два… один.

Взрывпакет на оконной раме вынес стекло внутрь вместе с рамой. Оглушительный хлопок, звон осколков – и Виктор влетел в комнату первым, перекатившись через обломки.

Беляев вскочил, опрокидывая стул, его лицо исказилось в диком ужасе. Он потянулся к кобуре на столе. Беляев хватает пистолет, его руки трясутся. Он наводит ствол туда, где только что была дверь. Но было поздно. Комнату мгновенно заполнили бойцы «Альфы». Красные точки лазерных целеуказателей сошлись на груди и лбу Крота, как

клеймо приговорённого. Беляев подскочил, его лицо в свете вспышек было белым, как мел. Он открыл рот, чтобы что-то крикнуть – оправдаться, попросить пощады или предложить сделку. Но он увидел глаза Виктора через стекло тактической маски. В этих глазах не было ни злости, ни прощения. Только пустота.

Виктор встал во весь рост, не опуская АК-12. В свете мигающей лампы его фигура казалась огромной и беспощадной.

Кузнецов: Вот мы и встретились, крот…

Беляев побелел. Пистолет в его руке мелко задрожал.

Голос Крота сорвался на хрип: В-Виктор?! Ты… Ты же мёртв! Тебя стёрли! Ты был в списках погибших при нападении Южан на ИТЛ в Луизиане! Я сам видел отчёт «Шторма»! Там не осталось ничего живого!

Виктор сделал шаг вперед. Его походка была пугающе спокойной, уверенной. Он не злился.

Кузнецов был судьей: Отчёты врут, Беляев. Бумага стерпит всё. Но Честь не горит в ИТЛ и не тонет в луизианских болотах. Мы пришли закрыть списки.

Беляев прошептал: Это невозможно… Смит сказал… Система сказала…

Виктор отрезал: Твоя Система – это ложь, а наша обязанность – защищать людей от таких, как ты. Даже если для этого нам приходится возвращаться с того света.

Снаружи, в прицеле снайпера, голова Беляева была обведена чётким тепловым контуром.

Боец Вагнер в рацию: «Призрак-3» – «Альфе». Цель на мушке. Жду команду на ликвидацию.

Виктор посмотрел в глаза Беляеву – в них была только серость и страх.

Кузнецов сказал в рацию: Не надо, мы сделаем это сами. Глаза в глаза.

Беляев захлёбывался соплями: Витя... я хотел как лучше... эта система... она бы нас всё равно списала... я просто...

Кузнецов спокойно, почти шепотом, от которого холод по коже произнёс: Ну, что, Беляев...

Виктор сплёвывает в сторону: Тьфу. Такую фамилию обосрал своими действиями...

Виктор делает шаг ближе, тени от его пацанов ложатся на скорченную фигуру крота.

Виктор: Думаешь, можно остановить бюрократию, предав свою страну? Ты не чиновников предал, падла. Ты предал меня.

Виктор обвел рукой своих пацанов. Соболь, Токарев, Летягин, Зубов, Черненко – они стояли как каменные изваяния, и их взгляды были тяжелее свинцовых пуль.

Кузнецов: Нет, Беляев. Ты предал каждого, кто здесь стоит. Ты продал наши жизни, когда я грыз землю в Луизиане. Когда мои парни кровь лили на линии фронта в это время. Ты продал тех, кто делил с тобой хлеб в окопах, а не тех, кто сидит в министерствах.

В квартире воцарилась тяжёлая, осязаемая тишина, которую нарушал лишь тихий шелест берлинского дождя за окном.

Беляев стоял, привалившись спиной к столу, на котором ещё горел монитор с его жалкими отчётами. Он пытался что-то лепетать про «высшие интересы» и «баланс сил», но Виктор смотрел сквозь него.

Голос Виктора был тихим, как шелест стали: Ты всё еще не понял, да? Ты думал, что торгуешь папками. Думал, что обманываешь генералов в штабах и министров в кабинетах. Ты думал, что предаёшь Систему.

Зубов стоял в тени, сжимая автомат.

В памяти Зубова всплыл 2014-й год. Разбитые терриконы, запах гари от горящих подсолнухов и чумазый паренёк с лихорадочно блестящими глазами, который прижимал к себе старый калаш так, будто это была его единственная связь с миром.

Тогда Зубов, ещё лейтенант, старый волк, ворчал на него: Слышь, малец, голову пригни, не лезь на рожон, Родина тебя не для этого растила…

А теперь… теперь этот «малец» стоял здесь, в центре Европы, в форме ССО. Широкие плечи, уверенная стойка, ни тени сомнения в движениях. Зубов видел, как Виктор, методично и ледяным тоном, вскрывал гнилую душу Беляева.

Зубов подумал с горькой гордостью: Он стал острее бритвы.

Виктор сделал шаг вперёд, и в тусклом свете его фигура казалась тенью самого Рока. Бойцы «Альфы» за его спиной замерли, превратившись в безмолвных свидетелей.

Кузнецов: Системе плевать на тебя, Беляев. Она переварит твою измену и выплюнет новую шестерёнку. Но ты… ты сделал то, за что нет прощения.

Виктор не шелохнулся. Он стоял над ним, глядя сверху вниз. Красная точка лазера от снайпера-Призрака с крыши напротив теперь мерно пульсировала на затылке Беляева, заставляя того прижаться лбом к полу.

Голос Виктора был тихим, лишённым всякого сочувствия: Встань на колено, перед ними встань.

Беляев: Виктор, я…

Резкий, сухой хлопок ПБ разорвал душный воздух квартиры. Пуля калибра 9-мм ударила точно в бедро. Он вскрикнул, захлебнувшись собственным оправданием, и рухнул на камни, хватаясь за рану. Пыль взметнулась вокруг его тела, смешиваясь с красным.

Виктор шагнул вперёд. Теперь его голос изменился. Он больше не был спокойным. Это был рёв шторма над

Балтикой, грохот обрушивающихся эшелонов и ярость миллионов, чью культуру и историю этот человек попытался стереть в пыль.

Кузнецов сорвался на крик: Я сказал – НА КОЛЕНИ!

В этот момент Зубов почувствовал, как по его собственной спине пробежал холодок. Он узнавал в Викторе свои уроки – ту самую «плотность» и «прямолинейность», – но возведённые в абсолют. Виктор не просто выполнял приказ. Он сам стал Приказом.

Зубов смотрел, как Беляев корчится у ног Виктора, и понимал: это его наследие. Он воспитал воина, который не ломается под весом системы. Он вырастил человека, который смог вернуться из мёртвых, чтобы защитить ту самую землю, за которую они вместе грызлись в донецких степях.

В этот момент Зубов перестал видеть в Викторе «своего парня». Он увидел Капитана. Командира, который взял на себя тяжесть греха – убить предателя, чтобы спасти остальных.

Зубов мысленно произнёс, не сводя глаз с затылка Беляева: Ты всё правильно делаешь, Витя. Ты превзошёл меня. Ты стал тем щитом, о котором мы мечтали в тех окопах под огнем «Градов». Теперь ты – закон. А я… Я просто старый солдат, который рад, что дожил до этого дня.

Когда Виктор произнёс: «Я сказал – НА КОЛЕНИ!», это ощущалось как «На колени перед самой Родиной!», Зубов почувствовал, как у него самого комок подступил к горлу. Для него, прошедшего Донбасс, эти слова были не пафосом. Это была кровь, впитанная в чернозём. И то, что их произносил его воспитанник, делало этот момент священным.

Этот крик, казалось, заставил содрогнуться сами руины Панкова.

Хлопок выстрела в ногу стал для крота не началом смерти, а окончательным признанием его ничтожности. Он упал на

колени, и в этот момент он впервые по-настоящему испугался – не боли, а того, что Виктор прав. Что у него самого ничего нет, а есть только этот холодный хирург с пистолетом, который пришёл исправить его «системную ошибку».

Виктор подошёл вплотную, глядя сверху вниз на хныкающую мразь. Теперь Беляев стоял на коленях, уткнувшись лбом в пыльный ковёр, прямо перед строем тех, кого он вычеркнул из списков живых.

Кузнецов: Смит строит свой мир на крови и фанатизме. Но в этом новом мире, который вы пытаетесь склепать из обломков нашей чести… в нём для тебя нет места, предатель.

Он просто смотрит на него тем самым тяжёлым взглядом, в котором нет ни капли жалости. Он не опускал пистолет всё это время. В свете фонаря видна каждая капля воды на затворе.

Виктор произнёс свои слова голосом, от которого веяло могильным холодом: Ты больше не пешка, Беляев. Ты – дефект. Обычная шавка, которая укусила руку, что её кормила. А бешеных собак…

Беляев: Витя, нет!

Виктор: …Пристреливают.

Сухой щелчок выстрела. Вспышка на долю секунды освещает пустоту в глазах крота. Пуля калибра 9 мм вошла точно в центр лба Беляева, обрывая его жалкую попытку что-то возразить. Голова предателя дёрнулась назад, глаза на секунду расширились, отражая последнюю вспышку сознания, и тут же остекленели. Тело грузно осело, и замерло в нелепой, изломанной позе на грязном полу. Виктор даже не смотрел на результат.

Виктор не отвёл пистолет. Ствол всё еще дымился, направленный в пустоту, где секунду назад была жизнь человека, предавшего всё, что им было дорого. Грудь

Виктора тяжело вздымалась, лицо казалось застывшей маской из камня, на которой не отразилось ни облегчения, ни радости. Только бесконечная, выжженная пустота.

Сзади послышались тяжёлые шаги. Товарищи Виктора – те, кто оказался рядом с ним несмотря на пепел Куршской косы и выжил в аду подполья – замерли полукругом.

Седой Токарев медленно опустил ПКП. Он долго смотрел на труп Беляева, затем перевёл взгляд на спину Виктора. В глазах старого солдата не было осуждения – только угрюмое понимание того, что эта точка должна была быть поставлена именно так.

Он коротко кивнул, словно подтверждая: «Справедливо».

Молодой связист Соболь, чьё лицо всё еще было испачкано копотью, непроизвольно сделал шаг назад. Он впервые видел Виктора таким – не лидером, ведущим в бой, а карающей силой, лишённой человеческих эмоций. Костя сглотнул, прижимая винтовку к груди, и отвёл взгляд, не в силах смотреть на дыру во лбу того, кто когда-то отдавал им приказы.

Хрипло произнёс Соболь, сплёвывая на пол: С ним покончено, одним гадом меньше. Но Синицына и парней это не вернёт, Вить.

Виктор наконец опустил руку. Металл пистолета лязгнул о кобуру. Он медленно обернулся к своим людям. В его глазах не было триумфа – только глубокая, вековая усталость человека, который исполнил свой долг, но заплатил за это остатками своей души.

Виктор отозвался, и его голос снова стал тихим, почти бесцветным: Не вернёт… Но теперь мы хотя бы можем дышать в этом новом мире, не чувствуя его вони. Уходим. Здесь больше нечего делать.

Вдруг тишину разрезал резкий, цифровой сигнал вызова. Ноутбук на столе Беляева внезапно ожил.

Виктор: Что это?

Зубов: Похоже, этой крысе звонят. Видимо, куратор потерял своего питомца.

Виктор сделал шаг к столу. Палец нажал на кнопку «Ответить». Экран вспыхнул, и на нём появилось лицо Генерала Смита. Он сидит в каком-то затемнённом кабинете, на фоне – мониторы с картами передвижения войск НАТО.

Смит сказал спокойно, с лёгким американским акцентом: А-а-а... значит, всё-таки добрались...

Кузнецов сказал сквозь зубы стальным и холодным голосом: Смит...

Смит: Капитан Кузнецов. Мятежники в ИТЛ постарались, не иначе. Сбежал под шумок. Повезло тебе, Капитан. Очень повезло. Беляев был полезным инструментом, но, как я вижу, срок его годности истёк.

Виктор сделал шаг ближе к камере, его глаза в свете монитора показались волчьими: Где ты, Смит? Говори, ублюдок. Я с тобой быстро разберусь. Обещаю, тебе пули в лоб будет мало.

Лицо Смита исказилось. Это не просто улыбка – это оскал манипулятора, который уверен в своей неуязвимости. Он начал смеяться. Этот смех – сухой, язвительный, как гнойная язва. От него хочется не просто отвернуться, а вымыть руки с мылом.

Смит, сквозь смех: Тебе не нужно искать меня, капитан. Зачем утруждать себя лишними милями? Я уже рядом... Скоро ваши кошмары станут реальными.

Экран мгновенно гаснет. Соединение разорвано.

Виктор резко обернулся к Летягину, который уже ворвался в комнату с портативным терминалом: Летягин, вычислить источник сигнала! Живо!

Летягин уже вбивал команды, его пальцы летали по клавишам: Есть! Пытаюсь вскрыть шлюз... Сигнал шёл через три прокси в Гамбурге, но конечная точка... Секунду...

Соболь: Кошмары? Что он имел ввиду?

Кузнецов: Не знаю, может бредит уже…

Зубов сжимал рукоять ножа: Что значит «Я уже рядом»? В Берлине? Или он уже в нашем тылу?

Виктор смотрел на затихший ноутбук: Он играет с нами, Петрович. Но это его последняя игра. Летягин, результат?!

Летягин: Поймал! Источник сигнала… Да, это Берлин. Это граница промышленной зоны. Район Шпандау. Он там, Командир. В самом пекле.

Кузнецов: В самом сердце немецкой оружейной промышленности. Уходим, теперь здесь точно делать нечего. Продвигаемся дальше…

Зубов подошёл сзади, разворачивая на столе карту, придавив углы пустой кобурой и банкой тушенки. Его палец замер над районом Шпандау. Рядом молчаливыми тенями замерли бойцы «Призраков» и суровые парни из «Альфы».

Голос Зубова был тихим и серьёзным: Витя, смотри сюда, Шпандау – это не просто промзона. Это место с душком ещё со времен Первой мировой. Здесь немцы когда-то разрабатывали и хранили химическое оружие. Там под землёй – старые склады и лаборатории. Если Смит засел там, это идеальная крепость. И я тебе скажу как вагнеровец: в таких местах честной войны не бывает.

Виктор подошёл к столу, вглядываясь в серые квадраты ангаров. Слово «лаборатории» заставило его шрам на плече заныть.

Виктор глухо отозвался: Смит всегда любил такие места. В Луизиане у него был свой «специалист». Доктор по фамилии Уокер. Тварь в белом халате.

Зубов прищурился: Химик?

Виктор сжал кулаки: Хуже. Он был тем, кто не давал мне отключиться. В Луизиане Смит давил на психику сутками, а Уокер стоял рядом со шприцами и капельницами. Он следил

за моим пульсом, вливал стимуляторы, поддерживал меня в сознании, когда мозг уже готов был сдаться и выключиться. Он делал всё, чтобы я чувствовал каждое слово Смита, каждую секунду допроса.

Зубов сплюнул на пол: Значит, «Доктор Смерть». Если Смит в Шпандау, то и этот коновал где-то рядом. Если там старые запасы газа или они притащили что-то своё – нам конец в обычных куртках.

Виктор кивнул: Согласен. Не будем рисковать парнями. Нам нужны две «восьмидесятки». БТР-80 с их системой ФВУ – это база. И всем ПМК-4. Если этот Уокер решит отравить воздух, я хочу, чтобы мы были последними, кто это почувствует.

Зубов кивнул, уже доставая рацию: Понял тебя. Сделаем. Броня и маски – это по-нашему.

Виктор коротко кивнул: Добро. Броня и противогазы. Выдвигаемся.

Зубов нажал на тангенту рации: «Тень», это «Призрак-главный». Мы вычислили местоположение Смита, и возможно одного из его подручных – учёного-химика. Они в районе Шпандау. Берлин. Нужна броня – «восьмидесятки» и химза.

Пауза, сквозь треск статики прорвался сухой, низкий голос Нестерова.

Было слышно, как на фоне гудит аппаратура командного пункта.

Нестеров: «Призрак-главный», я «Тень». Понял тебя. Запрос подтверждаю. Два БТРа и «химза» будут в точке рандеву через сорок минут. Шпандау – место проклятое, старые камни там до сих пор смертью пахнут, так что держите глаза открытыми. Если это усиление поможет вам наконец выследить Смита – действуйте. Но помни, капитан: это ваш последний шанс. Не упустите его. И кстати, каков статус крота?

Зубов: Ликвидирован. И да, «Тень»...

Майор сплюнул в пыль и прищурился на запад: Нам не помешал бы разведдрон. Лишние глаза в этом склепе лишними не будут. Не хочется вслепую проверять, какие «сюрпризы» Смит нам оставил за стенами.

Короткая пауза. Слышно, как Нестеров что-то коротко приказывает адъютанту.

Нестеров: Принято, Зубов. Выделю вам одну «птичку» из оперативного резерва. Канал управления получите у Техника. Но имейте в виду: в Шпандау могут быть глушилки, не полагайтесь только на картинку. Работайте ногами и головой. Конец связи.

Виктор кивнул бойцам: «Техник», готовь терминал. «Глушь», собирай манатки. Через сорок минут выдвигаемся. Шпандау ждать не любит.

Глава 9: Карантин

Рычание восьмидесяток эхом отражалось от стен заброшенных кирпичных заводов. Воздух здесь был застойным, пахнущим ржавчиной и чем-то сладковато-приторным. Виктор сидел в десантном отделении, чувствуя вибрацию мощного двигателя под собой. Лица бойцов были скрыты чёрными масками противогазов, окуляры отражали тусклый свет приборной панели. Небо над Шпандау давило своей чернотой.

БТР резко затормозил. Аппарель откинулась, и Виктор первым выскочил на бетон.

Прямо перед огромным ангаром, в свете тусклых прожекторов, на экране было видно, как этот человек стоял и изучал бойцов. Белый халат, тактические брюки, холодный, почти исследовательский взгляд.

Виктор замер: Уокер…

Этот образ, который он годами пытался похоронить в подсознании после Луизианы, всплыл окончательно. Это был

«Доктор Смерть». Тот, кто лично следил за его пульсом, пока Смит ломал ему психику.

В это время в стерильной тишине удалённого штаба Смит наблюдал за происходящим через камеры высокого разрешения. Рядом с ним на мониторе Уокер поправил гарнитуру.

Уокер прошептал, и его голос раздался в динамиках штаба: Смит, смотри, Кузнецов прибыл. Твоя «Аномалия» вошла в ловушку.

Химик поднял руку и нажал на кнопку. С оглушительным шипением из ржавых труб ангара вырвались клубы желтоватого газа. Он расползался быстро, заполняя пространство между бронетранспортёрами.

Голос Смита зазвучал из уличных репродукторов Шпандау, пробиваясь сквозь рык моторов: Капитан! Я ведь предупреждал тебя. В этом месте ваши кошмары станут реальностью.

Виктор увидел, как жёлтый туман окутывает его ноги. Через секунду реальность поплыла. Бетон ангара начал покрываться песком, а стены – ржаветь и осыпаться, превращаясь в обломки укреплений на той самой Косе.

Виктор: ГАЗЫ! МАСКИ, ЖИВО!

Альфа надевает маски, но Уокер только смеётся.

Уокер: Мои молекулы меньше пор ваших фильтров. Это впитывается через кожу. Через слизистую глаз.

Волк почувствовал, как сердце делает мощный толчок. Фраза Смита про кошмары ударила в мозг: Он не пугал... он описывал принцип действия, – пронеслась мысль.

Голос Смита спокойный, с издёвкой: Вы так гордитесь своей волей, Капитан. Своими шевронами. Своей преданностью нематериальным смыслам. Но что останется от вашей гордости, когда ваш собственный мозг предаст вас?

Уокер перебивает Смита, его голос звучит профессионально-холодно: Это модифицированный нейротоксин, капитан. Он не убивает сразу. Он просто убирает барьер между реальностью и вашими худшими воспоминаниями. Посмотрите на свет, Виктор. Шоу начинается.

Виктор почувствовал, как мир вокруг начинал перестраиваться. Стены склада раздвигались, и вместо ящиков он увидел руины Куршской косы. Но это не просто воспоминание. Он видит Синицына. Генерал стоит в огне, его лицо обуглено, и он медленно идёт к Виктору.

Генерал Синицын, объятый пламенем, сделал шаг к Виктору, протягивая к нему костлявую руку. В его глазах – бесконечная укоризна.

Галлюцинация Синицына: Ты бросил нас, Виктор... Посмотри на свои шевроны, они пропитаны нашей кровью...

Виктора трясёт, его палец на спуске белеет от напряжения: Нет... нет, это не правда... Тебя здесь нет! Ты погиб с честью, ты бы никогда не сказал такого!

Галлюцинация Синицына смеётся, превращаясь в монстра: Ты уверен?

Виктор с криком ярости вскидывает автомат: ПОШЁЛ ВОН!

Грохот выстрелов разрывает гнетущие стоны бойцов от увиденного. Виктор выпускает целую обойму в огненную фигуру. Пули со звоном рикошетят от бетонных колонн и стальных балок за спиной призрака. Фигура Синицына лопается, как мыльный пузырь, превращаясь в облако жёлтого газа. Виктор тяжело дышит, ствол автомата дымится.

Виктор резко оборачивается к своим бойцам, которые уже начинают стрелять в пустоту и кричать: ОТСТАВИТЬ ОГОНЬ! ВСЕМ СЛУШАТЬ МЕНЯ!

Бойцы «Альфы», дезориентированные и напуганные, замирают. Нестеров тяжело дышит, прислонившись к ящику, его глаза расширены.

Голос Виктор звучит как наждак: Всем держаться! Это галлюциноген! Он бьёт прямо в подсознание, вытаскивает ваши страхи! Не дайте им обмануть вас! Всё, что вы видите сейчас – призраки, огонь, мертвецы – этого не существует в этом месте!

Токарев: Но я вижу их, Виктор… они повсюду…

Виктор: Слушай мою команду! Ищите материальные предметы! Оружие, стены, пол, снаряжение! Если что-то кажется не настоящим – дотроньтесь до этого! Руками! Холод металла не врёт! Если рука проходит сквозь – это морок! Заземляйтесь на реальности!

Бойцы начинают лихорадочно хвататься за свои разгрузки, прижиматься ладонями к холодным бетонным опорам склада. Виктор сам берётся рукой за острый край стального ящика, чувствуя, как боль от пореза возвращает его в реальность.

Виктор прорычал: Видите? Стена холодная! Ящик твёрдый! Мы в порту, на складе! Смит и Уокер за стеклом, они смотрят на нас! Они – настоящие! А это дерьмо в воздухе – просто химия!

* * *

Уокер замирает, глядя на мониторы. Графики пульса бойцов, которые только что зашкаливали, начинают выравниваться. Он видит, как солдаты перестают стрелять в пустоту и начинают двигаться слаженно, опираясь друг на друга и на стены.

Уокер с интересом, почти с восхищением: Невероятно… Он нашёл логический якорь. Он использует тактильное восприятие, чтобы подавить визуальную стимуляцию коры головного мозга. Смит, вы видите это?

Смит нервно стучит пальцами по столу: Мне плевать на твои лекции! Они перестали убивать друг друга! Уокер, добавь дозу! Или пусти газ «Z»!

Уокер качает седой головой: Поздно. Он дал им метод. Теперь их разум защищён лучше любого фильтра. Они поняли правила игры. Капитан Кузнецов… вы только что превратили мой идеальный эксперимент в обычный тир.

Смит: Ты обещал мне результат, химик… Ты подвёл меня.

* * *

Газ медленно оседал, оставляя после себя лишь звон в ушах и едкую горечь на языке. Виктор почувствовал, как чья-то крепкая рука вцепилась в его плечо – это был Зубов.

Он негромко спросил, помогая Кузнецову подняться: Живой, Вить? Тряхануло нас знатно, но, кажется, морок уходит.

Виктор кивнул, крепко сжав его ладонь. В этом аду доверие между ними было единственной твёрдой почвой под ногами. Зубов не просто прикрывал спину – он был частью того стержня, на котором держалась вся группа.

Виктор скомандовал: В порядке. Парни, перегруппироваться!

Соболь уже был на ногах, хладнокровно проверяя магазин своего автомата. Он кивнул Виктору, занимая позицию у ближайшего укрытия. Его лицо, иссечённое мелкой бетонной крошкой, не выражало ничего, кроме боевой готовности.

Летягин сидел на корточках, прислонившись к обломку стены. В одной руке он сжимал планшет, другой ловко управлял джойстиком на выносном пульте. Над их головами, едва слышно жужжа, кружил дрон-разведчик.

Летягин вывел изображение с камеры дрона на экран: Командир, смотри. Сигнал с ноута Крота бьёт прямо отсюда, из центрального блока. Один в один. Мы на месте.

Виктор пригнулся рядом с техником: Что там на входе?

Летягин нахмурился, выводя картинку с ворот лаборатории крупным планом: Странно всё это… Смотри сам. Главные ворота распахнуты. Совсем. Ни охраны, ни автоматических турелей, ни блокировки. И вот – на парковке у входа тяжёлые

чёрные внедорожники. Эмблемы… это «Шторм». ЧВК Смита уже здесь.

Токарев, осматривавший периметр в бинокль, обернулся: «Шторм»? Уокер же орал, что он здесь главный. Зачем Смиту перебрасывать своих ликвидаторов прямо сейчас? Они что, пришли помочь?

Соболь пробормотал, переводя взгляд с монитора на открытые ворота: Трудно сказать. Возможно, это подкрепление для Уокера. Или… Может, просто пытаются перехватить данные раньше нас.

Виктор посмотрел на тёмный зёв ворот Шпандау. Внутри было тихо.

Кузнецов сказал: Главное, что они открыты. И нас там не ждут. Летягин, веди дрон внутрь, насколько хватит сигнала. Соболь, Черненко – правый фланг. Токарев, Зубов – левый. Входим тихо. Уокер и его люди, скорее всего, понятия не имеют, зачем к ним пожаловал «Шторм». И тут войдём мы. Нам нужны данные.

Отряд бесшумными тенями двинулся к открытым дверям Шпандау. Бойцы капитана шли плечом к плечу с Виктором, как и всегда, прикрывая его сектор. Они входили в пасть зверя, не зная, что ждёт их внутри, но зная, что Смит уже начал свою игру.

* * *

Группа вошла в лабораторию. В коридорах стоял невообразимый гвалт. Грохот взрывов, крики на английском и немецком, методичный треск автоматического огня. Виктор прижался к стене, жестом приказывая парням замереть.

Соболев: Что за…

Виктор выглянул из-за угла. В пятидесяти метрах группа наёмников Смита – профессионалы в серых комбезах – методично зачищала лестничный пролёт. У их ног лежали тела в песочном камуфляже САС и Бундесвера. Немцы

пытались отстреливаться, но «Шторм» работал как мясорубка: граната в проход, короткая очередь в голову каждому лежащему.

Красный свет стробоскопов превращал коридор в серию рваных кадров. Вспышка – и Летягин видит, как боец «Шторма» хладнокровно, почти лениво, всаживает пулю в лицо раненому офицеру SAS, который пытался передать по рации координаты высадки. Вспышка – и другой ликвидатор врывается и расстреливает дверной проём, где заперлись немецкие связисты.

Летягин вжался в бетонную колонну, его глаза за стеклом противогаза были огромными, полными дикого, животного непонимания. Он видел, как «Шторм» – те, кто должен был быть их прикрытием, их западным «щитом» – методично превращает объект в братскую могилу.

Летягин перехватил автомат, его голос дрожал в радиоэфире: Капитан! Посмотри на них! Что он делает?! Они же союзники! Они из одной структуры, чёрт их дери!

Виктор даже не повернул головы. Он методично менял магазин, вжимаясь в тень. Его взгляд был прикован к чёрным фигурам ликвидаторов, которые двигались с пугающей синхронностью.

Виктор коротко отрезал, голос его был сухим и мёртвым: Смиту не нужны свидетели. Для него нет «своих» и «чужих», Летягин. Есть только те, кто исполняет приказ, и те, кого нужно стереть.

Летягин хотел что-то возразить, но в этот момент очередной взрыв вынес стену слева, и в коридор хлынул плотный поток газа Уокера. В его белесой мути тени «Штормовиков» стали казаться гигантскими жнецами.

Виктор рявкнул, хватая Летягина за плечо и рывком выдёргивая из-под огня: Двигай. Если задержишься здесь ещё на секунду, станешь такой же жертвой.

Герметичная дверь лаборатории поддалась со скрежетом. Виктор первым вошёл в зал, и его сразу окутала тишина, прерываемая лишь шипением пробитых труб.

Всё, что было ниже колена, утопало в густом, тяжёлом жёлтом тумане. Газ то поднимался вверх, то полз по полу, облизывая ботинки бойцов, словно живое существо.

Виктор хрипнул в микрофон: Фильтры на максимум. Не касаться пола открытыми участками кожи.

Свет аварийных ламп, пробиваясь сквозь красный пар, создавал иллюзию, что они идут по колено в крови. Но кровь была не только внизу.

Застеклённые перегородки лаборатории были буквально «закрашены» изнутри. Огромные багровые потёки, следы ладоней на стеклах – учёные и солдаты НАТО пытались выбраться, пока «Шторм» методично расстреливал их в спины. На каждом углу – горы трупов в форме Альянса. Те, кого не убил газ, получили пулю в затылок.

«Шторм» подчищал хвосты.

Виктор шёл вперед, и его походка была пугающе плавной. Он перешагивал через тела, не глядя вниз. Его взгляд был прикован к глубине зала, где в красном мареве мелькали тени наёмников. Они работали как роботы – добивали раненых, скидывали документы в огонь.

Токарев прошептал: Витя, глянь на стены...

На белом пластике панелей кровью было написано: «HE IS COMING» (Он идёт). Кто это написал – умирающий натовец или безумный наёмник под действием газа – было неважно.

Виктор вскинул АК. Жёлтый газ под его ногами завихрился, когда он открыл огонь.

Он скомандовал: «Альфа», зачистка! Свидетелей нет, остались только палачи. Подарите им ту смерть, которую они здесь посеяли.

Зал наполнился грохотом выстрелов. Гильзы падали в красный туман, исчезая в нём беззвучно. Стёкла разлетались в пыль, смешивая старую кровь со свежей. Виктор двигался сквозь этот ад, как истинный Призрак – не балансируя, не сомневаясь, не зная пощады. Небольшой отряд наёмников был уничтожен.

Сзади раздались крики на английском и немецком – это была агония тех, кто до последнего верил, что Смит на их стороне. А впереди, в тумане, уже вырисовывался кабинет Уокера – последняя точка их иллюзий.

Русские двинулись дальше, используя шум бойни как прикрытие. Пока наёмники Смита азартно гоняли по этажам орущих от ужаса немцев и британцев, группа Виктора, как тени, скользила по служебным коридорам. Никаких лишних выстрелов. Только тихий лязг снаряжения.

Они были близко к кабинету. Табличка на дубовой двери: «Dr. Walker. Chief of Research».

Виктор подал знак. Дверь почему-то была не закрыта. Группа ворвалась в кабинет, стволы веером.

Тишина. Оглушительная, мёртвая тишина после грохота снаружи.

Виктор: Токарев, дверь!

Токарев: Есть!

Уокер сидел в своём кресле. Его голова была откинута назад, глаза смотрели в потолок с выражением бесконечного удивления. Ровно посреди лба темнело идеальное, аккуратное отверстие 9-го калибра. Ни крови на столе, ни следов борьбы. Хирургическая точность. Хозяин списал свой инструмент.

Повсюду лежали тела. Немцы, британцы из SAS, несколько сотрудников лаборатории. Все они были убиты с хирургической точностью – короткими очередями в голову и грудь. Это не был бой. Это была бойня.

Зубов выдохнул через радио, хотя его там не было: Чисто. Витя, что там?

Виктор не ответил. Вдруг из угла донёсся надрывный, клокочущий кашель. Виктор резко развернулся, держа на мушке фигуру в разорванном камуфляже. Человек пытался подняться, но рука соскользнула в лужу собственной крови. Это был офицер, командир отряда. Его лицо было бледным, как мел, а глаза горели лихорадочным блеском. Он смотрел на пол. У подножия стола, в луже собственной крови, лежал офицер Бундесвера. Его рука судорожно сжимала рану в боку.

Виктор рванулся к нему, падая на колено рядом. Он увидел нашивку с фамилией: *Krieger*.

Виктор быстро произнёс на английском, пытаясь зажать рану на животе немца, но пальцы мгновенно стали липкими и багровыми: Hold on, buddy. Don't move (Держись, парень. Не двигайся).

Виктор спросил его, хоть уже и знал ответы на свои вопросы: Who did this? What happened? (Кто это сделал? Что произошло?)

Кригер схватил Виктора за предплечье. Его хватка была слабой, но отчаянной. Он выплюнул сгусток крови и прохрипел, с трудом выталкивая слова:

Кригер прерывисто вздохнул, его лицо исказилось от боли: Smith... his people... (Смит... его люди...) He’s people... betrayed us... Shot... everyone... (Его люди... предали нас... Расстреляли... всех...)

Кригер посмотрел Виктору прямо в глаза. В этом взгляде уже не было вражды – только горькое осознание.

Голос немца сорвался на шепот: You... Russians... (Вы... русские...) Doing everything... right... (Всё делаете... правильно...)

Рука Кригера безвольно упала на кафель. Глаза застыли, отражая мерцание красных ламп. Виктор замер на секунду,

глядя на мёртвого офицера, чьи идеалы только что были растоптаны его же «союзником». Он аккуратно закрыл немцу глаза и поднялся.

Летягин подошёл ближе, его голос дрожал от напряжения: Что он сказал, капитан?

Виктор перехватил автомат, его лицо превратилось в каменную маску. Внутри него бушевал шторм, но снаружи он был холоден, как лёд Аляски: Он сказал, что мы на правильном пути. Но будем начеку. Мы здесь не одни. «Шторм» где-то рядом. И они не оставляют свидетелей.

Виктор повернул голову в сторону мёртвого химика.

Тишина здесь кажется оглушительной после грохота в коридорах. Дорогой дубовый стол, запах элитного парфюма и коньяка, и посреди этого великолепия – архитектор всего этого кошмара, застывший с дыркой в голове. Без пафоса, без последних слов. Просто отработанный материал.

Виктор подходит ближе, рассматривает аккуратное входное отверстие. Его лицо каменеет.

Голос Виктора звучит низко и хрипло: Смотрите внимательно, парни. Вот так выглядит «благодарность» Смита. Уокер думал, что он мозг этой операции, а оказался просто строчкой в ведомости, которую вычеркнули красным маркером. Если они так поступили со своим «золотым мальчиком», представьте, что они приготовили для нас.

Токарев, осматривая труп: Чисто. «Шторм» отработал быстро. Убрали его и пошли дальше. Никто не копался.

Соболь подходит к столу: Командир, диск. Тут явная запись. Похоже, он успел что-то активировать перед смертью.

Виктор кивает: Запускай. Это может дать нам ключ.

Соболь вставляет диск. На мониторе появляется Уокер – бледный, но уже без страха в глазах. Он смотрит прямо в камеру.

Уокер (запись): Если вы это смотрите, значит, Смит всё-таки предал меня. Он просто «списал» меня, как мусор. Я думал, мои разработки нужны для «защиты Запада», а он просто хотел их украсть. И уничтожить всех, кто о них знает.

Голос Уокера становится глубже, в нём просыпается ярость.

Уокер: Он не получит их. Он не получит ничего. Этот остров скоро станет братской могилой для всех. Я установил таймер... Пять минут. А потом...

Его глаза расширяются, он слышит шаги за дверью, но уже не успевает среагировать: А, чёрт...

Слышен глухой выстрел. Телевизор мгновенно гаснет. В кабинете тишина, прерываемая лишь пульсацией красных ламп и далёким воем сирены. В ней из-под фальшпола раздается отчётливый, размеренный писк электронного таймера. Времени почти нет.

Соболь, глядя на терминал: Командир... таймер. Он активирован. Пять минут.

Черненко бросается к Соболю, хватая его за разгрузку прижимает к стене: Ты зачем это сделал, урод?! Это ловушка! Ты подставил нас всех!

Соболь растерялся, пытаясь оттолкнуть его: Я... Я не знал! Я думал, там могут быть ценные данные! Мы за этим сюда шли!

Черненко пылал от гнева: Ну молодец, ценные данные! Теперь данных мы точно не получим, потому что через несколько минут нас по стенам размажет! Ты хоть понимаешь, что ты натворил?!

Голос Виктора разрезал пространство, как нож: ДОВОЛЬНО!

Бойцы замирают. Виктор стоит у двери, его взгляд холодный и сосредоточенный. Он не смотрит на них, он изучает замок, который заблокировался вместе с выключением телевизора.

Виктор: Лучше бы вы так врага били, как друг друга готовы порвать! Сейчас это уже не важно. Соболь, к стене!

Сосредоточиться! Искать другой выход, пока тут всё не взлетело на воздух! Черненко, проверь вентиляционный короб, живо!

Таймер продолжает пищать, отсчитывая секунды. Стены Шпандау, построенные на совесть ещё в прошлом веке, кажутся теперь могильными плитами. Виктор понимает: Уокер не просто сбежал, он превратил их профессионализм в их же слабость.

Красные цифры на мониторе Уокера пульсировали, как открытая рана. 04:12… 04:11…

В глазах Виктора – холодная решимость: Уокер… последний сюрприз для Смита. Он хотел нас тут похоронить, но сам стал частью этой могилы.

Летягин, прислушиваясь у двери: «Шторм» ушёл. Они зачищают другие сектора. Они не знают про таймер.

Виктор: Отлично. Это наш шанс. Соболь, данные – твоя задача. Токарев, Летягин – прикрытие.

Виктор сжимает рукоять ножа. На его лице нет страха, только выверенная решимость. Он знает, что у них есть преимущество – знание. И время.

Виктор нажал на тангенту рации: «Призрак», это Волк. Мы нашли Уокера. Он мёртв. А его лаборатория… она взорвётся через четыре минуты. «Шторм» об этом не знает.

Голос Зубова напряжён, но спокоен: Принял, «Волк». Значит, вы – единственные, кто может выбраться оттуда живым. Двигайтесь. Я начну операцию по отвлечению.

Виктор прохрипел, срывая с пояса последнюю световую гранату: Вот же Ублюдок… Списали его, и он решил забрать тех, кто его списал с собой. Всем приготовиться! У нас четыре минуты до того, как этот бетонный гроб превратится в братскую могилу.

Виктор оглядел кабинет, его взгляд скользнул по стенам, по бронированной двери: Так, всё заблокировано… Должен же

быть запасной путь. Летягин, найди в системе планы лаборатории, на стенах я ничего не видел, но должен же быть план эвакуации, только быстро.

Летягин уже сидел за терминалом Уокера, пальцы летали по клавиатуре, сливаясь в неразличимый вихрь. Пот стекал по вискам, но глаза были прикованы к экрану. Секунды таяли.

Он выкрикнул: Есть! Подземная парковка, сектор С-3! Через технические туннели за грузовым лифтом!

Виктор рявкнул, указав на едва заметный люк в полу, который Летягин подсветил на схеме: Группа, за мной! Идём туда. Огонь на подавление. Пощады не будет – Смит предал всех, кто ему доверял, а мы для него ещё одни лишние свидетели.

Бойцы рванули из кабинета. Красный свет аварийных ламп вновь начал пульсировать в такт тяжёлым басам, доносившимся из динамиков комплекса. Воздух всё ещё был пропитан гарью и едким запахом газа Уокера. Виктор, тяжело дыша, наступил на грудь убитого наёмника «Шторма» и резким движением сорвал с его плеча рацию.

Он нажал на кнопку вызова. Сквозь треск статики и шум боя в эфире повисла тяжёлая тишина.

Голос Виктора был ледяным, лишённым страха: Смит, я знаю, ты слушаешь этот канал, и сейчас ты меня слышишь. Ты убил Уокера, но ты не учёл одного: он был и нашей целью. Ты только что облегчил мне работу, старик. Ты сам зачистил концы за нас.

В рации наступило мёртвое затишье. Пять секунд из динамика доносилось лишь тяжёлое, прерывистое рычание – рация пыталась пустить в эфир архитектора войны. Наконец, раздался его голос, искажённый помехами, но узнаваемый.

Смит произнёс имя так, словно выплёвывал кровь: Капитан Кузнецов… Человек, выживший в аду Луизианы только благодаря мятежу. Но удача – переменчивая штука.

Виктор взглянул на трупы солдат Бундесвера, лежащие в коридоре: Решил стереть правду, просто убив всех свидетелей? Ты выжигаешь своих же людей.

В голосе Смита больше не было удивления, только холодная решимость: Ваша правда умрёт вместе с вами. «Шторм» прямо сейчас устраняет все испорченные и ненужные для работы инструменты. Поверь, Виктор… мои люди не будут с тобой церемониться. Удачи выжить в этом аду.

Виктор крепче сжал рацию, его взгляд встретился с взглядом Токарева, который прикрывал дверной проём: Мы ещё посмотрим, кто из нас двоих отправится в ад первым…

Он отшвырнул рацию в сторону.

На повороте к грузовому лифту их встретил «Шторм». Профессионалы. В матовых шлемах, безликие, как сама Система. Первая очередь ударила в стену рядом с головой Виктора.

Он рявкнул: Граната!

Вспышка ослепила узкий коридор. Виктор выскочил из-за угла, чувствуя, как адреналин выжигает страх. Короткая очередь в силуэт, перекат, ещё три выстрела. Честь против контракта. Вера против приказа.

02:50…

Летягин указал на ржавую металлическую лестницу, ведущую в темноту: Вниз, по лестнице в тех. сектор!

Они летели по ступеням, слыша, как за спиной гремят сапоги «Шторма». Тяжёлое дыхание в противогазах звучало как хрип умирающего зверя. Каждый шаг отдавался вибрацией – здание уже начинало стонать, предчувствуя взрыв.

Ворвались на парковку. Огромное бетонное пространство, эхо, ряды брошенных «Мерседесов» и штабных джипов.

Донёсся голос командира «Шторма» на ломаном английском: Прижать их! По бетону застучали пули, высекая искры.

Виктор упал за колонну. Магазин пуст. Перезарядка. Руки работают на автомате.

Он заорал в рацию: Зубов! Зубов, если ты не здесь, нам конец!

00:45...

Бетонный пол задрожал. Где-то наверху уже начали лопаться перекрытия. «Шторм» обходил их с флангов, прижимая к стене. Виктор видел их глаза сквозь линзы масок – холодные, пустые. Они воевали за деньги. Виктор – за Родину.

Вдруг дальняя стена парковки – бетонные ворота – взорвалась внутрь. Сквозь пыль и искры, подминая под себя стойки ограждения, на парковку влетел БТР-82А. На броне, вцепившись в пулемёт, сидел Зубов. Его лицо было чёрным от копоти, но глаза горели яростью.

Он взревел, открывая беглый огонь по «Шторму», заставляя элиту Запада вжаться в пол: ПРЫГАЙТЕ, ПАЦАНЫ!

00:15...

Виктор схватил Летягина за шкирку, толкая к открытому люку. Парни запрыгивали внутрь на ходу. БТР ревел, выбрасывая клубы солярного дыма. Виктор запрыгнул последним, захлопывая люк, когда сверху уже посыпалась бетонная крошка.

Виктор крикнул: Жми, Зубов! Жми на газ!

00:03...

БТР сорвался с места, выбивая стальные ворота выезда. Кабина наполнилась лязгом и скрипом металла, когда многотонная машина вырвалась на ночное шоссе. В зеркалах заднего вида на долю секунды мелькнула вспышка – изнутри Шпандау вырвался огненный шар, поглощая и лабораторию, и мёртвого Уокера, и брошенных Смитом солдат «Шторма».

Виктор, сидевший у самого люка, почувствовал, как бронемашину слегка толкнуло в борт резкой ударной волной. БТР качнуло, словно игрушечную лодку на штормовой волне,

но Зубов, стиснув зубы, удержал руль, выравнивая машину. За спиной, пылающий оплот лжи, где ещё мгновение назад кипела битва и умирал Уокер, теперь превращался в огненный кратер, поглощающий и последние следы «Шторма», брошенного Смитом на убой.

Они мчались по ночному шоссе, оставляя позади город, освещённый заревом недавнего ада. Виктор откинулся на жёсткое сиденье десантного отделения. В ушах всё ещё звенело от взрыва, а на губах чувствовался вкус гари и солярки. Он медленно снял закопчённые тактические очки и посмотрел на своих парней – измотанных, злых, но живых.

Виктор перевёл взгляд на Летягина, который всё ещё сжимал в руках планшет с бесценными данными, и едва заметно усмехнулся одними уголками губ.

Он тихо произнёс, глядя на угасающее пламя: Вот и всё. Теперь это место закрыто на пожизненный карантин.

Глава 10: Наступление на Запад

Бойцы «Альфы» и «Призраков» сидели прямо на земле, прислонившись к остывающей броне БТРов. После бойни в лаборатории в воздухе повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Уокер был мёртв – ликвидирован своими же, как отработанный биоматериал. След Смита растворился в хаосе отступления «Шторма». На руках у Виктора была только кассета – предсмертный хрип химика, ключ к «Карантину», но на ней не было координат Генерала.

Зубов сплюнул густую пыль и посмотрел на Виктора: Витя, след потерян. Смит чёрт знает где, лаба – в труху, мы еле ноги унесли из этого гадюшника. Куда теперь? В никуда?

Соболь, чистя затвор своего автомата, угрюмо кивнул: Петрович прав. У нас только этот кусок пластика. Доказательства их гнили – это круто, но Смита она нам не выдаст. Мы идём вслепую, Командир.

Виктор долго молчал. Он смотрел на запад, где небо наливалось свинцом, а по горизонту уже катилась канонада

основных сил наступления. Внутри него бушевал пожар, который не могли потушить никакие сомнения. Он медленно отошёл от дерева и вышел в центр круга, где сидели бойцы.

Кузнецов спокойно, но веско ответил: Знаете, мы действительно в тупике. Если мерить эту операцию категориями вчерашнего дня. Но проснитесь – война уже идёт, и мы давно на передовой.

Бойцы начали поднимать головы. Глушь, застывший в тени, перевёл взгляд на командира. Даже «Техник» отвлёкся от планшета.

Виктор: Война уже идёт по всей Европе, и мы – на её остриё. Да, след Смита исчез в этом секторе. Но пока мы здесь копаемся в обломках, наши танковые клинья идут на Запад. Когда Первый фронт дойдёт до Франции и Ла-Манша – начнётся бросок через океан. Смит будет там. Он не бросит свои активы.

Зубов сплюнул и прищурился, прислушиваясь.

Кузнецов продолжил: Я не предлагаю нам просто влиться в общую массу и стать обычными штурмовиками. Я предлагаю стать ищейками на остриё этого наступления. Мы присоединяемся к передовым частям фронта. В каждом взятом штабе НАТО, в каждом узле связи мы будем искать зацепки. Переговоры, шифровки, архивы – нам нужно всё. Война даёт хаос, а в хаосе Смит обязательно совершит ошибку. Мы будем просеивать этот хаос через сито, пока не найдём его – штабах Европы или на развалинах Нью-Йорка.

В группе сменилась атмосфера. Усталость никуда не делась, но появилось понимание следующего шага. У них снова был вектор движения.

Зубов усмехнулся, похлопывая по броне БТРа: Значит, вместо того чтобы ловить одну крысу в подвале, мы сожжём весь город, где она прячется? Это по-нашему, Волк. Масштабно.

Соболь резко встал, затягивая ремни разгрузки: Значит, идём на Францию, Командир?

Кузнецов: Идём на Францию. Мы просто меняем масштаб охоты. «Техник», связь с «Тенью».

Летягин быстро настроил терминал и протянул гарнитуру.

Кузнецов нажал тангенту: «Тень», это «Волк». Приём.

Через секунду пробился голос Нестерова.

На фоне слышался гул работающих штабных машин: На связи, «Волк». Докладывай статус.

Кузнецов: Уокер ликвидирован «Штормом». Прямой след Смита потерян. Запрашиваю разрешение на присоединение к передовым группам наступления. Мы выдвигаемся на Запад.

Нестеров отозвался: Принято, «Волк». Твоё предложение совпадает с планом командования. Наши части начинают входить в Париж. Двигайтесь туда. Там есть актив – агент Алекс Бейкер. Он работает внутри координационных структур Смита. Бейкер обеспечит вас информацией и зацепками.

Виктор прищурился: Новый союзник?

Нестеров: Именно. Нам помогут американские и французские повстанцы. Выдвигайтесь. Смит не должен покинуть Францию. Конец связи.

Виктор закончил разговор с Нестеровым и убрал рацию. Он посмотрел на горизонт, где небо только-только начинало сереть, предвещая скорую смену караула между ночью и днём. Бойцы «Альфы» и «Призраки» уже проверяли снаряжение.

Виктор обвёл взглядом своих людей: Тень подтвердил. Идём на Париж. Нам нужно быть там к моменту, когда ополчение начнёт шевелиться. Лишнего времени нет. Всем проверить БК и связь. Пару часов на отдых – и в путь.

Он закинул автомат за спину и коротко, по-командирски сказал: На рассвете выходим.

Зубов: То-то же.

* * *

Внутри БТРа царил полумрак, разбавляемый только тусклым красным светом приборов. Тяжёлый гул двигателя и лязг гусениц по асфальту забивали уши, но тишина внутри десантного отделения была ещё тяжелее. Токарев, сидевший напротив Виктора, долго крутил в руках пустой магазин, а потом поднял глаза на командира.

Он негромко произнёс, перекрывая гул: Командир, мы ведь так и не поняли… кто этот Джон? Как он вообще оказался на твоей стороне в той дыре Луизианы?

Виктор не шевелился, прислонившись затылком к холодному борту. Он смотрел в пустоту перед собой, но видел не стены БТРа, а едкий дым четырнадцатилетней давности.

Виктор начал глухо: Мы встретились ещё на Донбассе, в четырнадцатом. Я тогда пацаном был, двадцать лет, ополчение. Мы штурмовали позиции, где окопались наёмники Смита и Уокер со своей «химией». Уокер тогда только начинал – травил людей газом ради пробы. Смит запер Джона и его группу в камерах. Одну секцию заполнили газом на его глазах, он видел, как его друзья корчатся в этой дряни. Вторая секция была на очереди.

Токарев замер, перестав крутить магазин.

Виктор продолжал – Мы ворвались в последний момент. Смит с Уокером и ещё каким-то типом успели удрать, бросив своих. Я вышиб дверь камеры и вытащил Джона. В кашу там всё было, вонь стояла жуткая… Я тогда просто протянул ему руку. Он запомнил. И лицо моё запомнил, хотя я тогда ещё даже бриться толком не начал.

Виктор тяжело вздохнул, и этот звук потонул в рёве мотора: А через четырнадцать лет мы оказались в одной камере в Луизиане. В ИТЛ. Сидели, ждали неизвестно чего, и вдруг – удар. Стена в камере просто лопнула внутрь. Нам повезло – мы стояли у противоположной стены, иначе бы нас вместе с бетоном в фарш превратило. Пыль, грохот… Джон первый очухался. Глянул в пролом и говорит: «Это Южный Альянс».

Токарев спросил: Значит, они не за вами пришли?

Да им плевать на нас было, они тюрьму ровняли с землёй. Но Джон сообразил мгновенно – это наш единственный шанс. В том хаосе мы и выскочили. Он вывел меня, прикрывал… А на станции, когда «Шторм» нас зажал, он понял, что я не успею на рейс до Калининграда. Вскинул автомат, но без шансов. Он выдернул чеку и… Остался там. Из-за этого сраного хаоса, который устроил Альянс.

Виктор сжал кулаки, и Токарев увидел, как напряглись жилы на его руках: Вот такие дела, Боря…

Токарев понимающе кивнул, убирая магазин в подсумок. Больше вопросов не было. Теперь он знал, что для Виктора предстоящая встреча в Париже – это не просто задание, а личный счёт, который невозможно оплатить словами.

БТР резко подбросило на выбоине, и группа «Альфа» продолжила свой путь на Запад – туда, где память прошлого должна была столкнуться с грязной политикой настоящего.

* * *

Рассвет в Париже. Первые лучи солнца окрашивают крыши в золотистый цвет, но внизу, на улицах, ещё лежат густые синие тени. Город замер в пугающей тишине. Париж встретил «Альфу» гарью и фальшивым блеском. По пригородам уже лязгали гусеницы наших БТРов, а в центре города, в «зелёной зоне», ещё пытались делать вид, что идёт дипломатическая игра.

Затхлый воздух парижского подвала смешивался с запахом дорогого табака. Нестеров был уже там, стоял у разложенной карты, его лицо в свете тусклой лампы казалось высеченным из камня. Группа «Альфа» вошла бесшумно – Кузнецов впереди, за ним Зубов и Летягин. Соболь («Глушь») остался снаружи, на крыше соседнего здания, контролируя вход. Рядом с «Тенью» стоял человек, который никак не вписывался в обстановку: дорогой костюм, уверенный взгляд, манеры парламентёра высокого ранга.

Виктор коротко бросил: «Тень», мы на месте.

Нестеров кивнул на человека в костюме, стоявшего в тени: Виктор Кузнецов, Владимир Зубов… Знакомьтесь. Это наш ключ к Смиту – Алекс Бейкер. Уокер мёртв, лаборатория в Шпандау уничтожена, но Смит заперся где-то в правительственных кварталах. Бейкер выведет нас на него.

Бейкер сделал шаг на свет. На его губах играла едва заметная улыбка.

Голос американца был уверенным: Наслышан о вас, капитан Кузнецов. Особенно о том, какую бойню вы устроили в Луизиане. Это было… эффектно.

При упоминании Луизианы Виктор внутренне напрягся. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Откуда у штабного шпиона такая конкретика? Откуда он знает про бойню, если нас тогда вели «втёмную»? В голове заворочалось нехорошее предчувствие, сжатые зубы отозвались тупой болью в челюсти.

Бейкер, не замечая или делая вид, что атмосфера сгустилась, протянул руку: Мы на одной стороне. Я здесь не просто как информатор. Я – лидер Южного Альянса. Мы те, кто поднял восстание в Штатах, пока Смит играл в бога.

И вот тут Виктора ударило. Словно оголённый провод коснулся сердца.

Южный Альянс…

У Виктора в голове произошла вспышка. Перед глазами не Париж, а то самое депо в Луизиане. Скрежет уходящего поезда, на котором Виктор должен был уехать в Калининград. Пыль, гарь и крики. Он видит лицо Джона Уильямса. Джон стоит один на платформе, окружённый штурмовиками Смита. Его грудь тяжело вздымается, он смотрит на вагон, где сидит Виктор, и улыбается. «Уходи, это приказ!». А потом – резкое движение руки. Джон вскидывает автомат. Он остаётся на платформе, чтобы дать Виктору уйти. Выдернутая чека и взрыв. Но из-за того, что

«союзники» из Альянса устроили, превратив ИТЛ и его окрестности в могилу, они были косвенно виновны в смерти Джона.

Пальцы Бейкера почти коснулись руки Виктора.

Кузнецов резко, с животной силой, выдернул свою руку назад, отшатываясь. Воздуха в подвале внезапно стало мало.

Нестеров нахмурился, его рука легла на планшет: «Волк»?

Зубов мгновенно сместился в сторону, занимая позицию для стрельбы от бедра. Он не знал, что именно увидел командир, но он чувствовал – сейчас прольётся кровь.

Бейкер застыл, его протянутая рука повисла в воздухе: Капитан? Я сказал что-то не то?

Виктор смотрел на него так, будто перед ним был не человек, а восставший из ада мертвец. В ушах всё ещё звенел взрыв той гранаты. Джон погиб, потому что Альянсу нужны были «свои интересы», а не жизни людей.

Виктор прохрипел, и в этом хрипе было больше угрозы, чем в нацеленном стволе: Южный Альянс… Значит, это вы «помогали» нам в Луизиане?

Бейкер медленно опустил руку, его взгляд стал холодным: Мы делали то, что должны были. Политика требует жертв, Кузнецов.

Виктор сделал шаг вперёд, его глаза горели ненавистью: Для тебя это жертва в отчёте. А для меня – единственный друг в этой проклятой стране. Убери свои руки, Бейкер. Пока я их не сломал.

Голос Бейкера стал сухим и хлёстким, как удар плетью: Ты напрасно кривишься, Кузнецов. Да если б не мои бойцы, ты бы подох в той сырой камере вместе с Джоном! Это мои парни вынесли ту стену. Это мой хаос вытащил тебя из дыры, в которую тебя засунул Смит. Ты на свободе только потому, что Южный Альянс решил сжечь Луизиану!

Виктор сжал зубы так, что на скулах заиграли желваки. Образ улыбающегося Джона с автоматом и гранатой в руках на долю секунды перекрыл холёное лицо Бейкера. Он хотел вцепиться этому «союзнику» в глотку, но холодный взгляд Нестерова остановил его. Сейчас был не тот момент.

Бейкер посмотрел на часы, восстанавливая самообладание: Мои люди и французское ополчение с минуты на минуту атакуют Посольство, где засел Смит. Я до сих пор здесь, с вами, и я сильно рискую. Мне нужно возвращаться в его штаб, пока он ничего не заподозрил. Если я исчезну слишком надолго – план пойдёт к чёрту.

Нестеров сделал шаг к карте, прерывая дуэль взглядов: Достаточно. Нам не нужно быть друзьями, нам нужно выполнить задачу. Волк, возьми себя в руки. У нас общая цель. Смит не должен выйти из этого города живым.

Полковник посмотрел на Виктора, затем на Бейкера.

Нестеров: Это наш шанс выловить Генерала. Бейкер подтвердил: Смит здесь, в Париже. Он заперся в Посольстве, превратив его в крепость. Но когда начнётся штурм ополчения, внутри возникнет неразбериха. Это ваш коридор.

Бейкер поправил пиджак и бросил на Виктора последний, холодный взгляд: Мои парни дадут вам тридцать минут. Потом Посольство превратится в ад. Решай сам, Кузнецов – будешь ты и дальше дуться из-за прошлого, или мы наконец прикончим это чудовище.

Виктор медленно выдохнул, гася огонь внутри. Профессионал в нём победил мстителя. Пока что.

Виктор: Веди. Но не думай, что я что-то забыл, Бейкер.

Бейкер развернулся к выходу: Мне плевать, что ты помнишь, капитан. Главное – стреляй метко.

* * *

Бейкер вошёл в кабинет Генерала Смита уверенным, но быстрым шагом. Его вид был безупречен, если не считать

лёгкой пыли на ботинках и расстёгнутой верхней пуговицы рубашки – он мастерски играл роль человека, который только что вернулся с «передовой» проверки периметра.

Смит стоял у окна, заложив руки за спину. Он смотрел на огни Парижа, который уже начинал содрогаться от первых взрывов на окраинах. На столе Генерала лежал раскрытый кейс и планшет с графиками полётов.

Смит произнёс, не оборачиваясь, его голос был ровным, почти убаюкивающим: Ситуация накаляется быстрее, чем мы рассчитывали, Алекс. Французское ополчение уже в паре кварталов.

Бейкер остановился в паре метров: Наши заслоны долго не продержатся, генерал. Ополчение – это полбеды. По моим данным, в город вошли русские. Спецгруппы ССО. Те самые, что разнесли Шпандау.

Смит медленно повернулся.

Его глаза блеснули: Волк. Он всё-таки пришёл за мной. Удивительная настойчивость. Он всё ещё верит, что может остановить ход истории.

Бейкер коротко кивнул: СВВП прогревает двигатели на крыше. Вам пора уходить, Сэр. Ваше присутствие в Нью-Йорке критически важно для завершения проекта. Я останусь здесь и проконтролирую, чтобы отход основных сил прошёл по плану. Мы задержим их на столько, на сколько потребуется.

Смит долго всматривался в лицо Бейкера.

Смит подошёл к Бейкеру и положил руку ему на плечо – жест высшего доверия от человека, у которого нет сердца: Ты всегда был моим самым надёжным инструментом, Алекс. Не подведи меня. Встретимся в Штатах.

Бейкер: Я умею выживать, Генерал. До встречи в Нью-Йорке.

Смит коротко кивнул и направился к лифту, ведущему на крышу. Как только двери закрылись, маска Бейкера

мгновенно слетела. Спокойствие сменилось хищным оскалом. Он резко развернулся и вышел в коридор, где его ждал верный помощник из Альянса.

Бейкер на ходу достал рацию, переключаясь на закрытую частоту повстанцев.

Его голос теперь звучал как рык вожака стаи: Это Бейкер! Смит пошёл на крышу. Всем группам Альянса и ополчению – НАЧИНАЙТЕ! Врубайте ад! Обрушьте на них всё, что у нас есть! Сжигайте фасад, ломитесь в парадные! Сделайте так, чтобы охрана забыла, как дышать.

Он посмотрел на рассветное солнце и прошептал: Давай, Виктор… Твой выход. Коридор открыт. Беги так, как никогда в жизни не бегал. Иначе всё напрасно.

Бейкер развернулся и быстрым шагом направился к западному выходу, на ходу пряча рацию.

* * *

Вспышка термобарического заряда вынесла главные ворота. Бейкер видел, как в дыму падают чёрные фигуры охранников Смита. Его люди работали грязно, яростно, заливая фасад свинцом из крупнокалиберных пулемётов. Для него этот бой был дымовой завесой, огромным костром, в котором должна была сгореть бдительность Генерала.

Бейкер подумал, всаживая очередь в окно второго этажа: Давай, Кузнецов, Я даю тебе твои тридцать минут. Не облажайся.

Отряд «Альфа». Внутренний двор.

Виктор коротко бросил в ларингофон: Работаем!

«Альфа» и «Призраки» вошли через технический туннель, когда основное внимание охраны переключилось на фасад. Соболь и Токарев шли впереди, зачищая коридоры короткими, сухими двойками. Здесь не было криков – только свист ПБС и глухие падения тел.

Виктор двигался в центре, чувствуя, как адреналин сжигает остатки усталости. В голове пульсировал ритм: движение – сектор – выстрел. Они миновали архив, прорвались через столовую и вышли к лестничному пролёту, ведущему на крышу западного крыла.

Виктор доложил, перезаряжая «Калаш»: Тень, я на точке «Зенит». Вижу движение на вертолётной площадке.

Алекс Бейкер. Главный холл.

Кровь и битое стекло. Бейкер ворвался в холл, перепрыгивая через трупы. Грохот снаружи стал невыносимым – ополченцы уже жгли броневики «Шторма» бутылками с зажигательной смесью.

Он орал своим парням: Давите их! Не давать им поднять головы!

Он видел, как элитные наёмники Смита, «штормовики», организованно отходят вглубь здания. Они не бежали – они прикрывали отход. Бейкер понял: Смит уже на низком старте.

Бейкер швырнул гранату в сторону лифтовой шахты: Быстрее, русские! Быстрее!

«Альфа». Крыша.

Дверь на крышу вылетела с петель. Виктор первым ворвался на открытое пространство. Ветер Парижа, пахнущий гарью, ударил в лицо.

В ста метрах, на освещённой прожекторами площадке, уже ревели винты тяжёлого черного конвертоплана. Лопасти нарезали густой туман, создавая вокруг машины ореол из водяной пыли.

Виктор скомандовал, вскидывая автомат: «Призраки», отсечь пехоту! Соболь, работай по двигателям!

Они открыли огонь, но было поздно. Группа телохранителей в тяжёлой броне выстроила живой щит у трапа. Виктор поймал в прицел высокую фигуру в чёрном пальто. Смит.

Генерал на секунду обернулся. Даже сквозь шум винтов и хаос боя Виктор почувствовал этот взгляд – холодный, лишённый страха, взгляд человека, который уже выиграл эту партию. Смит не спеша зашёл внутрь машины.

Виктор закричал, выпуская очередь по бронированному стеклу кабины: Огонь!

Пули бессильно высекали искры из обшивки. Конвертоплан, тяжело качнувшись, начал вертикальный взлёт. Огненные струи из двигателей опалили бетон площадки.

Виктор бежал к краю крыши, меняя магазин на ходу. Он видел, как чёрная тень уходит вверх, растворяясь в низких парижских облаках. Капитан опустил автомат. Ствол был раскалён. Он сорвал с себя шлем и с силой ударил кулаком по бетонному парапету.

Он прохрипел, и этот крик был полон такой ярости, что даже Зубов вздрогнул: Чёрт! Опять упустили! Опять! И где нам его теперь искать в этом чёртовом мире?!

Зубов подошёл сзади, тяжело дыша и вытирая кровь с рассечённой брови: Витя, он ушёл в облака. Без авиации мы его не достанем...

В этот момент рация Виктора ожила. Сквозь треск помех и грохот идущего внизу боя прорвался самоуверенный, хриплый голос Бейкера: «Волк», это Бейкер. Слышишь меня?

Виктор нажал тангенту так сильно, что пластик хрустнул: Слышу тебя, Бейкер! Ты опоздал! Твой «актив» только что улетел у нас из-под носа!

В голосе Бейкера послышалась злая усмешка: Спокойно, капитан, у моих людей есть глаза в диспетчерской штаба «Шторма». У нас есть его полётный план. Смит улетел не в никуда. Он взял курс на Атлантику. Он направляется домой. В Нью-Йорк.

Виктор замер. Слово «Нью-Йорк» прозвучало как приговор и как вызов одновременно.

Виктор спросил, уже не скрывая ледяного блеска в глазах: «Тень», ты слышал?

Нестеров отозвался из штаба: Слышал, «Волк». Бейкер прав. Наши спутники подтверждают курс. Смит стягивает все силы в Штаты, должно быть у него какой-то козырь.

Виктор посмотрел на запад, туда, где за океаном скрывался их главный враг. Гнев внутри него начал трансформироваться в холодную, расчётливую решимость.

Виктор: Значит, летим за ним. Собирайте парней. Париж наш, но война переезжает на другой берег.

Токарев сплюнул вязкую слюну: Значит, Нью-Йорк… Чёрт, командир, это же другой конец света. Как мы его там достанем? Это его логово.

Голос Виктора был тихим, но в нём звенела сталь: Мы достанем его везде. Бейкер прав. Если Смит побежал домой – значит, он чувствует, что земля под ним горит.

В этот момент на крышу, тяжело дыша, поднялся сам Алекс Бейкер. Он выглядел потрёпанным, на плече виднелась кровь, но взгляд оставался цепким.

Бейкер подошёл к Виктору: Рано посыпаете голову пеплом. Смит улетел, потому что Париж для него стал капканом. Но в Нью-Йорке он запрётся в своей башне. И вот тогда нам понадобится нечто большее, чем одна диверсионная группа.

Виктор резко обернулся к нему: На что ты намекаешь, Бейкер?

Бейкер усмехнулся: На то, что Нестеров уже всё решил. Вы летите не одни. Россия поднимает целое направление. Ил-76 уже прогревают движки на восточных аэродромах. ССО, десант… ГРУ, ВДВ пойдут широким фронтом. Это не рейд, Виктор. Это вторжение.

Зубов хмуро усмехнулся, потирая шрам на щеке: Вторжение? На Илах через океан? Масштабно.

Виктор посмотрел на Зубова.

Петрович, слушай внимательно. Когда перелетим и начнётся жара, ваши задачи с «Призраками» сместятся. Мы с «Альфой» пойдём в лоб – на штаб-квартиру Смита, в центр Манхэттена. Нам нужно будет выбить дверь в его кабинет.

Зубов прищурился: А мы?

Виктор: А вы уходите в подбрюшье. Порты, подземка, коммуникации. Пока ВДВ будет сковывать «Шторм» на улицах, вы должны заблокировать остров. Смит попытается сбежать по воде или через тоннели, когда мы прижмём его к стенке. Ваша задача – сделать так, чтобы из Нью-Йорка не вышла ни одна крыса. Отрежьте ему все пути эвакуации.

Зубов кивнул, и в его глазах блеснул хищный огонёк: Понял тебя, «Волк». Мы станем пробкой в этой бутылке. Никто не уйдёт.

Виктор снова посмотрел на серое рассветное небо, туда, где за океаном скрывался Смит.

Он скомандовал: Готовьте людей, в Париже нам больше делать нечего. Следующая остановка – Америка.

Глава 11: Цитадель протоколов хаоса

Ноябрь 28-го. Тусклые огни заката окутали Чкаловский аэродром. В свете прожекторов кружилась ледяная крошка. На фоне неба выстроились десятки Ил-76, готовые к вылету, чей гул турбин заглушал всё, кроме хриплых голосов командиров. Это был не просто десант – это был «воздушный мост» через Атлантику. Чуть в стороне приковывает взгляд необычный, обвешанный аппаратурой Ил-22ПП «Порубщик» – его антенны кажутся шипами какого-то доисторического зверя.

Кузнецов и Зубов стоят чуть в стороне от основного скопления бойцов, наблюдая, как внутрь слаженно заходят ВДВ – «голубые береты» в полной штурмовой выкладке, с тяжёлым вооружением. Рядом с ними грузились «Тигры» и платформы с БМД-4М. Воздух был пропитан запахом авиационного керосина и предчувствием большой крови.

Зубов, поправляя лямки тяжёлого рюкзака: Никогда не думал, что увижу такое. Целое направление. ССО, ГРУ, десантура... Мы реально идём брать Нью-Йорк, Витя.

Виктор: Мы идём брать Смита, Володя. А Нью-Йорк просто оказался у него на пути.

К ним медленно, уверенно подходит офицер с символикой ГРУ – капитан Морозов. Его взгляд спокоен, движения выверены. Он не ждёт, пока его заметят.

Морозов: Кузнецов. Зубов. Морозов. Капитан ГРУ. Прибыл для выполнения задачи.

Виктор, не поворачиваясь, продолжает смотреть на «Порубщик». Его голос тих, но в нём проверка: Задача? Или приказ?

Зубов выходит из тени Ил-76, его взгляд пронзительный: Приказы ведут в никуда.

Взгляд Морозова скользит по силуэтам транспортников, потом задерживается на «Порубщике», оценивая его возможности. Он смотрит на Зубова, затем на Виктора: Наша разведка зафиксировала. Ваши действия в Европе. Ваши цели.

Виктор наконец поворачивается. Его взгляд встречается с взглядом Морозова. Это не вызов, а констатация факта: И?

Морозов без тени колебания ответил, его взгляд абсолютно спокоен и решителен: Мы видим. И мы понимаем. Хватит ждать.

ГРУшник делает шаг к Виктору. В его глазах нет пафоса, только холодная решимость. Он протягивает руку Виктору.

Морозов: Мой долг – защита России.

Виктор пожимает его руку. Хватка крепкая, как сталь. В глазах Виктора мелькает уважение: Добро пожаловать, капитан. Здесь долг – это всё.

Зубов кивает, его губы растягиваются в едва заметной, почти хищной усмешке. Он протягивает руку Морозову: Мы – Призраки. Мы – Волки. Мы –те, кто возвращается.

Три человека стоят вместе под холодным апрельским ветром, на фоне готовящихся к вылету транспортников. Три профессионала, которые выбрали свой путь. В их лицах – решимость, основанная на знании и деле, а не на словах.

Морозов посмотрел на Виктора и Зубова и обвёл Вашингтон тяжёлым маркером на карте: План окончательный. Мои группы ГРУ идут прямо в Вашингтон. Мы берём Белый дом и архивный сектор. Нам нужны исходники планов Смита, чтобы предъявить их миру и выжечь всю гниль, причастную к Беляеву в Москве.

Он перевёл взгляд на Нью-Йорк.

Морозов: Виктор, твои парни из ССО высаживаются в Нью-Йорке. Смит там, в своём гнезде. Твоя задача – найти его и не дать активировать протоколы уничтожения данных. Это твоя личная война, Кузнецов. Сделай её красиво.

Виктор молча кивнул, проверяя нож. В глазах – холодная сталь.

Кузнецов: Смит не выйдет из города.

Зубов накрыл ладонью район Большого Яблока на карте: Не выйдет, это я гарантирую. Мой «Вагнер» встанет на всех развязках. Тоннели, мосты, хайвеи – мы перекроем Нью-Йорк так, что даже крыса не проскочит. Мои «музыканты» сделают из пригородов сплошную зону огня. Если этот ублюдок Смит попытается рвануть в сторону Канады или Вирджинии – он упрётся в мои заслоны.

Зубов поднял глаза на Морозова: Ты делай своё дело в Вашингтоне, ГРУ. Бери свои диски. А мы в Нью-Йорке обеспечим тишину для Виктора.

Морозов выпрямился, окинув взглядом Илы, готовые к взлёту: Нас там не ждут с цветами. Это будет самый масштабный рейд в истории. Нестеров ждёт от нас чистой

победы, но мы знаем, что эта победа – наш единственный шанс на спасение Родины от таких, как Смит.

Он протянул руку: ГРУ летит в Вашингтон. ССО и Вагнер – в Нью-Йорк. Встретимся либо героями в новой России, либо призраками в старой.

Зубов первым сжал руку Морозова: Мы и так «Призраки», Морозов. Нам не привыкать.

Кузнецов кивнул и положил свою руку на плечо ГРУшника: Хорошо. Теперь – вперёд. Работаем. За Родину.

Они расходятся. В этой краткости – огромное взаимное понимание. Виктор не тратит время на пустословие, Морозов не требует лишних деталей. Оба знают, куда летят и зачем.

* * *

Тяжёлые Илы шли клином, разрезая свинцовые тучи над Атлантикой. В иллюминаторе разыгрывалась агония дня: кроваво-рыжая полоса заката стремительно тонула в чернильной бездне океана. С каждой секундой небо теряло остатки тепла, выцветало, пока окончательно не провалилось в густую, непроглядную мглу. Казалось, мир за бортом перестал существовать, оставив лишь ровный, вибрирующий гул четырёх двигателей и бесконечную пустоту впереди. Внутри десантного отсека вспыхнуло тусклое красное освещение – свет войны, в котором лица бойцов превратились в застывшие маски из камня и теней. Виктор чувствовал, как эта темнота вливается в салон, вытесняя прошлое. Больше не было сомнений, не было «завтра». Осталась только эта железная птица, несущая возмездие в самое сердце тьмы, и ледяная решимость Волка, готового к прыжку.

Виктор подключился к закрытому каналу связи с Морозовым, его голос был сух: Капитан, ты ведь понимаешь, что именно ты должен найти? В ООН нас назвали агрессорами. Они до сих пор твердят, что та атака дронов на Москву в начале была «актом отчаяния», а наш ответ – «беспричинной резнёй».

Морозов, уже находившийся в другом самолёте, ответил через помехи: Я знаю, Виктор. Мои аналитики уже зацепились за кодовое название в перехватах. Операция «Сломанный щит».

Виктор прошептал: Смит… Это был он. Украина не смогла бы скоординировать пятьсот дронов одновременно без спутниковой группировки США и их софта.

Морозов подтвердил: Именно. У нас есть подозрение, что приказ на запуск дронов пришёл не из Киева, а из мобильного командного центра под управлением Смита. Он знал, что Россия ответит так, что от Украины ничего не останется. Ему нужна была эта провокация, чтобы развязать руки Альянсу. Украина была для него просто фитилем, который он поджёг, чтобы взорвать весь мир.

Виктор сжал кулаки так, что побелели костяшки: Найди этот документ, капитан. Найди полётные задания тех дронов. Найди подтверждение, что Смит лично курировал наведение на гражданские объекты в Москве. Мир должен узнать, что ООН покрывала военного преступника, который сознательно принёс в жертву целую страну, чтобы начать этот поход на Восток.

Морозов пообещал: Мы перевернём их архив вверх дном. Если Смит оставил хоть один цифровой след того, как он отдавал приказ на запуск по Москве – этот след будет у нас. Мы покажем всем, кто на самом деле нажал на спуск в тот день.

Кузнецов: Сделай это. А я позабочусь о том, чтобы он дожил до того момента, когда его собственная страна увидит эти документы. Если он не сдохнет раньше от страха.

Самолёт качнуло – они вошли в зону плотной облачности над океаном. Теперь цель была ясна не только тактически, но и исторически. Зубов посмотрел на Виктора и кивнул. Они летели не просто мстить, они летели за справедливостью, которую у них пытались отобрать лживыми отчётами ООН.

* * *

В кабине операторов Ил-22ПП стоял специфический низкочастотный гул – работали системы охлаждения вычислительных блоков. На экранах – холодный люминофор и бесконечные каскады спектрограмм. Здесь не было пафоса, была работа.

Старший оператор монотонно произнёс, подстраивая частотный фильтр: Объект 104, береговой радар AN/FPS-117. Вижу попытку перестройки на резервный канал.

Командир группы РЭБ: Не давай ему «дышать». Заливай сектор «Б».

На внешней обшивке «Порубщика» активировались излучатели боковых антенных решёток. Система L-615 начала генерацию прицельных помех. Это не был «белый шум» в привычном понимании. «Порубщик» анализировал структуру сигнала американского радара и зеркально возвращал его обратно, но с микроскопическим сдвигом по фазе и времени.

Для американских операторов на побережье картинка на мониторах не исчезла – она стала ложной. Вместо чистого неба они видели тысячи ложных целей, которые двигались с невозможными скоростями, перекрывая друг друга.

Оператор: «Пэтриоты» вошли в режим поиска. Пытаются нащупать нас в пассивном режиме. Включай режим подавления каналов управления. Частота 4.2 гигагерца. Отсекай их от спутника.

Оператор нажал клавишу. Мощность излучения скакнула вверх. В этот момент связь между батареями ПВО и вышестоящим штабом превратилась в хаос. Цифровые пакеты данных Link-16 разрывались на куски. Команды «свой-чужой» блокировались системой защиты «Порубщика», заставляя автоматику врага уходить в бесконечный цикл перезагрузки.

Самолёт шёл ровно, оставляя за собой невидимый след электронного разрушения. Никаких спецэффектов. Просто на

огромном пространстве от побережья до Вашингтона военная машина врага начала превращаться в набор разрозненных, ослепших железных коробок.

Оператор резюмировал: Эфир «забит». Подавление 92%.

Командир группы РЭБ: Принято. Сообщи «коробкам» на десантирование: окно открыто на двадцать минут. Потом радары начнут прожигать помеху. Время пошло.

* * *

Чёрное небо над Атлантикой казалось бесконечной бездной, пока в него не ворвался стальной клин великой империи. Конвой тяжёлых Ил-76 шёл плотным строем, их массивные силуэты едва угадывались в ночной тьме, поглощая свет звёзд. В авангарде, как зловещий страж, парил одинокий «Порубщик» – Ил-22ПП. Его боковые панели и контейнеры РЭБ работали на пиковой мощности, выжигая радары противника на сотни миль вокруг.

Когда впереди показалась береговая линия материка, город внизу вспыхнул россыпью жёлтых точек, напоминавших далёкие, умирающие созвездия. Огни Вашингтона дрожали и расплывались сквозь марево помех. На экранах в кабине ожили индикаторы: каскады жёлтых и ядовито-зелёных градиентов от работающей электроники заливали «стеклянную кабину» призрачным светом. Эти линии, векторы и пульсирующие точки на фоне непроглядной черноты за бортом казались чем-то внеземным, артефактами чуждой цивилизации, пришедшей вершить суд.

Воздух вокруг самолётов буквально вибрировал от невидимой энергии «Порубщика». Электроника врага внизу слепла, превращая мощную оборону в беспомощный хаос. Кузнецов смотрел на приближающийся мегаполис сквозь стекло шлема, и в отражении приборов его глаза казались такими же холодными и золотистыми, как эти огни внизу. Русский Медведь не просто приближался – он спускался с небес в сиянии электронного гнева, готовый выпустить когти в самое сердце системы.

* * *

В десантном отсеке Ил-76 стоял тяжёлый гул. Красный свет боевой готовности заливал лица бойцов ГРУ и ВДВ багровыми тенями. Капитан Морозов проверил крепление подвесной системы, чувствуя, как самолёт ощутимо встряхивает.

В небе над американской столицей сейчас шла невидимая битва. Ил-22ПП «Порубщик» выжигал радиоэфир противника, превращая их хваленые радары и командные сети в бесполезный цифровой мусор. Но тяжёлая зенитная артиллерия ПВО врага, работая в ручном режиме, продолжала огрызаться в тёмное небо. Корпус десантного тяжеловоза содрогался от близких разрывов.

Пилот сообщил по внутренней связи: Две минуты до точки сброса!

Морозов посмотрел на парней. В их глазах не было страха. Была лишь сосредоточенность людей, выполняющих приказ Родины. Броня БМД-4М уже была закреплена на рампах, готовая уйти в бездну секундами ранее десанта.

Вспышка. Багровый полумрак кабины мгновенно сменился резким, ядовито-зелёным светом. Сигнал!

Морозов скомандовал: Пошёл! Пошёл! Пошёл!

Ветер ударил в лицо. В ту же секунду тёмное небо Вашингтона прочертили тысячи зелёных трассёров. Аналоговые зенитные орудия Нацгвардии открыли шквальный заградительный огонь по снижающимся самолётам. Осколки рвущихся снарядов с глухим стуком резали обшивку крыльев Ил-76. Воздух заполнили трассера и грохот очередей. Началось...

Холодный рёв воздуха из тяжёлой открывающейся рампы Ил-76 смешался с новым, куда более тревожным звуком – отдалёнными хлопками, которые быстро приближались.

Бортовой стрелок прокричал, его голос перебивался помехами: ПВО, Капитан! Пошли трассеры!

Свет в салоне внезапно на мгновение потускнел, словно моргнув от удара. Самолёт дрогнул, и бойцы в десантном отсеке едва заметно качнулись.

Капитан Морозов резко дёрнул гарнитуру: Какого?! Мы же снесли им структуру! «Порубщик» что, спит?!

Оператор РЭБ доложил напряжённым голосом: Может, зенитки, Капитан? Малые калибры, работают по прямой, прорвались сквозь шум.

В динамиках хрипело и шипело, сквозь помехи пробивались новые разрывы, теперь уже куда ближе. В иллюминаторах мелькнули красные нити трассеров, поднимающиеся из темноты внизу.

Морозов сжал зубы. План пошёл к чертям. Но паники не было. Только ярость.

Капитан прорычал в микрофон, перекрывая гул турбин и грохот зениток: Держать строй! Всем – по готовности! Отсекаемся по сигналу!

Их сбросят прямо в пекло. Так и должно быть. Потому что они – ГРУ. Они – меч. И их место там, где сломалась любая надежда на мирный исход.

Внезапно в аналоговом шлемофоне раздался хриплый, пробивающийся сквозь помехи голос офицера связи ГРУ: «Буран», говорит «Занавес»! Порубщик выжег сектор! Вся их электроника мертва! Но их инженерные группы уже тянут резервные кабели. У вас ровно двадцать минут, пока сигнал вновь не появится! Повторяю: двадцать минут на штурм! Время пошло!

Морозов: Принял, Занавес. Работаем! Команда была, вперёд!

Десант посыпался вниз по штурмовым тросам прямо на разбитый асфальт проспекта. Буран первый шагнул в открытую бездну, а за ним в ревущую ночь посыпались бойцы ГРУ и ВДВ. Шаг в пустоту.

Секунды свободного падения, когда ветер пытается сорвать снаряжение, а мимо лица с диким свистом пролетают трассирующие пули. Рывок. Стальной трос вытянул стабилизирующий купол. Над головой Морозова с глухим хлопком раскрылся основной парашют.

Вокруг него разворачивался настоящий ад. Снаряды зенитных пушек рвались прямо в воздухе, подсвечивая белые купола десантников зловещими вспышками. В ста метрах справа один из куполов вспыхнул факелом от прямого попадания крупнокалиберного патрона – боец ушёл камнем вниз, выполнив свой долг до конца. Морозов сжал зубы, его руки жёстко перехватили стропы, маневрируя и уводя тело из-под очередной пулемётной очереди, которая прошила воздух в нескольких метрах от его ног.

Земля приближалась с бешеной скоростью. Разбитый асфальт Конституюшн Авеню, сгоревшие остовы машин, глухая тьма правительственного квартала.

Морозов приземлился на перекате, гася скорость, и мгновенно нажал на кнопку быстрого сброса подвесной системы. Парашют унесло ветром. Спустя секунду «Буран» уже стоял на одном колене за бетонным ограждением, досылая патрон в патронник АК-105.

Морозов рявкнул в рацию, занимая позицию за разбитым полицейским внедорожником: Сектор три! Группа, к бою! Окопаться за бетонными блоками! Сбор по группам! Первый взвод – зачистить правый фланг! Второй – держать перекрёсток!

БМД-4 падали строго по расчёту, их купола раскрывались с резким хлопком, гася скорость, но даже так при ударе о землю асфальт стонал и трескался. БТР-80 шли следом – массивные, угловатые, они приземлялись чуть мягче, но всё равно оставляли в асфальте вмятины, будто кто-то ударил по городу гигантским молотом.

И вот уже первые машины, едва освободившись от строп, срывались с места, разворачиваясь в боевые порядки,

перекрывая перекрёстки, беря под прицел проспекты. Город, ещё минуту назад казавшийся неприступным, вдруг стал полем боя – и русские десантники брали его с неба.

Уличный бой закипел мгновенно. Свинцовый ливень пулемётов американцев резал гранитные колонны зданий, выбивая искры и крошку. Но плацдарм был взят. Парни зацепились за землю Вашингтона.

Морозов бросил взгляд на тактические часы с механическим циферблатом. Девятнадцать минут. Именно столько оставалось у его штурмовых групп до того, как противник сумеет восстановить резервную аналоговую связь. Впереди их ждали тяжёлые уличные бои и прорыв к Центральному архиву под Капитолием, где хранились секреты генерала Смита. Но первый, самый страшный шаг в бездну – они уже сделали...

Сержант Громов прохрипел, перекрывая грохот выстрелов: Командир! «Порубщик» сработал отлично! Дроны-разведчики ослепли! Мы в глухой зоне! Связь только у нас!

Морозов: Отлично! Чистая работа! Только мы, они и железо!

Из темноты проспектов на них выдвинулась Национальная гвардия США – солдаты в стандартном камуфляже, действующие по уставу, но испуганные дерзкой и молниеносной высадкой десанта. ГРУшники открыли плотный, точечный огонь. Одиночные выстрелы Морозова без промаха укладывали цели. Нацгвардия начала беспорядочно отступать под натиском стальной десантной ярости.

Но внезапно гул боя изменился. С южной стороны проспекта послышался тяжёлый рокот бронированных дизелей. На перекрёсток выкатились чёрные броневики без опознавательных знаков. Из них начали десантироваться бойцы в футуристической, тяжёлой экипировке с закрытыми шлемами-масками и эмблемами в виде стилизованной молнии.

Сержант Громов доложил, перезаряжая пулемёт Печенег: Капитан, это не регулярная армия! Это ЧВК «Шторм»! Личные псы Смита!

Морозов процедил, меняя магазин: Вижу их. ЧВК «Шторм». Профессиональные убийцы, воюющие за банковские счета Смита. У них лучшее оружие, но у них нет духа. Они – механизмы. А мы – воины. Огонь по готовности!

ЧВК «Шторм» атаковала без эмоций, с холодной, материалистической точностью. На Пенсильвания-авеню завязался жесточайший уличный бой.

Морозов перекатился за поваленный фонарный столб, когда очередь из американской штурмовой винтовки SCAR-H разнесла лобовое стекло внедорожника над его головой. Капитан вжался в асфальт Конститьюшн Авеню, прячась за автомобилем, там где был двигатель. Заметив впереди оранжевую вспышку, он инстинктивно рухнул ничком. Прямо над его спиной с яростным шипением пронёсся снаряд РПГ, обдав затылок раскалённым воздухом. Граната пролетела мимо, в паре метров позади насквозь прошила стекло лоджии и ушла вглубь здания. Хрупкая рама не активировала взрыватель, но секундой позже снаряд намертво встретил внутреннюю стену из монолитного вашингтонского гранита, обдав Морозова бетонной крошкой.

Крик наводчика БТРа был слышен через рацию: Источник – третий этаж, дом напротив!

БТР-80, стоявший поперёк перекрёстка, будто только этого и ждал. Башня дёрнулась, разворачиваясь с механической точностью, и спаренный пулемёт КПВТ ударил длинной очередью – не в окно, а чуть выше, срезая карниз и заставляя противника пригнуться. Следом коротко рявкнула автоматическая пушка: снаряды прошили проём, выбивая куски бетона и окончательно превращая лоджию в зияющую дыру.

Командир коротко выдохнул, не отрывая глаз от прицела: Чисто. Двигаем дальше.

Морозов: Штурм, обходи слева! Сержант, подави их пулемётное гнездо на втором этаже!

Из-за угла здания показались три штурмовика «Шторма», ведя плотный огонь на подавление. Морозов выхватил осколочную гранату РГО, сорвал чеку зубами и швырнул её точно под колёса чёрного броневика, за которым укрывались наёмники. Взрывной волной штурмовиков отбросило на асфальт.

Один из наёмников ЧВК, раненый, попытался поднять оружие, глядя на Морозова сквозь тёмное стекло шлема. В его глазах, видимых сквозь разбитый визор, был только холодный расчёт и животный страх смерти. У него не было веры, за которую стоило умирать.

Морозов подошёл вплотную, держа его на мушке. Вокруг гремел вашингтонский бой, горели бронемашины, а в небе продолжали рваться тепловые ловушки наших ИЛов.

Морозов тихо, но твёрдо сказал, перекрывая грохот разрывов: Вы воюете за контракты, а мы – за свой дом. И поэтому вы уже проиграли.
Выстрел оборвал фразу.

Капитан развернулся к своей группе.

Морозов рявкнул, вскидывая АК-105 со старым, надёжным механическим прицелом: Они слепы! У них электроника, у нас – дух! В атаку!

Бой превратился в ураганный, дикий хаос уличного штурма. Под скрежет металла и разрывы ручных гранат десантники ВДВ и ГРУ рванули вперёд.

«Штормовики» пытались запустить свои штурмовые квадрокоптеры, но те, едва оторвавшись от рук, сходили с ума от помех «Порубщика», врезались в стены зданий и взрывались, обдавая наёмников осколками пластика.

Под рваный, агрессивный ритм музыки из темноты проулков всё выкатывались чёрные броневики ЧВК «Шторм». Наёмники Смита, привыкшие воевать по спутниковым картам и

подсказкам ИИ, высыпали из машин. Их футуристические шлемы с тепловизорами теперь были бесполезны – экраны мигали мёртвой рябью. Прорыв русских заставил их дезориентироваться. Их технологическое превосходство испарилось.

Визг рикошетов, грохот пулемёта «Печенег», тяжёлое дыхание в полумраке.

Морозов двигался вперёд со скоростью стальной машины. Выстрел – наёмник падает на асфальт. Короткий рывок под прикрытием дыма – удар прикладом в визор второго, сбивающий того с ног. Спецназ ГРУ продвигался по проспекту, выдавливая ЧВК к ступеням Капитолия.

Материалистический мир Смита, построенный на беспилотниках и алгоритмах, начал рушиться под огнём простых русских автоматов и несгибаемой воли бойцов десанта.

Морозов: ГРУ, ВДВ! Вперёд! Очистить проспект до Капитолия! Наша правда сильнее их стали!

И русские воины, ведомые верой и силой своего духа, пошли на финальный штурм цитадели Смита...

Русские перешли в стремительное наступление. ГРУшники и ВДВшники рвали оборону Нацгвардии на куски, продвигаясь к Капитолию квартал за кварталом.

Бойцы работали парами: пока один подавлял огневые точки противника длинными очередями, другой совершал рывок вперёд, закрепляясь на новых рубежах. Кровь и гарь пропитали форму, но ни один боец не отступил. Спустя час ожесточённых уличных боёв, когда последние заслоны «Шторма» были сметены, подразделения «Бурана» заняли позиции непосредственно перед площадью Капитолия.

Голос в рации был напряжён: «Буран», это Штаб! Данные разведки подтверждают: на площади развёрнуты танковые роты «Абрамсов». Если попытаетесь атаковать сейчас – вас сразу же накроет залпом.

Морозов, прижавшись к бетонному бордюру, смотрел в бинокль. Огромные силуэты танков притаились в скверах.

Морозов отрезал, утирая пот с лица: Принял, Штаб. Занимаем круговую оборону! Рассредоточить бронетехнику, маскировать БТРы и БМД в застройке. Смертникам – не рыпаться. Будем работать через дрон-разведчик, мониторить их паттерны.

Резкий, пронзительный писк тактических часов капитана Морозова разорвал звенящую тишину. Таймер РЭБ вышел. Двадцать минут хаоса для противника закончились.

Сержант Громов прохрипел, указывая на то, как дроны противника мгновенно активизировали режим боевого сканирования: Они снова в эфире!

Над Капитолием вновь поднялся рой беспилотников.

Бойцы РФ замерли. Тяжёлые машины скрылись в тени разбитых зданий, накрытые маскировочными сетями. Морозов понимал: их прикрывают десантные корабли, ожидающие сигнала, но их танки не смогут подойти к Капитолию, пока небо над ними не станет «слепым». Им нужен «Порубщик». Нужен второй заход.

На площади перед Капитолием воцарилась противоестественная тишина. Бойцы РФ всматривались в приборы наблюдения, ожидая момента, когда электромагнитный шторм «Порубщика» снова превратит гордость американской армии в груду дорогостоящего, но бесполезного металла...

Громов ткнул пальцем в сторону площади: Смотри, командир, «Южный альянс» начал свой заход.

Из-за поворота вывалилась колонна ржавых пикапов и броневиков повстанцев. Они шли без прикрытия, с криками и беспорядочной стрельбой. Это было не наступление, а бойня. Через секунду пространство перед Капитолием превратилось в ад. Патрульные дроны США зависли над ними, наводя огонь

танковых орудий. «Абрамсы» даже не меняли позиций, просто выкашивая колонну прямой наводкой.

Морозов сухо констатировал, опуская бинокль: Идиоты… Ни слаженности, ни разведки. Пушечное мясо. Так они только выдают наши позиции.

Боец спросил: Мы ждём, пока Альянс их отвлечёт?

Морозов проверил заряд батареи на планшете: Мы ждём не Альянс. Мы ждём второй проход «Порубщика». Как только небо погаснет и «Абрамсы» ослепнут – мы выходим на дистанцию работы наших ПТРК. А до тех пор – лежать. Любой, кто сунется сейчас, станет мишенью для тех же дронов.

Любое движение техники РФ было бы обнаружено и уничтожено.

Сержант Громов, сквозь оптику бинокля наблюдал за башней «Абрамса» в сквере: «Буран», мы заперты, командир, их дроны висят над нами, как стервятники. Нужен тяжёлый калибр.

Морозов прикрыл глаза, поправляя рукав куртки с шевроном России. Он знал: сейчас любой необдуманный шаг обернётся кровавой бойней.

«Буран» отрезал в рацию: Связь со Штабом! Доложить обстановку. Запросить второй заход «Порубщика». Нам нужно ослепить их броню и дроны полностью, чтобы наши танки смогли пробить дорогу к Капитолию.

В этот момент башни «Абрамсов» начали медленно поворачиваться в сторону позиций бойцов Российской Федерации.

Морозов отрезал в рацию, досылая патрон в патронник: Приготовиться к встречному бою! Прикрывать «Порубщика»!

Спустя мгновение небо над Вашингтоном вновь разорвало безмолвной, багровой вспышкой! Второй заход РЭБ «Порубщик»! Мощнейший электромагнитный импульс сжёг

все аналоговые системы наведения «Абрамсов», превратив их в слепые, грохочущие гробы на гусеницах. Дроны зависли в воздухе, а затем, потеряв управление, камнем посыпались на землю.

В тот же момент с запада, на улицы города вырвалась колонна русских танков. Это были Т-90 «Владимир» и Т-80БВМ. Тяжёлые машины, доставленные десантными кораблями, под прикрытием «Порубщика» совершили молниеносный прорыв.

По рации разнёсся хриплый, ликующий голос командира танкового батальона: «Абрамсы» ослепли! Вперёд, сынки! За Родину! Бей пендосов!

Русские танки, ощетинившись орудиями, двинулись прямо на ослепшую бронетехнику США. В городских условиях «Абрамсы» были ничем. Т-90 и Т-80БВМ работали как хищники, расстреливая врага прямой наводкой, сминая их оборону гусеницами. Каждая башня «Абрамса», которая пыталась повернуться, тут же получала прямой удар, превращаясь в груду раскалённого металла.

Началось молниеносное вторжение. Пехота ГРУ и ВДВ, поддержанная огнём танков, рванула вперёд, сметая остатки сопротивления противника. Капитолий был обречён.

Подразделения ГРУ и ВДВ под командованием капитана Морозова зажали остатки Нацгвардии и наёмников ЧВК «Шторм» прямо у величественных колонн Капитолия.

РЭБ «Порубщик» продолжал удерживать небо чистым, но тактическое окно в двадцать минут стремительно закрывалось. Противник дрался отчаянно, понимая, что отступать им некуда.

Резко рванув автомат на ремне, капитан ГРУ Морозов перемахнул через дымящийся остов вражеского броневика и, зажав тангенту рации прямо на бегу, выплюнул в эфир: «Комбат», это «Буран»! Мы заходим на штурм парадных ворот открыто! Твоя задача – немедленно зажать Капитолий в железные тиски. Всем танковым группам – «Торнадо»,

«Ураган», «Гранит» – занять круговую оборону у правительственного сектора, распределить сектора обстрела наружу и намертво перекрыть либеральной бесхребетности любые пути к прорыву. Стоять кремнём, Рубикон пройден!

Под личным прикрытием капитана и плотным огнём его штурмовой группы ГРУ, колонны тяжёлой бронетехники батальона с рёвом двинулись вперёд, впечатывая гусеницы в асфальт у самого подножия охваченного паникой здания.

Сержант Громов доложил сквозь грохот боя, меняя магазин: «Буран», они запечатали нижние ярусы! Вход в тоннели правительственного метро заблокирован взрывом!

Морозов жёстко скомандовал: Взорвать гермозатворы! Нам нужен их центральный архив под Капитолием!

Штурмовая группа ГРУ пробилась сквозь разбитый вестибюль Капитолия к шахтам подземных коммуникаций. Направленный кумулятивный взрыв разнёс тридцатитонную стальную дверь резервного бункера Смита. Парни ворвались в подземный комплекс, заливая коридоры огнём автоматов и подавляя последние очаги сопротивления охраны. Бойцы заняли круговую оборону, держа периметр, пока Морозов и сержант Громов вскрывали защищённые терминалы.

Морозов вошёл в оперативный зал бункера.

Экраны ожили, заливая мрак бункера холодным сиянием. На первом мониторе мелькнуло досье: Капитан Виктор Кузнецов. Позывной «Волк». Данные о его перемещениях, контактах, даже выдержки из личных дел. Смит давно охотился за ним.

Морозов открыл досье.

На мониторе развернулось досье: «CAPTAIN VIKTOR KUZNETSOV. CALLSIGN: «WOLF» Rus: Волк («Volk»). RUSSIAN SSO (SOF = Special Operations Forces)». Период содержания: 6 месяцев (апрель 2028 – октябрь 2028). Психологическое давление: высокий уровень. Методы: информационная изоляция, внушение вины за действия крота «Феникс»

(Беляева) на Куршской косе. Цель: сломить волю, дискредитировать РФ. Информация о ядерном подрыве на Куршской косе (август 2028) удерживается от объекта до момента полного слома».

Ниже шли схемы. Чёрный веер радиоактивного заражения, накрывший Куршскую косу – жемчужину Балтики, уже тогда, в августе 2028-го. Имя исполнителя: Беляев. Крот ГРУ (ликвидирован группой Волка в октябре 2028-го).

Морозов медленно сжал кулак так, что тактическая перчатка затрещала по швам.

Его стальное лицо побелело.

Морозов хрипло выдохнул, со свистом: Твари… Они держали его в плену полгода. Ломали ему психику, внушали, что он виноват в гибели тысяч людей на Куршской косе. А он… Он даже не знал, что это произошло, пока он гнил в их застенках. И крота Беляева они уже сами завалили в октябре. Беляев, гнида всех подставил.

Громов тихо произнёс, его голос дрожал от с трудом сдерживаемой ярости: Командир, Смит использовал трагедию, чтобы сломать нашего лучшего. А Беляев… Собаке собачья смерть. Смит до сих пор живёт в Нью-Йорке.

Морозов: Он ответит за всё…

На стене горели аналоговые карты развёртывания сил ЧВК «Шторм» в Нью-Йорке.

На втором экране пошли отчёты: «Операция «Тритон» – Москва. Атака БПЛА. Корректировка спутников GEO-7, GEO-9. Участие украинских хакерских групп».

Морозов сухо констатировал, его пальцы в тактических перчатках скользили по клавиатуре, копируя данные: Вот она, правда. Невинная атака дронов на Москву, говорите?

Среди сотен цифровых дисков Громов вытащил тяжёлую, аналоговую папку из плотного картона с красным штампом:

«PROJECT PROPHET. TOP SECRET» («ПРОЕКТ ПРОРОК. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»).

Громов открыл папку: Смотри, командир, наша легенда. Владимир Вольфович.

С первой страницы на них смотрело волевое, знакомое всей России лицо Жириновского. Внутри папки хранились подробнейшие анализы его речей, начиная с 90-х годов, заканчивая его знаменитыми выступлениями 2022-го.

Американские спецслужбы собирали каждое его слово.

Рядом со стенограммой его речи, где он прямо говорил: «Вы не понимаете, что мы вернём свои земли, и наши танки будут стоять у ваших административных зданий, если вы не прекратите нагнетание!», стояла размашистая пометка директора ЦРУ тех лет: «Внимание! Его прогнозы сбываются с точностью до 98%. Срочно скорректировать планы развёртывания ЧВК в Восточной Европе».

Морозов тихо произнёс, перелистывая страницы, где были задокументированы его выходы к толпе на митингах и разоблачение украинских агентов в Москве: Они боялись его. Боялись, потому что он говорил правду, которую они пытались скрыть за своими фальшивыми лозунгами. Он видел этот штурм Капитолия ещё тогда, когда эти пендосы думали, что они вечные хозяева мира.

Громов: Он был прав во всём, эта правда теперь у нас. Теперь пусть весь мир узнает, о чём он предупреждал.

Сержант открыл следующую папку с грифом «Top Secret». На мониторе появились видеозаписи и аналитические отчёты: «Митинги «оппозиции» в России. Финансирование через фонды USAID и Национальный фонд демократии. Инструктаж лидеров протеста.

Один из видеофайлов загрузился.

На экране появился Владимир Вольфович Жириновский, выходящий к агрессивно настроенной толпе. Он говорил что-

то в микрофон, пытаясь донести свою позицию. Толпа встречала его уничижительными криками: «Клоун! Клоун!».

В какой-то момент Жириновский резко прервался, его взгляд сфокусировался на одной точке в толпе. Он указал пальцем.

Голос политика звучал хрипло, но убеждённо: «Вот этот тип. Он же украинский шпион! Он здесь, чтобы раскачать ситуацию!»

Морозов нажал на паузу. Качество записи было идеальным. Лицо мужчины в толпе, его нескрываемая злоба, его взгляд, идущий не от сердца, а от холодного приказа – всё было видно. Это был оперативный сотрудник ГУР Украины, внедрённый в протестное движение.

Громов тихо произнёс: Так вот как всё начиналось. Они не просто воевали. Они пытались разрушить нас изнутри, используя наших же. А потом обвинить в агрессии.

Морозов поднялся. Его глаза горели холодным огнем. Документы Смита – вот они. Правда, которую мир не должен был узнать. Он передал данные в штаб. Теперь у Виктора Кузнецова в Нью-Йорке были все карты, чтобы нанести последний, сокрушительный удар по поджигателю войны. Идеологический щит России был подтверждён документами врага.

Подземный бункер был взят, досье «Пророк» с планами НАТО и разоблачением Смита надёжно упаковано в тактический рюкзак Громова. Но оставался последний, главный шаг. Шаг, который должен был поставить точку в битве за Вашингтон.

Морозов медленно шёл по широким ступеням Капитолия. В его руках, сложенных на груди, было зажато тяжёлое, алое полотнище штурмового Знамени Победы и государственный триколор.
Морозов хрипло скомандовал, указывая на величественный белый купол здания, возвышающийся над Вашингтоном: На самый верх, пацаны!

Группа ГРУ и ВДВ пробилась через полуразрушенные внутренние залы к винтовым лестницам, ведущим на смотровую площадку под самым куполом. Холодный ветер Свободы рвал из рук полотнище, когда они наконец вышли наружу. Весь покорённый Вашингтон лежал перед ними как на ладони – дымящийся, онемевший, признавший силу русского оружия.

Громов и Морозов вместе подошли к флагштоку. Старые американские тросы со свистом ушли вниз. Секунда – и над главным зданием Империи, над самой цитаделью глобального хаоса, медленно и гордо развернулось наше Знамя.

Громов крикнул, закрепляя карабины: Есть касание!

Полотнище затрепетало на ветру, сияя на солнце сквозь дым пожарищ. Внизу, на Конститьюшн Авеню, танкисты и десантники задрали головы вверх. В ту же секунду воздух Вашингтона разорвал победный, громовой рёв сотен мужских глоток и победные залпы автоматов в воздух.

Морозов прижал руку к тактическому шлему, глядя, как полотнище реет над покорённой столицей. Задача выполнена. Вашингтон пал. Рейх нашего времени повержен. Но впереди оставался Нью-Йорк, Манхэттен и Смит, который должен был ответить за каждого павшего русского солдата. И время его расплаты уже наступило...

Глава 12: Их земля, их кровь

2 часа спустя. 6:00 утра. Рёв турбин Д-30КП тяжёлых Ил-76 разрывал утреннее небо, а холодный, свинцово-серый рассвет медленно окрашивал верхушки небоскрёбов Манхэттена. Над Гудзоном, разрывая утреннюю тишину оглушительным, металлическим рёвом, один за другим шли на бреющем полёте русские сверхзвуковые истребители Су-57 и тяжёлые десантные Илы. Свободные силы Российской Федерации со всех секторов стягивались к финансовой столице Нового Света. Кольцо сжималось.

В десантном отсеке Ил-76 царил полумрак. Из динамиков штабной рации пробивался сквозь треск помех безумный, ликующий шум сотен голосов: Капитолий наш! Знамя над куполом! Мы сделали это, пацаны! Победа!..

Виктор протянул руку и с сухим, резким щелчком выключил тумблер связи. Ликование оборвалось. В отсеке повисла тяжёлая, давящая тишина. Свою войну в Вашингтоне десантники Морозова выиграли. Но ССО и ЧВК «Вагнер» здесь, на улицах Нью-Йорка, ждала их собственная, личная и беспощадная война. Генерал Смит был где-то на Манхэттене, и он всё ещё дышал.

Виктор сидел, прижавшись спиной к стальному борту. Его лицо было бледным, челюсть жёстко сжата. Он пытался держать лицо скалы, казаться абсолютно спокойным перед бойцами, но его жилистые пальцы судорожно, до белых костяшек, сжимали цевьё автомата.

Нервозность, копившаяся все эти дни, сейчас звенела внутри него натянутой струной.

Чтобы не сойти с ума от этого ожидания, Виктор прикрыл глаза и начал тихо, едва слышно, шептать в звенящую пустоту отсека: Я узнал, что у меня… Есть огромная семья…

Его хриплый голос слегка дрожал, но с каждым словом обретал свинцовую силу: И тропинка, и лесок… в поле каждый колосок…

Борис Токарев – его верная правая рука, его преданный брат, медленно повернул голову. Он молча посмотрел на друга. Чуть поодаль, у десантного люка, сидел майор Зубов. Оба они – и Токарев, и Зубов – мгновенно заметили эту внутреннюю бурю командира. Они видели, как за его стальной маской бездушного бойца сейчас набатом бьётся живое, израненное, но непобедимое сердце.

Кузнецов продолжал тихо шептать, не открывая глаз: Речка, небо голубое… Это всё моё, родное… Это Родина моя… Всех люблю на свете я…

Боря Токарев ничего не сказал. Он лишь крепко, по-братски сжал плечо Виктора своей тяжёлой рукой в тактической перчатке. Зубов молча дослал патрон в патронник своего автомата и коротко кивнул. Они знали, что впереди их ждёт ад. Но за спиной у них была их огромная семья. Их Родина. И они были готовы забрать эту землю и эту кровь…

Кузнецов закончил читать стих. Последние слова Данилы Багрова растворились в гуле двигателя. Виктор медленно открыл глаза. Его взгляд был холодным, но звенящая нервозность ушла, уступив место чистой, концентрированной ярости.
Боря Токарев убрал руку с его плеча и коротко, хладнокровно улыбнулся: Красиво читаешь, командир. По нашему. По-русски. Скоро закончим этот цирк. «Шторм» стягивает остатки сил к Уолл-стрит. Они думают, что небоскрёбы их спасут.

Майор Зубов приподнялся со своего места и произнёс веско, с суровым оскалом, проверяя крепление визора на шлеме: Не спасут, Боря. Это их земля, но сегодня здесь будет течь их кровь. За всё, что они устроили в Москве, за каждую провокацию со спутниками и за каждую нашу павшую душу. Мы пришли забрать долги.

Капитан Виктор Кузнецов стоял у открытой рампы грузового отсека, закреплённый тросом безопасности. Холодный, влажный ветер Нью-Йорка хлестал ему в лицо.

Он смотрел вниз, на город, который сейчас казался муравейником. В голове всплыла ирония: ещё в апреле он видел сотни американских транспортников, пролетающих над российской базой, и думал о приближающейся войне. А теперь русские летят над ними. Американцы вынуждены задирать головы вверх, ожидая смерти с неба.

В мыслях Виктора мелькнуло: Какая ирония…

Раздался резкий сигнал. Над Гудзоном раскрылись десятки парашютов. Не десантники. С неба, выписывая элегантные спирали, спускались на парашютных платформах

бронеавтомобили «Тигр». Их группам нужен был быстрый, мобильный транспорт.

Наконец, и их Ил-76 снизился до предельной высоты. Виктор, Борис Токарев, лейтенант Летягин и рядовой Соболь, скованные с парашютными системами, шагнули в пустоту.

Виктор Кузнецов сделал шаг в пустоту. Ледяной воздух на высоте трёх тысяч метров мгновенно обжёг лицо, а бешеный поток ветра попытался сорвать тактический шлем. Свободное падение длилось бесконечно долгие пятнадцать секунд. Вокруг него, разрезая утренний туман, падали сотни черных точек – штурмовые роты ССО и ВДВ.

Рядом, покачиваясь на гигантских многокупольных парашютных системах, тяжело и плавно спускались платформы с бронеавтомобилями «Тигр». На высоте ста метров под ними с глухим хлопком сработали пороховые двигатели мягкой посадки, поднимая тучи пыли на пустых бруклинских развязках. Рывок, стропы натянулись до звенящего треска, и Волк сгруппировался, жёстко приземляясь на разбитый американский асфальт. Секунда на сброс подвесной системы, досыл патрона в патронник – и его подошвы уже тяжело стучат по палубе десантированного «Тигра».

В рации раздался хриплый голос майора Зубова: «Волк», это «Призрак»! «Вагнер» блокирует все выезды с Манхэттена. Смит пытается прорваться на бронеколонне по 5-й авеню. Направление на юг.

Кузнецов: Принял, «Призрак»! Идём на перехват! Летягин, Соболь, приготовить ПТРК! Боря, гони, что есть мочи!

Погоня началась. Бронеавтомобиль «Тигр» с рёвом мчался по опустевшим улицам Нью-Йорка, обходя разрушенные завалы и баррикады. Впереди показалась бронеколонна ЧВК «Шторм» – несколько тяжёлых машин и пара БТРов НАТО, прикрывающих Смита.

Бронеавтомобиль «Тигр» с диким рёвом ярославичского дизеля вылетел на Бродвей, закладывая крутой вираж. Боря

Токарев мёртвой хваткой вцепился в руль, уводя тяжёлую машину от столкновения с брошенными легковушками. Впереди, в трёхстах метрах, уходила на прорыв колонна ЧВК «Шторм» – два бронированных Кадиллака Смита под прикрытием натовских БТР «Страйкер».

Летягин крикнул, высовываясь по пояс из правого люка с автоматом наготове: Уходят, твари! Набирают ход!

Кузнецов рявкнул с переднего сиденья, контролируя тактическую карту на планшете: Соболь, за пулемёт! Срежь им колеса!

Рядовой Соболь мгновенно занял место у турели крупнокалиберного «Корда». Башня «Тигра» довернулась, и улица взорвалась оглушительным, тяжёлым стуком крупнокалиберных выстрелов. Тяжёлые пули 12.7-мм начали рвать корму замыкающего БТР противника, выбивая снопы искр из бронелистов. В ответ из башни «Страйкера» ударил автоматический гранатомёт.

Вокруг «Тигра» начали рваться 40-миллиметровые снаряды. Осколки со свистом хлестали по лобовому бронестеклу, оставляя глубокие паутины трещин. Машину швыряло из стороны в сторону.
Токарев заорал, резко закладывая руль влево и проскакивая между горящим автобусом и стеной магазина: Держитесь!

Зеркало заднего вида сорвало к чертям, металл заскрежетал о бетон.

Летягин и Соболь вели непрерывный огонь. Гильзы с металлическим звоном засыпали пол кабины. На перекрёстке 5-й авеню колонна Смита попыталась развернуться, но наперерез им из бокового переулка выскочил БТР «Вагнера» под командованием Зубова, зажимая американцев в тиски. На зажатом пятачке Манхэттена завязался яростный встречный бой. Пули свистели плотным роем, кроша фасады бутиков и разбивая витрины.

Внезапно со стороны серой глади воды, прямо над верхушками парковых деревьев, низко заложив вираж,

вывалился ударный вертолёт АН-64 Apache. Он шёл на бреющем, заходя на нашего «Тигра» с фланга.

Соболь истошно закричал: Воздух со стороны реки!

Но навести орудие пилот не успел. Российская зенитная ракета, выпущенная с десантного корабля в заливе, прочертила небо белым росчерком и сдетонировала прямо у хвостовой балки вертолёта. Тяжёлый взрыв оторвал винт, но не уничтожил саму машину. Объятый пламенем и дымом, «Апач» закрутило бешеной каруселью.

Тяжёлая машина, ломая винтом стволы прибрежных деревьев, с диким металлическим скрежетом рухнула на шоссе Вест-Стрит. Носом пропахав асфальт и разбрасывая веера искр, вертолёт на полной скорости врезался в бетонное основание придорожного небоскрёба.

Лопасти несущего винта со свистом разлетелись во все стороны, круша всё на своём пути. Удар был такой силы, что носовая часть вертолёта буквально вмялась в бетон. Кабина пилотов мгновенно заполнилась густым чёрным дымом, а лобовое стекло покрылось плотной паутиной трещин и копоти. Машина замерла, окутанная языками пламени.

Этот страшный удар, взрывная волна и туча поднятой пыли у воды создали секундное, роковое замешательство.

Кузнецов крикнул: Боря, берегись!

Джип Смита, уворачиваясь от летящего обломка лопасти, потерял управление на скользком шоссе и на полной скорости врезался в боковую часть этого же, содрогнувшегося от удара небоскрёба. Бетон посыпался лавиной. Токарев рванул руль влево, пытаясь спасти пацанов от обрушивающейся стены здания, но «Тигр» потащило боком. Удар чудовищной силы смял борт машины. Скрежет рвущегося железа, грохот рушащихся конструкций и звенящая, глухая темнота поглотили сознание Виктора...

Охрана Смита погибла на месте. Машины Виктора, пытаясь увернуться от падающих обломков и столкнувшись друг с

другом, также врезались в руины, их корпуса дымились и корчились. Виктор, выскочив из искорёженного салона своей машины, оказался один.

Здание, в которое врезался Смит, застонало. Оно уже было ранено войной, а теперь добито. Неподалёку, с грохотом обрушилась его верхняя часть, поднимая клубы пыли, заваливая улицы обломками и заставляя всю конструкцию угрожающе шататься. Из-за этого обрушения, по всей нижней части здания пошли новые трещины, и оно начало разрушаться фрагментами, словно разваливаясь на глазах.

Из образовавшейся на первом этаже дыры, сквозь клубы пыли и дыма, оранжевые отсветы пламени, донеслись глухие стоны. Смит, выбравшись из искореженного джипа, лежал среди обломков, раненый, оглушенный и совершенно дезориентированный. Он пытался отползти, но его тело не слушалось.

Виктор, весь в саже и пыли, с несколькими порезами, стоял неподалеку. Он быстро оценил ситуацию. Время шло на секунды. Здание рушилось не над ними, а вокруг них, но это означало, что шансов выбраться у Смита, если Виктор замедлит, будет предостаточно. Американец был потерян, но он был слишком живуч, чтобы просто оставить его. Нет, личный счёт должен быть закрыт лично, пока их территория горит под ударами.

Виктор входит в дыру. Он не спешит, но его движения наполнены неотвратимостью. Обломки продолжают падать снаружи, стоны разрушающихся конструкций эхом отдаются внутри, но Виктор сосредоточен только на цели.

Голос Виктора звучал глухо и страшно, пробиваясь сквозь треск огня и грохот рушащихся конструкций: А помнишь, Смит... как ты наслаждался нашими страданиями? Моими страданиями! Страданиями моих людей! Ты смотрел на нас как на лабораторных крыс.

Виктор достаёт нож правой рукой из ножен, перехватывает его обратным хватом. Затем, с глубочайшей собранностью,

он проводит вооружённой рукой вдоль вытянутой вперёд левой, оставляя нож на уровне груди, а левую руку держит вытянутой. Он стал его «переключателем режима».

Смит был в панике, его голос срывался от боли и ужаса: Виктор! Я... меня заставили! Меня обманули! Пропаганда!

Виктор холодно, но с ноткой жуткого предвкушения: Мне нет до этого никакого дела. Ты получишь по заслугам, сука! Я лично позабочусь об этом.

Виктор начинает движение. Он не торопится, но каждый шаг неотвратим, пока здание вокруг него стонет и угрожает обрушиться в любой момент. Он выжидает, как Смит мечется, отползая от него.

Голос Виктор стал звучать чуть громче, он как будто отпускал своего внутреннего «волка», который нашёл свою добычу: Давай, Смит, покажись! Хочешь отсрочить неизбежное? Валяй, но от судьбы не убежать!

Смит, видя абсолютную уверенность и неотвратимость в глазах Виктора, теряет последние крупицы самообладания. Он открывает рот, чтобы закричать или снова молить, но Виктор уже здесь.

Виктор: Не волнуйся, Смит. Твоя смерть будет быстрой.

Удар. Виктор пронзает Смита. На его лице нет триумфа, лишь тяжесть и невыносимое напряжение. Он резко выдёргивает нож из тела Смита. Его рука заметно дрожит, и нож со стуком падает на оплавленный пол. Виктор хватается другой рукой за свою, словно пытаясь удержать себя.

С опущенной головой, покачиваясь, он медленно вышел из рушащегося, затянутого гарью проёма первого этажа здания, пока за его спиной оно продолжает медленно, но неумолимо разрушаться, оставляя его одного посреди пылающего ада.

Смит был мёртв, личный счёт закрыт, но в груди Виктора зияла ледяная, выжженная пустота. С трудом собрав остатки воли, он заставил свои дрожащие руки подчиниться. Волк снова взял управление над телом.

Впереди, среди дымящихся обломков «Тигра» и рухнувших плит, раненый лейтенант Летягин, задыхаясь от пыли и кашляя кровью, лихорадочно пытался вытащить зажатого под искореженным металлом рядового Соболя.

Виктор молча сделал рывок вперёд. Навалившись плечом на стальную балку, он рванул её вверх, освобождая бойца.

Соболь, хрипя, выбрался на разбитый асфальт, опёрся на плечо командира и, едва держась на ногах, тихо выдохнул: Спасибо, командир... и тебе, Серёга.

Летягин, тяжело дыша, доковылял до бетонного ограждения и со стоном опустился на него. Его лицо было бледным, покрытым сажей.

Он поднял на Виктора полные невыносимой боли глаза, мотнул головой в сторону и глухо произнёс: Боря... Он не смог.

Мир вокруг Виктора будто замер. Звуки рушащегося на заднем плане небоскрёба отдалились, превратившись в глухой фоновый гул. Волк медленно повернул голову.

Неподалёку, среди битого стекла и кусков бетона, лежал Борис Токарев. На его туловище и голове багровела свежая кровь.

Он был цел, но грудь и бок были пробиты насквозь острыми, рваными обломками взорвавшегося транспорта.

Виктор на не слушающихся ногах подошёл ближе. Каждый шаг давался свинцовой тяжестью. Он медленно опустился на колени перед своим лучшим другом, своей правой рукой, братом, с которым прошёл через весь ад этого мира. Бережно, боясь причинить боль тому, кто её уже не чувствовал, Виктор повернул тело Бориса лицом к небу.

Тишина на Манхэттене звенела, как натянутая струна.

Виктор замер. Затем его рука в тактической перчатке медленно легла на кобуру. Он достал свой личный пистолет – оружие, прошедшее с ним сотни боёв. С глубочайшим,

звенящим уважением Кузнецов положил холодную сталь пистолета на окровавленную грудь павшего брата.

Волк опустил голову. В его глазах отражалось пламя горящего Нью-Йорка, а из самой глубины израненной души вырвался тихий, едва слышный шепот: Прости, Боря...

Продолжение следует...